

ПИОНЕР

ФЕВРАЛЬ

2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1965 г.

Стояла на краю леса елка. Такая же, как все, даже поплоче. И не замечали ее, бывало. Но пролетел ночью Буря — снежная карусель. Беснуется, рвет и мечет Северный, с Ледовитого берега, ветер. Зима — его время. Перегоняет в южную сторону стада снеговых облаков. Было это ночью. Стонало и выло, свистало и ухало по чащобе. Трещали сучья. Скрипели деревья. Дико вскрикивал Северный и метался из края в край неба. Ни звезд, ни месяца! Наконец, к утру, стихла буря. Встало солнце, и открылось тихое снежное царство. Нетронутая белизна во все концы света. А нашу елку, неказистую падчерицу среди деревьев, превратил ветер в маленькую царевну, в Дед-Морозову внучку...

Вот она — какая — не узнать! Укутана до глаз в пухо-

вый легкий платок. Тулупчик на ней из заячьего меха. Руки в рукавах, — не успел быстрый Северный варежки ей подарить. Зато на ногах сапожки... Но мы никогда не узнали бы о славной этой сказке, что сама выросла на краю леса, если бы не Саша Андреев — мальчик, который любит и понимает красоту. Это его фото. Правда, елку в снегу он назвал «Совой», такую она ему почудилась. Да, «Сова» — это тоже хорошо, но это уже другая история. Ничуть не хуже «Царевны», но другая. Тут как кому померещится, так и есть.

И вы сами сядьте вечером у огня и, зажмуря глаза, пуститесь на волю воображения. Ну, попробуйте-ка представить: Ночь, Снег, Ветер и Елку... Ступайте за выдумкой следом, и у вас получится тоже хорошая сказка.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Блистали сабли, и труба
Серебряная пела.
Под красным знаменем отряд
Скакал легко и смело.

Над белыми давным-давно
Одержаны победы.
Ты расспроси о тех годах
И прадеда и деда.

А у отца у своего
Спроси, и он ответит,
Как началась его война
Однажды на рассвете.

Там, где один отец упал,
Отцы другие встали.
Такой войны, такой беды
Столетия не знали!

Ты нашей армией гордись,
Добром ее и славой,
Она спасла и мир и жизнь
От гибели кровавой.

И если тихо на земле
И людям жить не страшно,
То это выиграло бой
С врагами войско наше!

Жаворонок

С. ПОЛЕТАЕВ

Рассказ

Рисунки Е. Медведева.

Спирька Родионов лежал в кровати, подбив под себя большую подушку, и читал, свесив голову вниз. Он слышал, как в избу вошла мать, слышал, как она обмела снег с валенок, знал, что сейчас откроются двери в горницу, она увидит его на постели и всыплет за то, что не по-людски читает, но даже не шевельнулся, никак не мог оторваться от книжки. И верно: открыла двери, однако не стала ругать и посмотрела на него как-то странно и вдруг спросила ни с того, ни с сего:

— Ничего о жаворонке не слышал?

Спирька словно бы не расслышал, о чем спросила мать. Он дочитал страницу, перевернул следующую и только тогда вспомнил:

— О каком жаворонке?

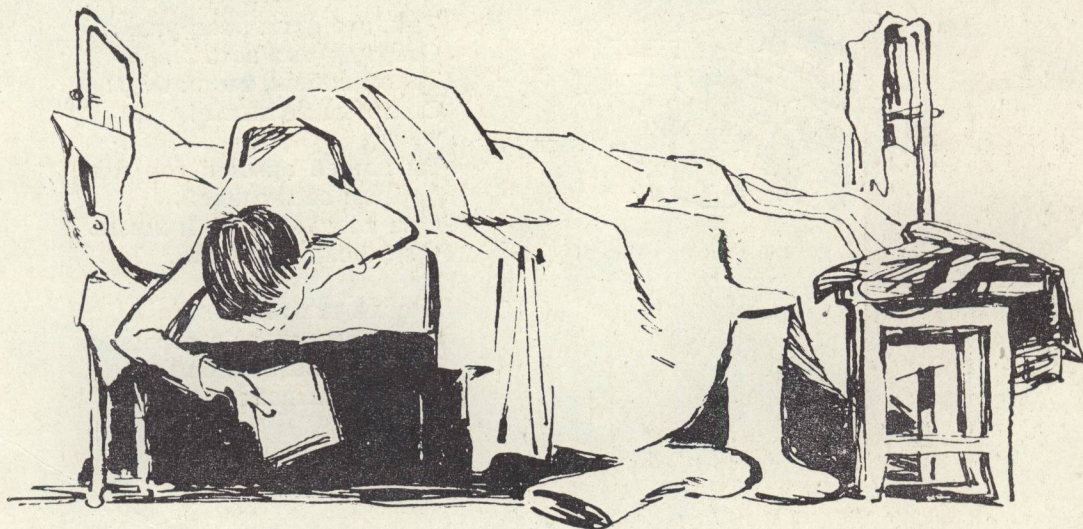
— А я думала, оглох. Обыкновенном. На силосной яме, говорят, объявился...

— Ученая ты у меня голова! — усмехнулась мать. — Однако с постели слазь — стол на то есть.

Спирька слез с кровати, сел к столу и снова взялся за книжку, но о чем он читал, не понимал. Все это, конечно, враки насчет жаворонка, но с чего бы это девки станут врать? Спирька все еще водил глазами по строчкам, но думал о другом. А вдруг правда? Вдруг и в самом деле жаворонок там?

Спирька захлопнул книжку, надел пальто и вышел на улицу. Постоял, поглядел направо и налево, соображая, с кем бы новость обсудить. Послonyaлся без толку и вспомнил о Варьке Сапуновой, своей однокласснице. С ней он дружил.

Дома Варька была не одна. Вместе с ней за столом сидела и строчила на швейной машине Сонька Курдякова, первая мастерица среди девчонок, худущая и несклад-

— Брехня! — сказал Спирька, подумав, и снова уткнулся в книжку.

— Сама не видела, а вот девки говорят... Я подумала, интересно тебе, раз ты всем интересуешься.

— Брешут твои девки, — сказал Спирька. — Зима сейчас, какие еще жаворонки? Выдумают же! На юге они все...

ная, как коза. Ее и дразнили драной козой и еще как придется. Дразнить-то дразнили, но как что сделать, к ней за советом и помощью бегали. Вот и Варька училась у нее кройке и шитью.

Поглощенные работой, девочки не сразу заметили, как Спирька вошел. Он постоял, постоял и грохнул рукой о пустое ведро.

— Ой, кто это? — обернулась Варька. Она бросилась навстречу и стала стягивать с него пальто. — Спирька, Спиречка пришел! Раздевайся, посиди и погрейся тут!

Спирька оттолкнул от себя Варьку.

— Некогда мне рассиживаться!.. На си-
лосной яме жаворонок объявился, а вы ни-
чего не знаете!

— А я тебя чем угощу! — воскликнула Варька и снова вцепилась в него, чтобы снять пальто. — Только полезай сперва на печку, погрейся там и подожди, пока мы закончим, ладно? Мы тут кукле такой фансон придумали, с ума сойти!

Досадно Спирьке: не удивились! Он покорно дал стянуть с себя пальто, снял валенки и полез на печку, где сушились яблоки и дремал на ватнике черный кот Угрюм.

Лежал Спирька на теплых кирпичках и думал: и что там случилось с жаворонком? Почему отстал от своих и в теплые края не улетел? И знает ли наука о таком факте? И как он там сейчас на ферме? Не холодно ли, не голодно? Вот уж скоро и весна придет, ручьи загремят в овраге, снег еще не всюду сойдет, а над пашней послышится птичий звон: это с юга жаворонки прилетят. И полетит к ним жаворонок с фермы, полетит на их песню. Только признают ли они его, не прогонят ли?

Долго он так лежал, все о жаворонке думал. А потом вспомнил про угощение, и сразу голод почувствовал. Девочки хлопотали, ушивали и перешивали, и про Спирьку забыли, но тут он рассердился и сбросил с печки кота. Шлеп!

— Ой! — испугалась Варька и обернулась.

— Давай, чего там хотела, мне! — напомнил Спирька.

— Ой, сейчас, сейчас!

Выбежала в сени и принесла кувшин с холодной ряженкой и блинов.

— Что это?

— Ешь, не спрашивай!

Поел Спирька — вкусно, живот вспучило, тяжело дышать стало. Лежал он теперь на печке и о жаворонке больше не вспоминал, все о Варьке думал: заботливая! Когда ни забежишь к ним, всегда угостит то одним, то другим. Хозяйственная, страсть! Пока мать на ферме, сама приготовит, приборет, печку истопит, тесто поставит, прямо черт в ней сидит, мать нахвалиться не может. А сейчас вот надумала шить научиться. Правда, в школе она не успевала, так ей и незачем: Спирька помогал. Ей бы, к при-

меру, цельный с арифметикой час сидеть, а ему раз плюнуть, в три минуты задачки решит. У него и лоб такой — вдвое больше Варькиного, две шишки на нем, математические, говорят. Варьке только списать останется.

Хорошо он так думал о Варьке, даже в сон стало тянуть. А тут слышит он — девочки о чем-то зашептались, не поймешь, то ли тихо, говорят, то ли ругаются. Прислушался — и спать расхотелось.

— Он за меня всегда все сделает! — шептала Варька. — Что ни скажу, все делает!..

— И с дерева прыгнет? — спросила Сонька.

— И с дерева спрыгнет. Только за тебя не спрыгнет, а за меня спрыгнет! — шептала Варька.

— А вдруг горбатым сделается? — пожалела Сонька.

— Спрыгнет и не чкнется, — заверила Варька. — Он за меня что хошь!..

— Так-таки все?

— Все! А за тебя ничего!

— И за тебя не все!

— Нет, все!

— Нет, не все!

— Нет, все! — распалилась Варька. — Даже... даже...

— Что даже?

— Даже... это самое... жаворонка спымает мне!

— Ой, что удумала! — рассмеялась Сонька. — Какого еще жаворонка?

— Ну, того самого, он говорил чтой-то... Варька оставила шитье, взобралась на лежанку и задышала Спирьке в щеку. — Спирь, а Спиречка! — вкрадчиво сказала она. — А ты мне жавороночка того не спымаешь?

— Это которого?

— Ну, об котором говорил...

«Ишь ведь, слышали!» — обрадовался Спирька.

— Слабо ему! — сказала Сонька. — Небось, и жаворонка никакого нету. Мало ли что набрешут длинным языком!

Крепко разобиделся Спирька. Это у кого длинный язык? У матери, что ли? Или девки брешут? А может, у него, у Спирьки, длинный язык? Ох, коза драная, сорока рваная, я тебе покажу, как длинным языком обзывать!

— А поймаю, что будет? — спросил он. — Сколько щелчков за это?

— Не мне, а Соньке, — сказала Варька.

— За что же мне? — удивилась Сонька.

— А мне за что же? — закричала Варька.

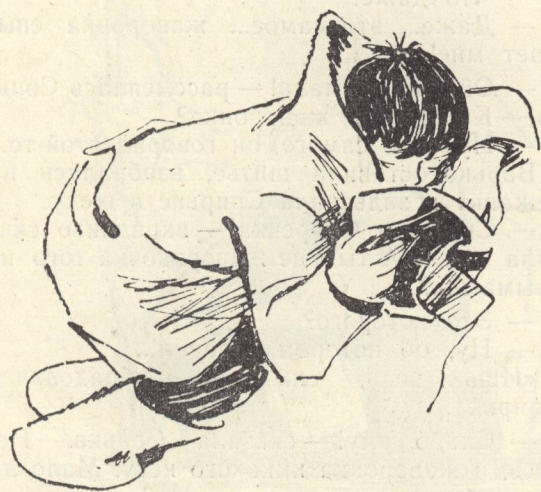
— Ладно, — сказал Спирька, — обeim по пяти штук, по справедливости.

На следующее утро первым делом вспомнил о жаворонке и — матери ни слова! — увязался с нею на ферму.

Вокруг солнечная благодать. Из труб дым столбом, а вся деревня, утонувшая в снегу, сверкала, как игрушечная, словно выдумал ее кто-то, разбросал избушки по склонам лощины, запорошил их ватным снежком и засыпал блестками. Для полной радости только и не хватало Спирьке одного — поймать жаворонка.

На ферме разогревали горячей паклей трактор, отпускали скотницам сено для коров, запрягали коней. Повертелся бы Спирька у трактора, на весах попрыгал, коня под уздцы подержал бы! Некогда — прямо к силосной яме побежал.

Прибежал, огляделся — и что же? За сточной канавкой на кучке соломы — серая птичка. Даже глаза протер: жаворонок ли? Может, воробей? Нет, однако воробей поменьше. Вон и хохолок на голове — жаворонок, как есть! Вертел он хохлатой своей головой, едва заметный на кучке соломы, пускал из клюва тоненькую струйку пара, и

хоть бы что ему! Мороз не страшен — шубка на нем из перышек, людей не боится, и скота тоже, будто на ферме в штате состоит, в колхозном списке числится.

Спирька снял шапку и стал обходить жаворонка сзади, чтобы накрыть его. Ох, и выдаст он щелчков! Варьку угостит так

только, для виду, а худющей Соньке врежет настоящих, с оттяжкой, — будет знать, коза драная, сорока рваная, как его, Спирьку, длинным языком обзывать!

Обошел Спирька жаворонка, постоял не дыша, пока шум в ушах не улегся, сделал несколько шажков — вот он, рукой подать, даже крапинки видны на спине! Что он себе думает, жаворонок? К чему прислушивается, вытянув шейку? Не о том ли думает: когда, дескать, весна придет? Когда, мол, с пашен и лугов снег сойдет? И когда песню начинать? Неизвестно, о чем он там думал, а Спирька в это время подышал на руки, пригнулся и прыгнул... Попался, голубчик!

Осторожно приподнял шапку, заглянул под нее, а там никого! Жаворонок стоял неподалеку, озорно и доверчиво так поглядывал на Спирьку своим круглым глазком: что, поймал?

— Ты чего это здесь делаешь? — закричала девушка, катившая тачку к силосной яме. — Зачем птичку гоняешь? Мешает тебе?

Спирька спрятал озябшие руки под мышку, отвернулся и пошел прочь. Но только девушка скрылась в сарае, вернулся обратно и со зла запустил в жаворонка кучкой мерзлого навоза. Жаворонок взлетел, покружил над ямой и куда-то исчез, утонув в клубах пара. Был — и нет его!

«Ну, теперь не уйдешь!» — подумал Спирька, присел на край ямы и свалился

на мягкое дно. Пар был густой, кругом ничего не видать, от острого силосного запаха недолго и задохнуться. Пошуровала Спирька руками и... наткнулся на что-то теплое и мягкое. Поднес ладонь к глазам: жаворонок! Крылышки потрепаны, хохолок смят, клюв беззвучно раскрывается, еле дышит. Но все же это он как есть, живой и невредимый!

Спирька с минуту посидел, отогреваясь, чувствуя, как толкаются крылышки в пальцах, как под нежным пушком теплое сердце стучит: тик-так, тик-так! Ровно бы часики какие. И подумал со злорадством: «Меня не обманешь! Знал, хитрец, куда на зиму спрятаться! — удивился Спирька. — Тепло здесь и сытно, лучше всякого юга!»

Спирька спрятал пленника за пазуху, отряхнулся и полез вверх по лесенке, представленной к стене. Выбрался из ямы, дохнул морозного воздуха и зажмурил глаза

от солнечной синевы. И вдруг услышал над собой писк, странный какой-то писк. Что бы это такое? Потрогал у себя под рубахой — сидит маленький, голое Спирькино пузо щекочет, выбраться хочет, видать. Под ноги глянул, но и там ничего. Посмотрел вверх — над головой шелестел крылышками... жаворонок! Что за наваждение? Один лежал у него за пазухой, а другой летал над ямой и тревожно пищал. Расскажешь кому, так не поверят. «Может, я самочку поймал? — подумал он. — А это самец летает, ищет?»

И побежал Спирька домой, не чуя под собой ног. Сердце его так и вспрыгивало от радости, а в теле легкость такая — вот-вот оторвется от земли и полетит. Просунул руку за пазуху, нащупал теплый мохнатый комочек и прислушался: тик-так, тик-так! Слабее и реже билось сердце у жаворонка: видно, успокоился, бедняга! И жалко ста-

ло Спирьке — надо бы выпустить его, да куда ему сейчас в мороз! Найдет ли обратно дорогу? Вот зима пройдет, оживут и поднимутся травы, прилетят с юга жаворонки, и тогда побегут они с Варькой на луг и выпустят пленницу — лети, милая, ищи своего дружка и никогда не попадайся! Пока шел, чего только Спирька не передумал!

Варька и Сонька сидели за швейной машиной, сидели и строчили, будто никуда со вчерашнего дня не выходили.

— Спирька, Спиречка пришел! — закричала Варька, махнула ему рукой и снова к швейной машине. — Ты посиди, а мы тут быстренько! И такое-то платьице, с ума сойти!

Спирька вынул из-за пазухи жаворонка, разжал ладонь: жаворонок лежал, недвижно свесив помятые крылышки, и слабо царапал коготками по коже.

— На, вот! — сказал Спирька и отвел глаза в сторону.

— Ой! — взвизгнула Варька испуганно. — Спымал?

Сонька прищурила глаза и робко ткнула пальцем в Спирькину ладонь.

— А может, это и не жаворонок вовсе? — сказала она.

— Как не жаворонок? — вскинулась Варька.

— А может, простой воробей?

— Сама ты воробей! — сказала Варька.

— Это я-то воробей? А ты знаешь, кто тогда?

— Кто?

— Дура ты, вот кто!

— А ты знаешь, кто? Коза драная, сорочка рваная!..

— Ой, чем удивила! — рассмеялась Сонька. — А у тебя мозги куриные, сколько я тебя учу, все шить не научишься!

— У меня мозги куриные, а ты зато проиграла! — Варька проворно выдернула у Соньки бантик из кармашка. — Мой теперь бантик!

— Отдай! — взмолилась Сонька. — На вот тебе желтенький!

— Не нужен мне желтенький, мой красненький будет!

— А мы так не уговаривались!

— Нет, уговаривались!

Девочки стали таскать друг друга по избе, а Спирька стоял, сжимал в руке жаворонка и не понимал, что происходит.

— Да ну тебя! — заплакала Сонька. — Не буду я дружить с тобой!

— И не дружись! — Варька толкнула

Соньку. — И пошла отседова и не приходи больше на моей машине шить! Как вот дам сейчас, так и чкнешься у меня! Шумни ее, Спирька!

— Попросись чего-нибудь пошить, только попросись! — плакала Сонька, надевая пальто. — Не у тебя одной машина! Пойду к Зинке Петуховой, она давно меня просила к себе!..

— Ну и беги к своей Зинке! Подумаешь, нашла чем стращать! Мы вот со Спирькой шить сейчас будем, еще получше у нас выйдет. Правда, Спирька?

Сонька ушла, хлопнув дверью. Варька засуетилась возле Спирьки, стала обметать веником снег с валенок, снимать с него пальто, вся радостная такая и возбужденная.

— Подумаешь, нашла чем стращать! Будто мы и без нее не проживем!

Варька усадила его на табуретку и стала стягивать с него валенки.

— Замерз, ласковый ты мой! — ворковала она над ним, как взрослая над маленьким. — Разве можно по такому морозу бегать! Ишь ты, озорун какой!

Спирька покорно сдавался. Сейчас вот захочет Варька — Спирька сядет с ней за машину и будет строчить платье. А задумает — и в куклы с ней станет играть.

Жаворонок еще недавно шевелился, но сейчас почему-то утих, лежал на ладошке легким, слипшимся комком, подобрал крылышки и даже коготком не царапал. Спирька приложил ухо к странно затвердевшей спинке: дышит ли?

— Ну, чего ты держишь, господи, дай-ка мне сюда! — Варька решительно взяла жаворонка и положила его на загнетку. — Пускай прогреется, отойдет с морозу.

Она выбежала в чулан и принесла моченых яблок.

— Ой, что это я, дура, холодным тебя угощаю? У меня горячее молочко есть! С морозу-то как хорошо выпить горячего!

Варька бросилась к печке, сняла с загнетки жаворонка и оглядела его.

— А ить он дохлый!

— Дохлый, — сказал Спирька, бессмысленно уставившись на жаворонка, который еще недавно шевелился у него под рубашкой. — Помер, — добавил он и опустил голову.

— Ну и ладно, чего жалеть-то? — Варька взяла жаворонка за лапку и швырнула его в помойное ведро.

День был такой хороший, солнечный, а

на душе у Спирьки мрак. Варька поила его молоком, ругала Соньку, драную козу, измывалась над машиной Петуховых (у них-де старая, еще от бабки, дребезжит, как телега!), смеялась чему-то, а Спирька вспомнил, как гонялся за жаворонком, прыгал за ним в силосную яму, и сам показался гадким себе и противным. И ради кого старался? Ради тряпичницы этой и подлизы! И как это он раньше не видел: недобрая она! Спирька рассвирепел вдруг, пнул ее ногой в коленку, бросился к ведру, схватил бездыханную птичку, накинул пальто и выскочил вон.

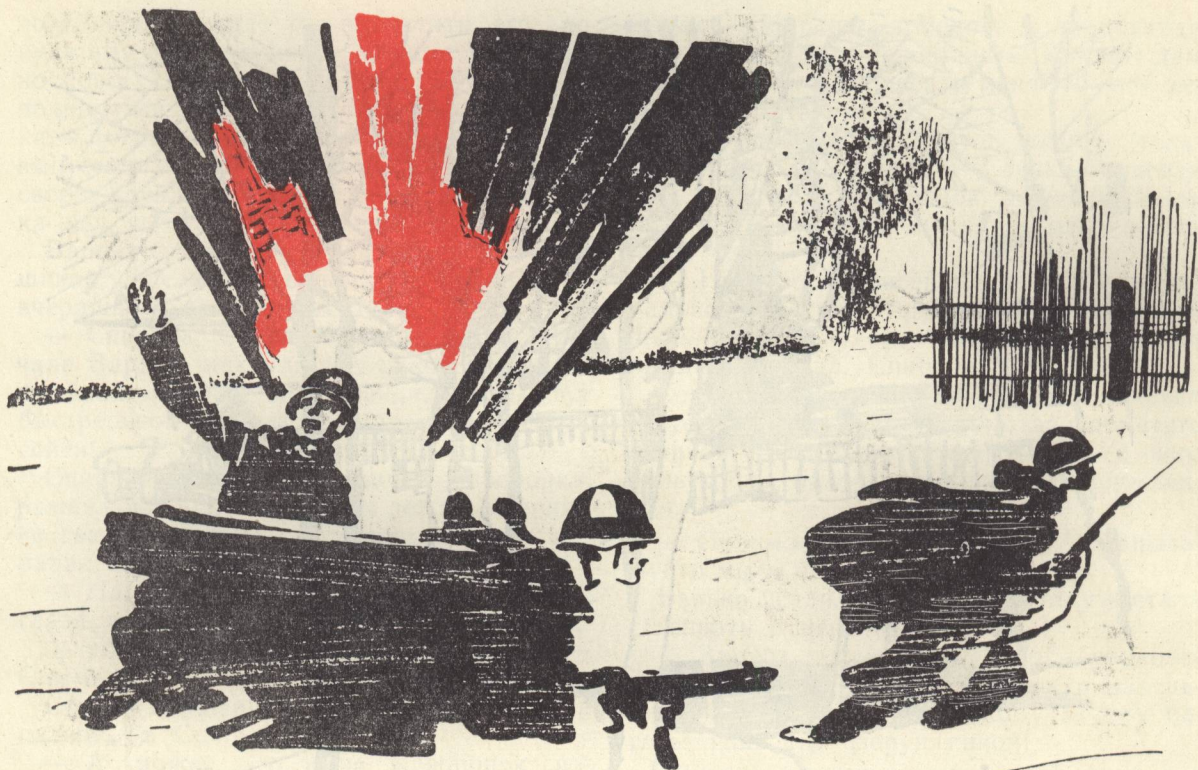
У силосной ямы Спирька остановился, сжимая остывший комок, перевел дыхание и долго молча ждал: может, вылетит снизу тот, другой? Но сколько ни звал птицу, от туда, снизу, не доносилось ни шороха, ни звука.

Значит, улетел. А куда улетел? Ведь околет на морозе, спугнутый с теплого места. Умрет! И так нехорошо стало Спирьке...

А вокруг солнечно светились белые поля, вдали дымчато синел лесок. И с соломенных крыш коровника мягко струился вниз тихий снежок, и металась, сверкая радугой, падающие снежинки...

Борис СЛУЦКИЙ

ДВЕСТИ МЕТРОВ

Мы бы не доползли бы,
Ползи мы хоть ползими.
Либо случай. Либо
Просто счастливые мы.

Ровно двести метров
Было того пути,
Длинных, как километров...
Надо было ползти!

Надо, значит надо!
(Лозунг той войны.)
Сжав в руках гранаты,
Мы ползти должны.

Белые маскхалаты
Тихо берут подъем.
Словно ели, мохнаты,
Оползнями ползем.

Оползнями, пльвунами
Плыли мы по снегам.
Что же станет с нами,
Взвод не постигал.

Взвод об этом не думал:
Полз, снег вороша.
И, как пену, сдунул
Немцев с рубежа.

КАЗАХИ ПОД МОЖАЙСКОМ

С непривычки трудно на фронте,
А казаху трудно вдвойне:
С непривычки ко взводу, к роте,
К танку, к пушке, ко всей войне.

Шли машины, теснились моторы,
А казахи знали просторы,
И отары, и тишь, и степь.
А война польхала домной,
Грохотала, как цех огромный,
Била, как железная цепь.

Но врожденное чувство чести
Удержало казахов на месте.
В Подмоскowie в большую пургу
Не сдавали рубеж врагу.

Постепенно привыкли к стали,
К гроыханию и к огню.
Пастухи металлстами стали.
Становились семь раз на дню...

Рисунки П. Караченцова.

Постепенно привыкли к грохоту
Просоводы и чабаны.
Приросли к океанскому рокоту
Той великой и громкой войны.

Механизмы ее освоили
Степные, южные воины.
А достоинство и джигитство
Принесли в снега и леса,
Где тогда громыхала битва —
Огнедышащая полоса.

КРОПОТОВО

Кроме крыши рейхстага, брянских лесов,
Севастопольской канонады,
Есть фронты, не подавшие голосов,
Эти тоже выслушать надо.

Безымянное Бородино:
Это — Кропотово, возле Ржева,
От дороги свернуть налево...

Там домов не более двадцати
Было.

Сколько осталось — не знаю.
У советской огромной земли в груди
То село, словно рана сквозная.

Стопроцентно выбили политруки.
Девяносто пять — командиры.
И село (головешки да угольки)
Из рук в руки переходило.

А медали за Кропотово нет? Нет.
За него не давали медали.
Я пишу, а сейчас там, конечно, рассвет,
И ржаные, желтые дали,
И, наверно, комбайн идет по ржи,
Или тракторы пни корчуют,
И свободно проходят все рубежи,
И не знают,
Не слышат,
Не чуют.

ОКНО

В моем единственном окне
Все, что необходимо мне:
Неспешный солнечный восход,
И вешний птичий перелет
Из отдаленных южных стран,
И медленный пролет листа,
И яростный пролет моста,
Грохочущего, как прокатный стан.

Вся красота, вся быстрота,
Та, что в природе разлита.

СТРАНИЦА, Которой нет в учебнике

Л. СИМОНОВА

«Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали: что не было безымянных героев, что были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же павшие в бою будут всегда близки вам, как друзья, как родные!»

Юлиус Фучик

Этой страницы истории нет в учебнике, нет и в книгах о Великой Отечественной войне. Ее по крупицам собрали и записали ребята из 11-й средней школы города Советска.

Ты, может быть, не слышал про этот город? Тогда возьми карту прибалтийской части Советского Союза и отыщи Советск на берегу Немана, чуть северо-восточнее города Калининграда.

ГДЕ НАЙТИ ОТВЕТ

Однажды на уроке истории в восьмом классе учитель Василий Гаврилович Бирковский рассказывал про штурм Кенигсберга во время Великой Отечественной войны (теперь этот город называется Калининград). Кто-то из ребят попросил:

— Расскажите, пожалуйста, о боях за наш город.

Все в классе зашумели:

— Расскажите, расскажите, интересно!..

И тут оказалось, что учитель об этом почти ничего не знает.

Стали все вместе искать разные книжки про войну, воспоминания участников Великой Отечественной войны — нигде ничего об их городе не написано. Поехали в Калининград, в краеведческий музей — нет ни-

каких материалов. Взяться было разыскивать в своем городе бывших участников боев — опять неудача!

Тогда ребята решили написать в Москву, в архив Министерства обороны СССР. Из архива пришел ответ:

...19 января 1945 г. соединения 54-го стрелкового корпуса штурмом овладели городом Тильзит (ныне Советск), крупнейшим узлом сопротивления, важным экономическим и политическим центром в Пруссии и крупнейшим портом на реке Неман.

В состав 54-го стрелкового корпуса (командир корпуса — генерал Ксенофонтов Александр Сергеевич) входила 263-я Сивашская стрелковая дивизия, которой командовал полковник Черепанов Корнелий Георгиевич. Эта дивизия непосредственно овладела городом Тильзит, особенно отличились полки: 995-й стрелковый полк под командованием полковника Волкова Михаила Ивановича, 997-й стрелковый полк, которым командовал полковник Рогалев Петр Леонтьевич, и 993-й стрелковый полк под командованием подполковника Кваши Ивана Тимофеевича...

С этого документа все и началось. Стали разыскивать бывших командиров, писали письма, получали на них ответы, воспоминания, фотографии, документы. Изучали, исследовали, уточняли отдельные эпизоды боя, имена героев и снова разыскивали...

Три дня провела я в музее 11-й школы. Целых три дня понадобилось мне, чтобы

познакомиться со всеми материалами. А потом я села и задумалась: как же мне рассказать обо всем? А ребята говорят:

— Знаете что, давайте напечатаем в журнале схему боев за город, которую нам прислал полковник Волков. На эту схему взглянешь, и все сразу видно. А мы кое-что поясним...

СТРЕЛКА НА СХЕМЕ

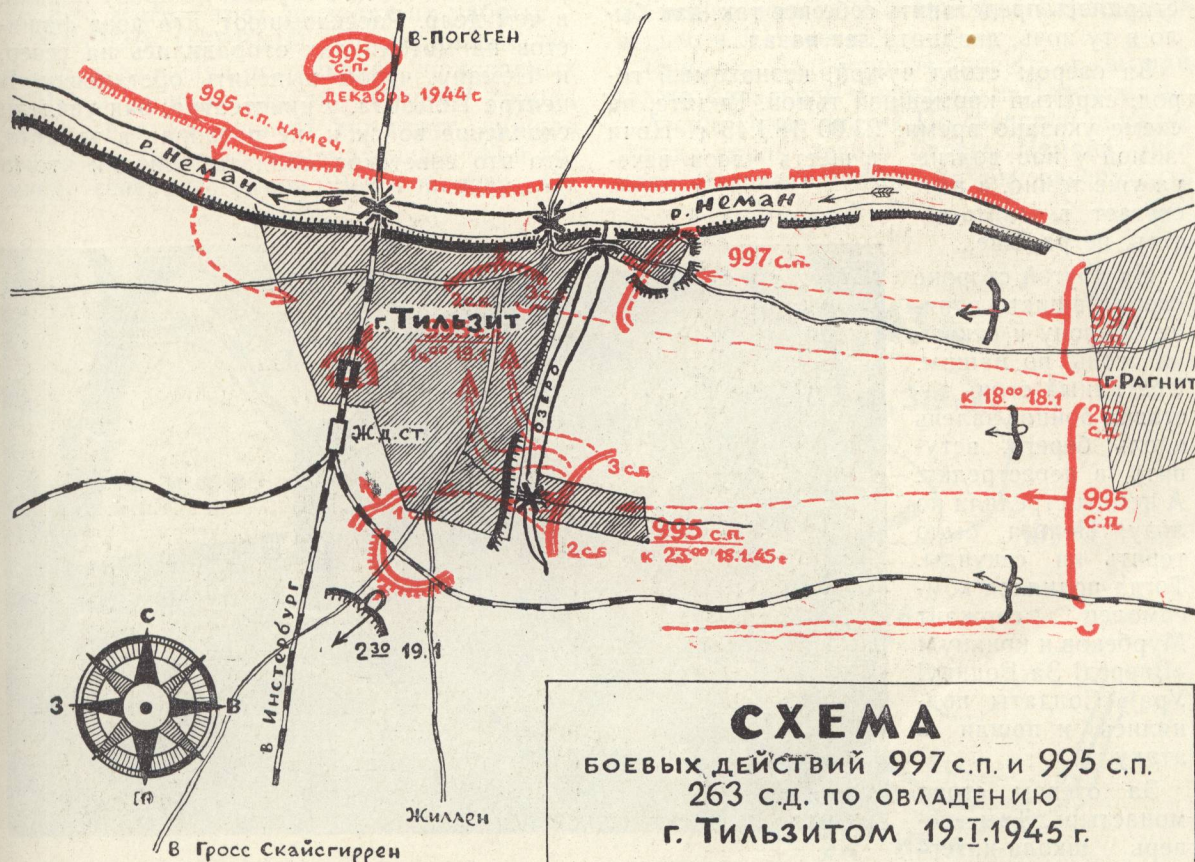

не это предложение понравилось. То, что рассказали ребята, я записала. А ты, когда станешь читать их рассказы, следи по схеме.

Люда Немчонок. Вот, видите, слева, с северо-запада, пересекая реку Неман, идет к городу красная прерывистая стрелка. С этой стороны только намечалось наступление наших войск.

Валерий Жилин. Тильзит был первым немецким городом на пути наших войск. В Восточную Пруссию срочно перебрасывались отборные немецкие дивизии, войска СС, новейшая техника. Берега Немана были превращены в неприступную линию обороны, а город — в крепость. На подступах к Тильзиту шли жестокие бои. Отступая на левый берег Немана, гитлеровцы взорвали мосты, заминировали реку. Форсировать Неман и взять Тильзит с фронта, в лоб, не удалось.

Лариса Езупенок. Тогда командование решило перебросить часть войск вверх по реке: в самом узком месте Немана навести переправу и штурмовать Тильзит с фланга, с востока. Вот, смотрите, от квадратика, изображающего город Рагнит, идут красные стрелки к Тильзиту. Так наступали наши войска. На восточной окраине города их путь преградило озеро. Видите, в южной части озера полковник Волков нарисовал мост и крестиком перечеркнул его. Это значит, мост взлетел в воздух.

СХЕМА
 БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 997 с.п. и 995 с.п.
 263 с.д. по овладению
 г. Тильзитом 19. I. 1945 г.

Это тот самый монастырь за озером. Отсюда немцы вели обстрел наших войск.

Ванда Сандаргайте. На берегу озера шел жаркий бой. Озеро не такое уж широкое. Сколько времени нужно, чтобы перебежать по мосту через него? Минута? Две? Однажды поздно вечером я пошла к озеру и постаралась представить себе все так, как было в ту ночь, двадцать лет назад...

За озером стоял чужой, незнакомый город, скрытый кромешной тьмой. Видите, на схеме указано время: 23.00 18.1.45 г. Ночи зимой у нас долгие: в шесть часов вечера уже темно, а расцветает в девять-десять, не раньше...

На другой стороне озера фашисты заняли оборону и открыли огонь по нашим. Ураганный огонь заставил бойцов залечь вдоль берега, вступить в перестрелку. А немцы стреляли по льду. Нельзя было терять ни секунды. Тогда поднялся комсомолец сержант Мурбеков и крикнул: «Вперед! За Родину! Ура!» Солдаты поднялись и пошли в атаку.

За озером стоял монастырь. Там теперь школа-интернат. В монастыре бы-

ло несколько огневых точек, а во дворе здания стоял танк. Сержанту Мурбекову удалось засечь огневые точки врага. Но когда он сообщал об их расположении командиру, его сразила пуля.

И все же нашим бойцам удалось ворваться в монастырь. Сорок немецких солдат было убито в монастыре, тридцать взято в плен. Началось продвижение наших войск к центру города.

Тамара Рудикова. Немцы не ждали нападения на Тильзит с фланга. Наступление с востока было настолько неожиданным, стремительным, что те фашистские части, которые стояли на юге города, не сразу поняли, в чем дело. Рассказывают, что двое фашистов на мотоциклах отправились на север, к Неману, чтобы выяснить обстановку. В центре Тильзита, у кинотеатра, они увидели скопление войск и, не разобрав в темноте, что это советские солдаты, начали что-то

А это кинотеатр. Возле него были взяты в плен гитлеровские лазутчики.

громко кричать, спрашивать. А в ответ слышали: «Хенде хох! Руки вверх!» И были взяты в плен.

Володя Скрипка. Мы прочитали много книг и статей о Восточной Пруссии. Во все века эта часть Германии была плацдармом для нападения на востоке. С Пруссией связано все реакционное, агрессивное в истории Германии.

Согласно решениям Берлинской конференции, северная часть Восточной Пруссии соединялась с Советским Союзом, остальная территория — с Польшей.

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

Как говорится, быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. А чтобы вы представили себе, каким сложным, кропотливым и увлекательным было исследование ребят, я расскажу вам всего о трех эпизодах их работы.

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ. После долгих поисков и изучения материалов, присланных в музей, общая картина штурма города стала ребятам ясна. И тут вдруг пришло письмо от бывшего командующего 43-й армией, генерала армии Белобородова. Он

прислал воспоминания, фотографии и схему боевых действий. Эта схема в общем подтверждала схему полковника Волкова. Если бы... если бы не одна небольшая красная стрелка, устремленная к городу со стороны Немана.

Что это значит? Ведь столько людей свидетельствовало, что форсировать Неман в районе Тильзита не удалось!..

Ребята стали докапываться до истины. Внимательно изучили письмо генерала Белобородова. Он писал:

...На северную окраину города Тильзит стремительно вышли также батальоны 638-го стрелкового полка под командованием офицеров Середько и Лазовского. Личный состав этих батальонов, переправившись через реку по льду, овладел вражескими траншеями на северной окраине города и на плечах немцев ворвался в центр Тильзита...

Как узнать об этом подробнее? Разыскать офицеров Середько и Лазовского? Известны ли их имена, ни звания... Есть, правда, номер полка... А живы ли товарищи Середько и Лазовский?

Генерал Белобородов пишет: «...вышли также батальоны Середько и Лазовского».

А еще какие части? По северной окраине города вдоль левого берега Немана шел полк Рогалева... Хорошо бы расспросить

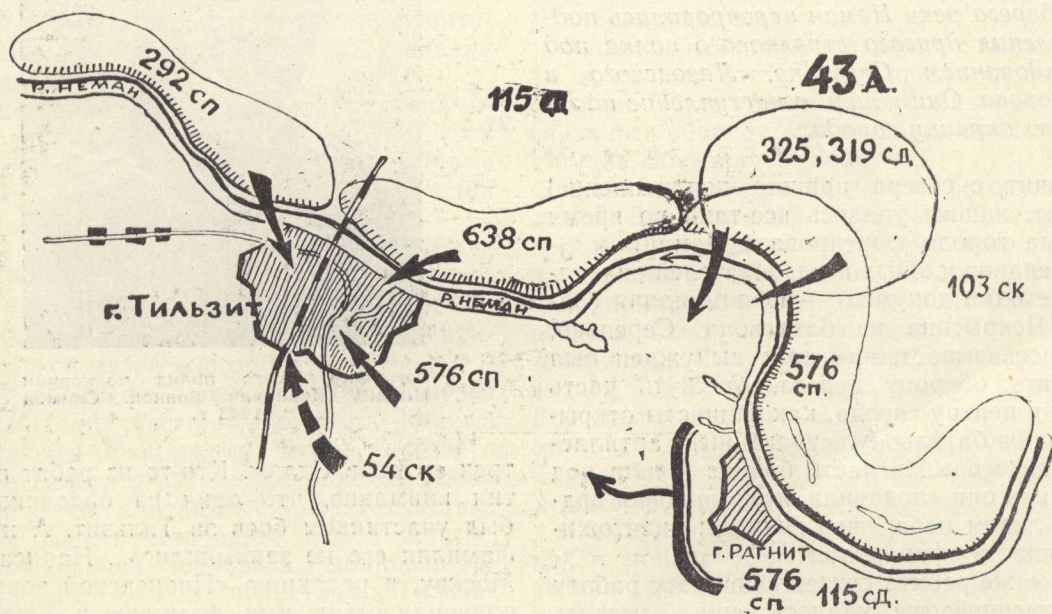

Схема боевых действий, присланная генералом армии А. Белобородовым.

Командир 997-го полка полковник
Петр Леонтьевич Рогалев. Снимок
1945 г.

полковника Рогалева, но Рогалева ребятам долго не удавалось найти.

Они писали в областной военкомат, в адресный стол, и вот, наконец, получено долгожданное письмо! О красной стрелке с севера полковник Рогалев писал:

...К 22 часам в бой был введен второй эшелон полка... Полк стал более успешно продвигаться вперед. В это же время с северного берега реки Неман переправились подразделения другого стрелкового полка под командованием Середько, Лазовского и Сердюкова. Они пошли в наступление на западную окраину города...

Значит, с севера пришло подкрепление! Значит, нашим удалось все-таки во время штурма города форсировать Неман!

А недавно у юных исследователей оказался еще один документ — воспоминания солдата Чекрыгина из батальона Середько. Он рассказывает, как враг вынужден был ослабить оборону берега, оттянуть часть войск к центру города, как фашисты открыли по их батальону «ураганный артиллерийский огонь... и часть бойцов пошла под лед», как они «подавили огневые точки врага на левом побережье реки... и уничтожили солдат и офицеров...».

И все же ребята считают пока эту работу неоконченной: не удалось еще отыскать командиров Середько и Лазовского.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ. В одном из своих писем полковник Волков рассказал о бое у развилки двух дорог на Гросс Скайсгиррен и Жиллен. Во время сражения за железнодорожную станцию неожиданно удалось восстановить давно прерванную связь с командиром дивизии. Полковник Черепанов сообщил Волкову, что со стороны города Гросс Скайсгиррен немецкое командование готовит контратаку. В два часа тридцать минут ночи, как и указано на схеме, со стороны Гросс Скайсгиррена показались фашистские танки — вот он, черный полукруг и стрелочка, направленная на Тильзит. Теперь приглядитесь, стрелочка поворачивает назад: контратака фашистов отбита. Бойцам заслона, который выставил 995-й полк (видишь, красный полукруг соединяет две дороги), удалось подбить головной танк. Гитлеровцы решили, видимо, что у развилки дорог большое скопление наших войск, и повернули назад.

Долгое время об этом эпизоде больше ничего не было известно. Однажды в «Пионерской зорьке» рассказывали о кавалерах

Командир 995-го полка полковник
Михаил Иванович Волков. Снимок
1943 г.

трех орденов Славы. Кто-то из ребят обратил внимание, что один из орденосцев был участником боев за Тильзит. А имя и фамилия его не запомнились... Написали в Москву, в редакцию «Пионерской зорьки»; получили ответ: имя, фамилию и адрес героя.

Григорий Александрович Тихонов написал ребятам, что орден Славы III степени он получил как раз за бой у развилки дорог. Он первым по вспышкам обнаружил надвигающиеся танки противника. Пользуясь темнотой, подполз к ним на близкое расстояние и связкой гранат подбил головной танк...

Юные историки и их учитель рассказали о своих поисках и находках в «Военно-историческом журнале», и на статью откликнулись многие участники боев за Тильзит. Бой у развилки дорог оброс новыми подробностями. Командир роты капитан Овсянников написал о своих пулеметчиках, о сержанте Тихонове, о его подвигах на других фронтах. А начальник штаба I танкового корпуса Косогорский объяснил, почему немецкое командование не сумело оказать достаточной помощи тильзитскому гарнизону со стороны города Гросс Скайсгиррен. Оказывается, первый танковый корпус стремительным маршем ворвался на улицы Гросс Скайсгиррена и расчленил группировку немецких войск.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ. Вы уже знаете, что в поисках материалов о боях за Тильзит ребята побывали в краеведческом музее Калининграда. Материалов в музее не оказалось. Лишь во фронтовой газете 111-го Белорусского фронта они разыскали Приказ Верховного Главнокомандующего: 20 января 1945 года Москва салютовала войскам, штурмом овладевшим городом Тильзит.

Тогда ребята решили, что прежде всего надо посмотреть все центральные и фронтовые газеты за октябрь 1944 года — январь 1945 года.

А еще внимательно просмотреть воспоминания участников боев за Кенигсберг, так как можно предположить, что в штурме Тильзита и Кенигсберга участвовали одни и те же войсковые соединения.

Так и сделали. Летом Оля Башметова и Люба Беляева ездили в Москву, в Государственную публичную библиотеку имени Ленина. Работали там в военном отделе и привезли в свой музей много интересного.

Просматривая в калининградском музее воспоминания участников боев за Кенигсберг, ребята обнаружили, что за участие в штурме Тильзита награжден орденом Красного Знамени капитан Рыбников. К счастью, в музее оказался его адрес.

От Александра Ивановича Рыбникова ребята узнали о боях на подступах к Тильзиту, о подвиге Героя Советского Союза Константина Талаха.

Герой Советского Союза Константин Яковлевич Талах.

Батальон, в котором капитан Рыбников был начальником штаба, получил приказ овладеть опорным пунктом гитлеровцев на пути к железнодорожному мосту через Неман — господским двором Ягенберг. Это всего в шести километрах от Тильзита, на северной стороне реки.

Штурмовать хорошо укрепленный Ягенберг с фронта не имело смысла. И в ночь на 17 октября 1944 года бойцы батальона форсировали речку Ягву, чтобы штурмовать Ягенберг с тыла.

Фашисты не ждали нападения с тыла, стали в панике отступать. Победа казалась близкой. Но не успели наши бойцы окопаться, занять оборону, как из рожи, со стороны Немана, показались танки.

Танки двигались на почти безоружных людей. Ведь рота была штурмовой и имела легкое вооружение. Ураганный огонь прижал наших бойцов к земле. Положение становилось критическим. Тогда поднялся Константин Талах и повел за собой в атаку товарищей. Связкой противотанковых гранат он подбил один танк, за ним другой... Бой был жестокий. В этом бою погибло много солдат. Погиб и Герой Советского Союза Константин Талах. Но контратаку немцев отбили.

Юным историкам захотелось узнать, за какой подвиг Константин Талах получил звание Героя Советского Союза. Написали в Наградной отдел Верховного Совета СССР, получили ответ. Из наградного листа

героя узнали не только о его подвигах, но и о том, каким военкоматом был Талах призван в армию. Это дало возможность начать поиски его родных. Завязалась переписка. Ребята узнали, что мать, жена и дочь героя до сих пор не знают, где он похоронен.

Стали разыскивать могилу Талаха. Осмотрели все памятники войны в городе. Поехали на Ягву, к Ягенбергу. Найти могилу по ориентирам, присланным Рыбниковым, не удалось. Местные жители сказали, что в 1947 году всех погибших воинов перенесли на братское кладбище в Пагигяе. В Пагигяе после долгих поисков и нашли наконец могилу Константина Талаха.

От родных героя пришло письмо, которое нельзя было читать без волнения. Юным историкам написали директор и завуч школы, в которой учился Константин Талах. А пионеры из села Максимовки, где жил до войны Талах, прислали вырезки из фронтовых газет с рассказом о подвигах своего односельчанина.

4 декабря 1963 года состоялся сбор пионерской дружины, посвященный памяти Героя Советского Союза Константина Талаха. На этом сборе пионеры решили бороться за присвоение дружине имени героя.

По городскому радио и в газете «Знамя коммунизма» ребята рассказали жителям города о битве за Тильзит, о подвиге своего

любимого героя. Они обратились в городской исполнительный комитет с просьбой присвоить одной из улиц города имя Константина Талаха.

25 мая 1964 года на городской торжественной пионерской линейке председатель городского штаба пионеров объявил решение о присвоении дружине 11-й школы имени Героя Советского Союза Константина Талаха.

Гарнизонная улица называется теперь улицей Константина Талаха.

* * *

В музей 11-й школы приходят ребята и взрослые. Приезжают школьники из других городов. Недавно пионеры из соседнего Краснознаменского района решили по примеру юных историков из Советска создать у себя музей героев, сражавшихся в их районе, на реке Шешупе. Ребята из 11-й школы им помогли. Сейчас они помогают пионерам из села Терпенье, Запорожской области. Пионеры из Запорожья просят разыскать могилу их земляка, Героя Советского Союза Сизозова, погибшего недалеко от Тильзита.

Каждый день почтальон приносит в музей 11-й школы новые письма, воспоминания, фотографии, документы. Юные историки продолжают работу.

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ПОХОДА БОЕВОЙ СЛАВЫ

Во время Великой Отечественной войны было совершено множество прекрасных подвигов. Их нельзя, невозможно забыть. Наши дети и внуки должны знать о мужестве, стойкости, великой преданности Родине их отцов и дедов.

С волнением читал я письмо ребят из Советска, в котором они просили меня помочь им восстановить картину штурма и освобождения этого города нашими войсками. Дело, за которое взялись ребята из города Советска, мне кажется важным и, я бы сказал, почетным. Работают ребята из 11-й школы умно и интересно, и материал, который им удалось собрать, заслуживает серьезного внимания.

Недавно я прочитал в газете «Пионерская правда» о том, что сейчас идет Ленинский смотр пионерских дружин. Я узнал, что в первый год Ленинского смотра ребята затевают много хороших дел. Одно из них — Поход боевой славы. Мне кажется, интересный опыт ребят из Советска мог бы помочь всем красным следопытам.

Желаю всем участникам Похода боевой славы больших успехов!

Генерал армии А. БЕЛОБОРОДОВ,
командующий войсками Московского военного округа.

Письмо... рассказ... разговор...

Ребята, перед вами письмо. Оно пришло в редакцию «Пионера». Написал его мальчик, ваш сверстник. Зовут его Глеб. И, скажем прямо, в неважную попал он историю. Впрочем, прочтите и судите сами.

«Настали каникулы, и мама сказала, что хочет отправить меня с моим другом Владиком к его бабушке в деревню.

Часть пути мы должны были ехать автомобилем, а остальные двенадцать километров идти пешком.

Мы с Владиком достали карту нашего района и вообразили себя то великими путешественниками, то бродягами. А мама сказала, что с нами пойдет еще двоюродная сестра Владика, Таня. Я знал, что она старше нас, учится в девятом классе и очень умная. Мне она понравилась. Я видел ее отца и мать: это были очень важные и красиво одетые люди.

Таня носила часы, и я ей завидовал.

Мама говорила, чтобы мы шли по лесу, но мы не дошли еще до него, как нас догнала машина. Довезли нас до самой деревни.

Лежа на диване, я обдумывал завтрашний день. Со двора доносилось бляение коз.

Пришла бабушка и дала нам поесть — кашку с молоком. Я ел с удовольствием,

и все мне понравилось. Но потом я заметил, что Таня почти не ела. После обеда она сказала, что хочет домой. Нам же сказала, что ей все не нравится, и бабушка подает на стол грязными руками, а еда невкусная. И мне вдруг тоже захотелось домой.

Владик не хотел уезжать. Делать было нечего, и он тоже пошел с нами. Мы шли двенадцать километров пешком, машины нас не догоняли, и поле было в стороне.

А когда приехали домой, мама спросила, что мы видели на полях. Но мы ничего ответить не могли.

Она сказала, что ей стыдно за меня, что я ни людей, ни деревни не видел. Она сказала, что мы бабушкиных рук не разглядели, что бабушка своими руками все делает для людей, и что у нее руки не грязные, а загорелые, что ее руки — это руки большой труженицы. Закончив, мама пошла на кухню, и я все лежал и думал. Мне нужно спать, но мне не спится. Я думаю и думаю: как же мне научиться видеть людей?

Ну, вот письмо прочитано. Ты познакомился с Глебом, наш читатель, и его история перед тобой. Что скажешь? Ведь бабушки есть у всех. И мало кто на своем веку не совершает поступков, о которых потом жалеет. Одни горюют об этом и стыдятся себя. Но есть и другие, кто никогда и ни за что не скажет, что сам не прав. Станет упорствовать, настаивать и доказывать, что это все кругом плохи, а один он хорош... Но читайте дальше. Перед вами теперь рассказ.

БАБУШКА

Н. НИКОНОВ

Вон какие руки у бабушки! Я никогда не видал таких рук у женщин. Широкие, с зазубренными, в черных трещинах пальцами, они похожи на древесные корни. Пальцы не гнутся в суставах и ничего «не слышат», как говорит она. Иногда бабушка берет раскаленный уголь, выпавший из печи, кастрюлю или чугунок с кипятком. Наверное, нет такой работы, которую не сделают ее руки по-своему умело, пусть не совсем красиво.

По-мужицки, через плечо, она колет березовые плахи, носит коромысло с тяжелыми бадьями, орудует лопатой в огороде, стирает и моет, гладит и стряпает, вяжет и штопает. На бабушке держится весь дом. Утром она ставит самовар, готовит завтрак. Днем прибирает в комнатах, варит обед, а вечером снова стряпает, моет посуду, вяжет что-то.

Я видел, что иногда и мать могла бы приготовить ужин или обед в воскресенье. Однажды я сказал об этом бабушке.

Она раскатывала тесто на пироги. Выслушала мои суждения, усмехнулась, провела мучной рукой по щеке, убирая под платок волосы, и сказала:

— Она работает. Устает. Ей вздохнуть надо.

— А тебе не надо? Ты больше работаешь.

— Ну, моя работа невидная. Я деньги не в дом, а из дому несую.

Ночью, лежа в постели, я раздумывал: «Как же бабушка не работает? Вот мы спим уже, а она все еще чем-то брякает на кухне, шаркает по прихожей. Неужели бабушке не надоело каждый день подыматься чуть свет, делать зимой и летом одну и ту же работу?»

Мать иногда ругает бабушку, сердится, если она пересолит суп или разобьет тарелку... Помню, раз бабушка заболела к весне. И полдня я бегал голодный. Суп мы ели невкусный. Картошка почему-то вся пригорела. А мать ворчала вечерами, закончив мыть посуду, что это не жизнь, а каторга.

А что, если бабушка помрет? Померла же недавно бабушка Зыкова, села у крыльца — и все... Я очень боялся такой беды.

Иногда к ненастью, к худой погоде бабушка садилась в кухне на лавку под окно и, покачиваясь, пела жалобную проголосную песню.

И плакала, вытирала сырые глаза углом белого в мелкий горошек платка.

— Ты почему плачешь?

— Так, милый... От жизни плачу, — всегда одинаково отвечала она.

Как можно плакать от жизни? Можно от обиды, иногда от боли, от тоски, говорят, и от радости можно... А от жизни? Наверное, только большие плачут от жизни. Моя-то жизнь хорошая. Хорошо пахнет утро на крыльце. Хорошо светит солнышко. Хорошо идет снег. И в дождь, и в грозу, и когда пасмурно, и когда вечереет, и когда звезды заглядывают в мою кроватку — всегда хорошо.

Все бабушки рассказывают сказки, и моя тоже рассказывала. Случалось это редко, если у бабушки не было работы, или я чем-то особенно отличился, или когда болел. Бабушка сажала меня к себе на постель, кутала толстой пуховой шалью, гасила свет, неспешным напевным голосом говорила:

— Вот, значит... В некотором царстве, в некотором государстве, за тридевять земель да за три моря, на самом краю земли жили-были старик со старухой...

Я слушал, закрывал глаза, и тотчас представлялся мне край земли. Избенка стоит

на том краю-обрыве. Черная бедная избенка, вот как у нищенки Федосьи в конце нашей слободки. Синее небо в пустоте за краем земли. Необыкновенные белые звезды.

Открываю глаза. Темнота мягко стоит кругом, синее в окне. И лицо бабушки, морщенное, с тенями на щеках, исполнено вешней мудрости.

Я не очень-то верил в существование чертей, леших, ведьм, домовых.

Зато бабушка на своем веку немало слышалась про всякую нечисть.

— То вот еще многие старики и отец мой видали, как лешачиха рубахи полощет. Вылезет на лавы ночью месячной и хлопает хвостом, сама черная, страшная, глаза коровьи, а блестят.

Она говорит так убежденно, просто, и я не знаю, кому верить — ей или отцу, который на вопрос, есть ли взаправду домовые и черти, сказал:

— Никого нет и не бывает. Все это сказки, и ты никогда не бойся. Станет тебе ночью страшно где-нибудь, а ты одумайся, представь это место днем, при солнышке, — и пройдет страх.

Я понимаю, что правду говорит отец. Но что ж за сказка, если ни тебе русалок, ни лешего, ни бабы-яги?

Лечила меня тоже бабушка. Поила малиной, липовым цветом.

В конце зимы я заболел. Все тело в один день покрылось мелкой коричневой сыпью, стало вдруг горячим и непослушным.

Тяжелый жар притягивал голову к подушке. Временами я плыл в густой горячей воде. Я то окунаюсь в нее с головой, иду ко дну среди красных кошмаров, то выплываю, чувствую мокрый холод на голове, слышу голоса матери и бабушки.

Очнувшись я утром. Уже светило солнце сквозь морозные стекла. Возле топящейся растворенной голландки сидел кот, лизал лапу, тер ею за ухом. А у кровати была бабушка.

— Папа на работе?... — не знаю зачем, спросил я.

— Слава тебе, господи, слава тебе, — зашептала радостно бабушка, а лицо ее вдруг сморщилось, затаяло слезами. Они капали на кофту.

— Ты почему?..

— Заговорил, милый, оклемался...

— Дай попить... Я спал, что ли?

— Спал, милый, спал. Жар у тебя был сильный.

Рисунок Е. Расторгуева.

Потом я узнал, что пролежал в бреду четыре дня. И четверо суток бабушка не спала, не отходила от моей кровати.

Пошел март месяц. За окном уже капало. Ночью метался мартовский ветер. Плыли куда-то яркие звезды. На чердаке орала коты. Я почти не спал по ночам. Лежал и чувствовал, что во мне что-то ссыхается, съезживается. Я словно прирос к кровати. У меня отросли косицами волосы. Вечерами мать и отец прятали от меня испуганно-тревожные взгляды.

Я плакал, отворачиваясь к стене. Как хотелось вон из душной, пропахшей лекарствами комнаты... Какими счастливыми считал тех, кто ходит сам!

Я рассказал бабушке об этом. Она тотчас поднялась, ушла. Ее долго не было. Но вот

она воротилась, неловко неся целый ворох сухой лебеды и полыни-чернобыльника.

— Зачем ты? Зачем?... — удивленно спрашивал я.

— А вот погоди-ка... Погоди-ка... — говорила она и все улаживала странный букет. И вдруг я почувствовал: в комнате ясно запахло весной, запахло талым снегом и мартовским ветром. Я приподнялся в подушках и все дышал, тянул этот приятный, забытый запах боли. Хотелось плакать... И все-таки стало веселее, стало лучше.

Ночью я спокойно заснул. А утром вдруг почувствовал, что ноги словно бы оживели, понял, что стану поправляться. Я и до сих пор очень уважаю лебеду и полынь.

Мальчик ты или девочка, наш читатель, отложи-ка ты журнал на время в сторону, подумай обо всем, что мы тебе тут рассказали.

Кто такой Глеб и что он сделал! Он обыкновенный мальчик и твой сверстник. Он и Таня — они вместе обидели человека, который радушно принял их в своем доме. Бабушка весь день работала в поле, а потом еще и накормила всю компанию. Легко ли!

Таня, на руке у которой часы и чьи родители — «важные и красиво одетые люди», — эта Таня и обманщица и надутая задавака. Все ей, видите ли, не нравится! Но Глеб! Ему-то все было по душе в деревне, только не посмел он вступить за то, что считал хорошим. Так всегда бывает с теми, кто не умеет настоять на своем, а подражает другим. Случись — будут при нем обижать слабого, когда семеро против одного, так ведь не осмелится такой Глеб вступить. А кому хочется дружить с человеком, который в трудную минуту не придет на подмогу! Возьмет такой вот «друг» да и подумает про себя: «А может, так и надо — всемером на одного!»

«Как научиться видеть людей!» — спрашивает Глеб. Что ж, на такой вопрос надо непременно ответить. Так не откладывай дела в долгий ящик. Подумай! Потолкуй обо всем со своим товарищем, расскажи тому, у кого нет журнала. А нам даже жаль Глеба. Но раз он сам задумался о своем отношении к людям, то хочется верить — и он все поймет.

Смотреть на людей надо добрыми глазами, надо быть благодарным за доброту. ...Запомни: хороший человек плохого не делает!

ФЕВРАЛЬ

Февраль — кривые дороги. Бураны дорогу заносят, приходится объезжать.

Февраль — месяц перевальный. В солнечные дни тетерева уже начинают петь на деревьях, на опушке леса. Бормочут: «Бур-бур-бур! Бур-бур-бур!» Большая синица начинает петь. Вороны улетают из городов и в чащобах ищут место для гнезда, но не на верхушках, а в «полдерева». Ворона в это время не каркает, место для гнезда ищет молча, тихо.

В феврале волки кончают ходить стаями, разбиваются на пары.

У медведицы рождаются медвежата с рукавицу величиной, весят граммов по четыреста. Берлогу медведица еще с осени утеплела, надрала коры с ели и осины, сверху мохом выложила.

В начале месяца подо льдом налим кончает метать икру на перекатах, на камушках и уходит вглубь.

Люди следят, чтобы проруби на прудах не замерзли и снегом их не занесло. В феврале зима напоследок свирепствует, снега много, как одеялом, накроев пруд, тростник и осоку засыплет, а по ним воздух проходит в воду. Если за прорубями не следить, рыба задохнется, будет «замор».

В теплые дни в саду, вокруг яблоневых стволов, снег отаптывают, чтобы он медленнее таял и корни получали больше влаги. Откапывают в саду ветки, занесенные снегом, а то снег садится и обламывает их.

Солнечных дней все больше, и по утрам черный дятел поет: «Тррры-тррры!»

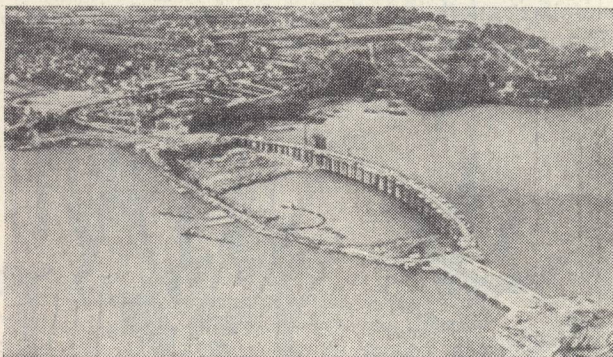

РАННИМ УТРОМ

Утро. По пустынной улице бежит мальчишка и стучит деревянными дощечками. И тут же, раздвигая двери, из домов выскакивают дети. Иные до того малы, что кажется, они только научились ходить. Заспанные, еще не успев умыться, ребята на ходу натягивают рубашонки и устремляются следом за вожаком. В конце квартала они выбирают площадку, выстраиваются в ряды и по команде старшего начинают утреннюю зарядку. Затем по очереди протягивают карточки, которые висят у каждого на шее, и старший делает в них пометку.

Такую любопытную картинку можно наблюдать в Японии. Японцы очень любят физкультуру и занимаются ею с ранних лет. На снимке вы видите, как делают зарядку малыши, которые живут на окраине города Хиросимы.

В ПРОЛИВЕ ЛА-МАНШ

Ученые давно разгадали тайну морских приливов и отливов. Но вот как практически использовать приливы и отливы? Ответ на этот вопрос люди нашли недавно.

В Кислой губе, на Кольском полуострове, строится первая в СССР ГЭС, которая будет перерабатывать могучую силу приливов в электрический ток.

Растет приливная электростанция и на северном побережье Франции, в проливе Ла-Манш. На снимке вы видите, как поднимается с морского дна ее восьмисотметровая плотина. Работать станция начнет через два года.

ОГНЕННАЯ

На самом юге Южной Америки лежит угрюмый, скалистый, окруженный вечными антарктическими льдами остров.

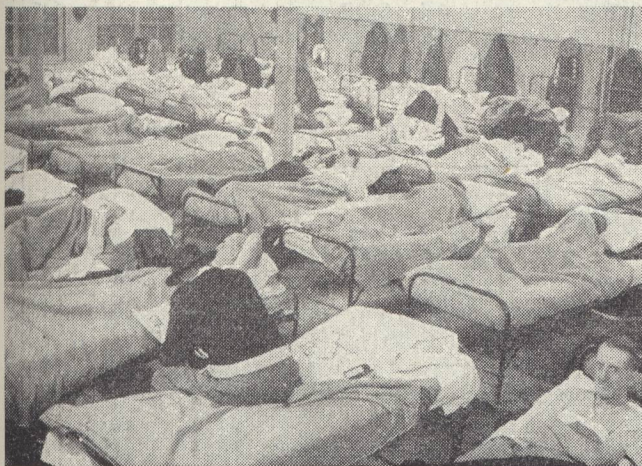
Первыми сквозь бури и штормы добрались сюда парусники Магеллана. В темноте южной ночи на высоких утесах, по берегам фьордов ярко пылали многочисленные огни. То были костры индейцев — коренных жителей далекого острова. И Магеллан назвал эту землю Огненной.

ЗЕМЛЯ

Но и сегодня здесь взвиваются в небо ослепительные языки пламени. Это горят, вырываясь из труб, подземные газы. Остров одет в стальные кружева нефтяных вышек. Нефть — будущее Огненной Земли, ее главное богатство. Сильные, привыкшие к суровой природе жители острова — чилийцы с гордостью говорят, что у них на промыслах нет ни одной скважины, которая бы принадлежала капиталистам Соединенных Штатов.

БЕЗРАБОТНЫЕ

Ночлежка — последнее пристанище безработных в Монреале. Но и сюда попадают лишь те, у кого в кармане позвякивают гроши. Тысячи и тысячи канадских безработных ночуют прямо на мостовых и тротуарах. В этой богатой капиталистической стране каждый четырнадцатый рабочий выброшен на улицу, обречен на голод и страдания.

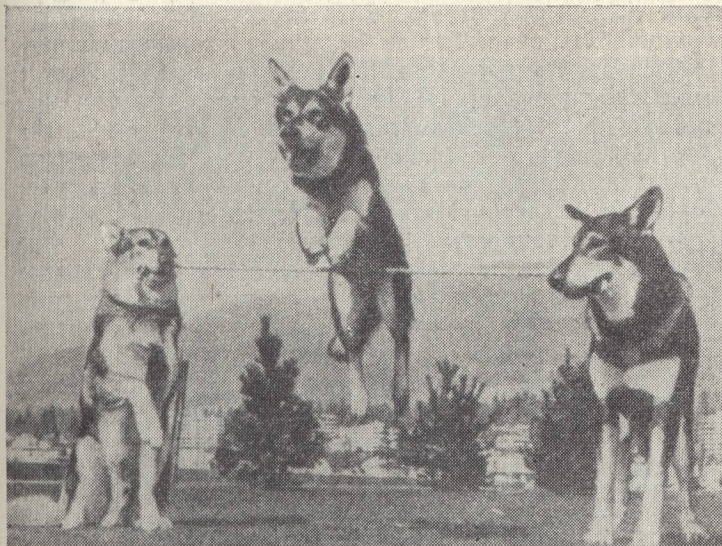
ЛОКАЛИ — ДРЕВНЕЙШИЙ ТЕЛЕГРАФ

Барабан в Африке не только музыкальный инструмент. Это еще и телеграф. Выдолбленный из дерева сигнальный барабан — локалы имеет продольную щель. Палочками бьют по краям этой щели, и барабан, подобно ксилофону, издает звуки разной тональности. Они соответствуют интонациям языков африканских племен, и эти своеобразные «последние известия» слушают все. Но существует еще и зашифрованный барабанный язык, понятный лишь барабанщикам.

Под трубные звуки локалы африканцы не раз поднимались на бой против колонизаторов. И это локалы первыми разнесли по всему континенту скорбную весть: убит Патрис Лумумба.

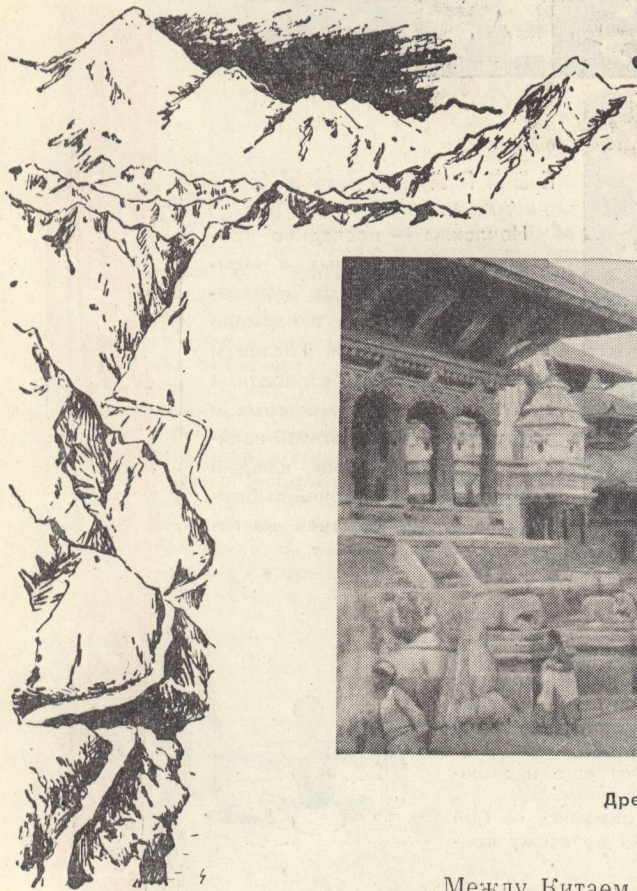
ЧЕТВЕРОНОГИЕ «ЗВЕЗДЫ»

Они играют главные роли в двух кинофильмах и двести восемьдесят шесть раз выступали по телевидению. Они очень сообразительны и понимают около пяти тысяч слов не только на английском, но и на немецком, французском языках и хорошо различают цвета.

Зовут их Лондон, Торн и Торо. Кроме выступлений на экране, у каждого из них есть своя специальность. Лондон — почтальон, Торо — детская нянька, а Горн — сыщик. Остается добавить, что эти «звезды» — немецкие овчарки.

За высокими горами Гималаями...

Древние храмы Непала.

С. ВОЛОДИНА.

Рисунки П. Кирпичева.

По горным дорогам с утра до ночи тянутся вереницы носильщиков-кули.

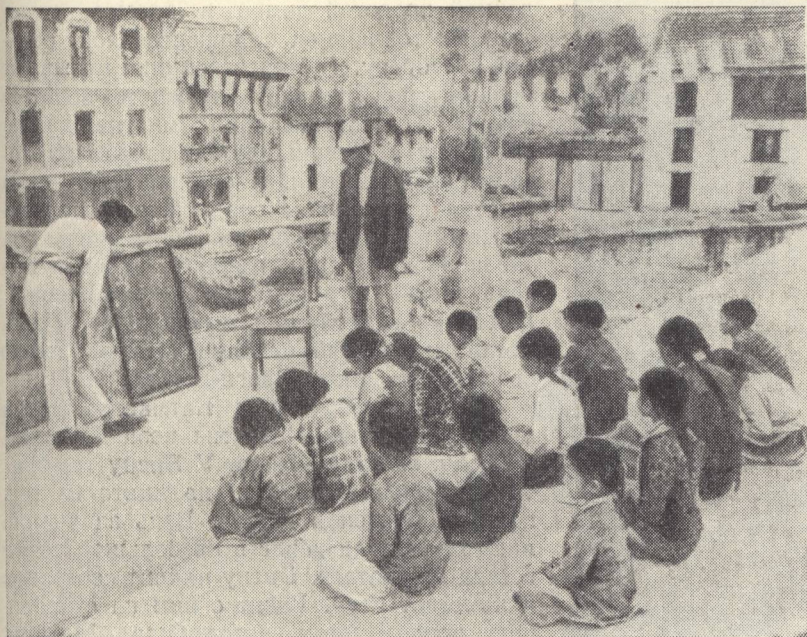
Между Китаем и Индией, за цепью высочайших в мире гор Гималаев, лежит очень древняя страна. Называется она Непал.

В течение долгих столетий об этом маленьком королевстве почти никто ничего не знал. Такова была воля его жестоких правителей. Четырнадцать лет назад там еще царило крепостное право. Люди понятия не имели, что такое электричество, радио или автомобиль. Взрослые и дети были неграмотны. Но в 1951 году непальский народ восстал. Он прогнал палача и диктатора Рана. И в стране произошли перемены: открылись школы, зазвучало радио, загудели в небе самолеты.

Как дорогих гостей встречают в Непале посланцев Советского Союза. Ведь маленькому народу трудно одному одолевать вековую отсталость. И советские люди по-братски ему помогают. Около города Бирганджа растет первый крупный сахарный завод, на юге — автострада «Восток — Запад», на реке Роси — гидроэлектростанция «Панаути». Их строят советские инженеры. А два года назад СССР подарил непальцам замечательный госпиталь.

В Непале пока нет дорог — ни железных, ни шоссейных. По бесконечным горным тропам с утра до ночи тянутся вереницы носильщиков-кули. Они тащат на спине огромные вязанки дров. Дрова перевязаны веревкой или ремнем, натянутым на голову. Тяжелая ноша сгибает спину, из-под ремня на лоб каплями падает пот. Но как еще долгий путь до базара!

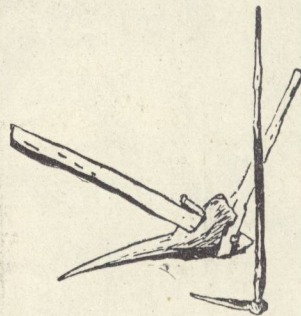

Школа прямо на улице.

Вместе с родителями бредут и ребята, они тоже тащат поклажу. На базаре вязанку дров можно продать за три рупии. Три рупии — это два фунта риса.

Еще очень бедно живут и непальские крестьяне. Поля они обрабатывают мотыгой. Даже деревянный плуг у них — редкость. Но скоро у непальцев будет завод сельскохозяйственных орудий. Построить его поможет Советский Союз.

Непал славится искусством народных мастеров и непревзой-

Так по старинке крестьяне обмолачивают рис.

Непальские дети.

денной красотой домов и храмов, украшенных тончайшей художественной резьбой по дереву. Путешественники называют непальскую столицу «городом золотых крыш». И действительно, многие храмы Катманду с давних времен сохранили позолоченные кровли, и они сказочно ярко сверкают на солнце среди зелени деревьев-гигантов. Деревья непальцы очень любят и берегут. Они говорят: «Лес — это вода, вода — это хлеб, хлеб — это жизнь». Ежегодно весной они устраивают «день леса», и каждый непалец сажает около своего дома или у дороги дерево.

На шумных улицах Катманду всегда полно ребятишек. Там мы познакомились с Бисну, сыном шофера. У Бисну три брата и четыре сестренки, но никто из них пока не учится в школе. Ведь за учение надо платить, а денег в их большой семье всегда не хватает. Бисну нянчит сестренку и помогает отцу. Ездит с ним на стареньком дребезжащем автомобиле. Машина идет медленно, потому что на мостовой всегда лежат какие-нибудь коровы или собаки, а их приходится объезжать. Животных и птиц в Непале считают священными.

Бисну живет недалеко от базара, в маленьком домике. В нем нет окон, а вместо дверей — просто отверстие в стене. Все

семейство работает, ест и спит на земляном полу, покрытом плетеными циновками. Так живет большинство непальцев.

По вечерам на главной улице столицы устраивается «газетный базар». Газеты в Непале выходят не утром, а вечером, и все желающие узнать последние известия спешат сюда после работы.

— Новости! Новости! Купите газеты!

— Завтра 1 марта — День детей! Открыт для всех дворец короля!

— Приехал танцевальный ансамбль из Советского Союза! Огромный успех!

Это кричат мальчишки-продавцы. Один из них Рам Кришна. Раму тринадцать лет. Утром он учится в школе. Отец его — повар в маленьком ресторанчике — уже не раз уговаривал сына идти в помощники. Но у Рама свои планы.

— Кончу школу, поступлю в колледж, — говорит он нам. — А потом поеду учиться в СССР. Буду врачом. В Непале очень мало врачей.

Рам весело улыбается и гордо показывает красный значок — подарок артистов нашего ансамбля.

Нелегка еще жизнь простого непальца. Много работать приходится и взрослым и детям. Но все они полны надежд и верят в светлое будущее родной страны.

Весёлый Тым

«Пионер» получает много детских стихов: сотни и сотни. И нередко с припиской: «Пожалуйста, напечатайте!» Но читаешь иные стихи и с досадой думаешь: «Эх, поторопился отправлять в журнал!» Как ни обидно огорчать автора отказом, а приходится.

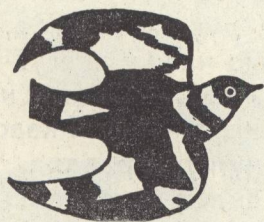
Зато какая радость, когда раскроешь конверт — а там хорошие стихи! Вся редакция собирается и читает их вслух.

И так бывает, когда в «Пионер» приходят письма от братьев Павловых.

Павловых трое. Старшему, Саше, — 16 лет. Среднему, Вова, — 12. И младшему, Олегу, — 10. Они сочиняют стихи, пишут рассказы, рисуют. Любимое занятие всех троих — выпускать рукописные журналы, газеты и книжки.

Недавно в то село, где живут братья Павловы, приезжал наш корреспондент Владимир Глоцер.

Саша, Вова и Олег читали ему свои старые и новые стихи. И вот «Пионер» печатает некоторые из них.

ЗИМНЯЯ ПРОГУЛКА

Собачка бежит,
За ней мальчик спешит.
Он шапку скинет,
В собачку кинет.
Она подскочит,
А он хохочет!
Она залает
И шапку кусает.
Он шапку отнимет
И снова кинет.
Собачка подскочит,
А он хохочет!

Олег Павлов

СНЕЖИНКА

Снежинка застыла на мягком снегу.
Снежинку со снега поднять не могу.

Олег Павлов

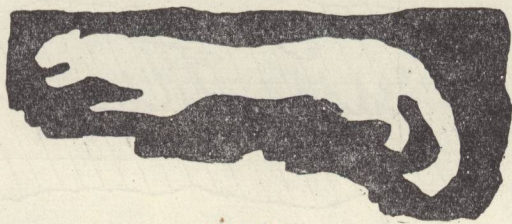
ТЫМ

Из цикла «Веселые дурачки»

Наш сосед веселый Тым
Сторожил на крыше дым.
«Я не для того топил,
Чтобы теплый дым уплыл!»
И не знает глупый Тым,
Что гуляет в доме дым.

Вова Павлов

БАРС

Скалы вечер разрывали,
Спали с камня облака.
Два зрачка холодной стали
Стали поднимать бока.

И на гладкую площадку —
Бьет хвостом — выходит барс.
Волновалась шкура гладко.
Барс — как бог атлантов Марс.

Вова Павлов

В АВТОБУСЕ

В автобусе хорошо!
Едешь и трясешься,
Шофер по-быстрому пошел,
Словами поперхнешься!
Остановка!
Бип-бип-бип!
Вот влезает толстый тип,
Диванчик занимает,
Садиться не пускает.
Остановка!
Бип-бип-бип!
Вот влезает тонкий тип,
Скромно в уголок присел
И кусок ветчины съел.

Олег Павлов

ПРО СЛОНИХУ

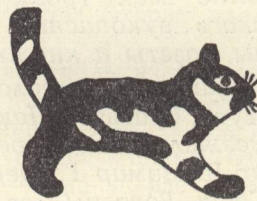
Ко мне приходит в гости
Слониха удалая.
Она в моей квартире,
Как дома, отдыхает.

Садится средь квартиры,
Всё со стола съедает,
Своими номерами
Соседей удивляет.

А нынче мне из цирка
Повестка приходила:
Мой лучший друг — слониха —
Слоненочка родила!

Два дня спустя с сыночком
Ко мне она явилась,
И узкая квартира
На части развалилась!

Олег Павлов

ГИМН КВАСУ

Пил не раз я вкусный квас.
Одним духом, быстро, сразу
Выпиваю чашку квасу.
Первый раз: — Вот так квас!
Второй раз: — Ну и квас!!
А глотнул три раза:
— Не видал вкуснее кваса!!!

Вова Павлов

Я БОЛЕЮ, Я ЛЕЖУ

Я болею, я лежу,
Не гуляю, не хожу.
Надо мной висит, качаясь,
Наш зеленый абажур.

Почему я заболел?..
Столько надо сделать дел!..
Даже маленький котенок
Прибежал и пожалел.

А ведь я его пинал
И за хвост не раз таскал.
Почему же он сегодня
Пожалел и прибежал?

Мой мохнатый, мой смешной,
С преогромной головой,
Трется мордочкой о руку
И мурлычет, как большой.

Тише, котик, не мурчи!
Ветер загудел в печи.
За окном метет поземка
В темной ветреной ночи.

Я болею, я лежу,
Не гуляю, не хожу.
Надо мной висит, качаясь,
Наш зеленый абажур.

Саша Павлов

ВОЛШЕБНАЯ

КИСТЬ

Римма КАНДЕЛАКИ

Сорок два года назад зима застигла группу путников на горном перевале.

Перевал Чанг-Тханг—один из высочайших в мире. Нагорье Северного Тибета—одно из пустынейших. А у путешественников—четыре русских людей—с собой никакого снаряжения, кроме летних палаток. На спинах горных мулов, которых вели под уздцы проводники-монголы, правда, покачивались вьюки. Но в них ни оружия, ни теплых вещей. Только продовольствие. Да еще картины, краски, кисти...

Глава научной экспедиции был художник. Его сопровождали жена-археолог и двое юных сыновей. Семья Рерих продвигалась в глубь неизведанных нагорий Гималаев уже не первый месяц. Медленно, терпеливо. Зимой ни один смертный не отважится подняться в ледяные высоты. Туда, где человеческое сердце бьется с трудом, где глаза слепнут от нестерпимого блеска снегов, а порой подстерегает путника страшная болезнь—«горное безумие».

Но Николай Константинович Рерих, покачиваясь в седле, умудрялся без усталости делать наброски в альбоме. Необычайная форма скал, причудливое облако, размах крыльев летящего над караваном кондора—все привлекало его зоркое внимание.

Другие члены семьи держались так же деловито. Елена Ивановна проверяла свои записки. Святослав и Юрий шепотом делились впечатлениями последних открытий: заброшенный в заоблачные высоты буддийский монастырь, оказавшийся сокровищницей древних рукописей, рисунки на скалах, древние скульптуры, обнаруженные в горах...

Все было неописуемо хорошо, впервые открыто ими. Какое счастье быть открывателем! И сколько еще впереди непознанного!

А проводники-монголы испуганно шептались о своем: удастся ли пройти закрытые зимой высочайшие (5 тысяч метров) перевалы Гималаев? Все лето, всю осень экспедицию задер-

Единоборство Мстислава с Редедей.

живало то одно, то другое воинственное племя тибетских кочевников.

Всадники налетали внезапно—грозные, вооруженные до зубов. Допрашивали «русского начальника», зачем подымается он в Гималаи. Разве ему не известно, что твердыни Тибета никогда не открывают дверей иноземцу? Что Гималаи наказывают пришельца неминуемой смертью? Таков закон гор.

Художник отвечал спокойно, что закон гор к нему неприложим: он едет из красной Москвы с поручением от наркома Луначарского—обследовать древние памятники Тибета, изучить языки тибетских племен и передать горячий привет от молодой Советской республики народу древней страны. «Мир, дружба, братство»—священные слова. За что же горам карать его?

Всадники, посоветовавшись, стремительно удалялись в глубь ущелий. А караван продолжал свой путь наверх.

И совершилось небывалое: несмотря на зимние бураны, экспедиция прошла Гималаи. Рерих и его семья, перезимовав высоко в горах, измучившись и потеряв пять человек проводников и почти всех животных, весной перешли опаснейший перевал Сангмо-Бэртик (5 819 метров высоты!) и спустились, наконец, в Южный Тибет.

К солнцу, к людям. К дворцам и монастырям. К цветущим розовыми хлопьями абрикосовым деревьям.

Не зря, не попусту претерпели русские путешественники столько лишений и потерь: Ни-

колай Рерих привез с собой свыше пятисот этюдов заповедных мест и создал замечательные живописные полотна. А исследования семьи Рерих по истории народов Тибета, его языкам, искусству, наукам и философии были огромным вкладом в науку.

«Учусь упорству у камней»—характерные для Рериха слова. Это был величайший труженик, наделенный большой волей.

Судьба одарила этого художника необычайным свойством: умением видеть отдаленнейшие события ярко, зримо, будто сегодняшние. Может быть, причиной тому была археология—первая его любовь.

Сын петербургского нотариуса, человека буднично сурового, Николай Рерих уже девяти лет от роду увлекся раскапыванием курганов. Он искал в земле клады, находил черепки и бежал к знакомым археологам посоветоваться: не сделано ли им открытие? Подростком Рерих каждое лето направлялся в археологические экспедиции: хоть чем-нибудь помочь.

По настоянию властного отца Николай, когда подрос, поступил в Петербургский университет. Отец надеялся: науки вышибут «фантазии» из головы. Николай поступил на юридический факультет. Но одновременно, подчиняясь neodолимой тяге к искусству, выдержал экзамен в Академию художеств. Его учителем стал Архип Иванович Куинджи, «маг и волшебник лунного света», как называли тогда выдающегося пейзажиста.

Еще в стенах академии Николай Рерих со-здал первую свою картину, «Гонец». Темой

взял слова древней былины: «И восстал род на род». Вглядитесь: картина уносит воображение в дальние времена. Глубокая ночь. В челне плывет седой гонец. Бесшумно ведет лодку его товарищ. На высоком холме спит славянский городок. Рог месяца слабо освещает путь. Все полно тревоги, предчувствия опасностей: ведь род восстал на род!

Молодой художник неустанно ездил по родной стране. Юрьев-Польский, Суздаль, Псков, Новгород, Ярославль, Кострома, Углич, Валдай, Тверь, Звенигород—русская история встает перед ним в кипении страстей народных: бои, походы, созидание городов, схватки с врагом. Вот русский богатырь Мстислав одолев в рукопашной борьбе злого половца Редедю. Вглядитесь, какое неистовство в переплетении тел борцов!

А вот перед вами «Ведунья». «Жолдунья!»—воскликните вы. И ошибетесь. «Ведунья» значит «мудрая». Та, что землю ведает, травы собирает, лечит людей.

В языческие времена славяне радостно встречали праздник весны. Смотрим «Весну священную» — кажется нам, будто музыка струится с холста — нежная, серебристая песнь свирелей. Картина написана была Рерихом к балету Игоря Стравинского. Музыка красок, музыка оркестра слились в одно волшебное целое. Этот спектакль был показан в Европе, он очаровал весь мир.

* * *

Рериха признали певцом Севера. Откуда же тогда мотивы монгольских пейзажей? Задумчивые, бескрайние закаты в пустынях. За-

гадочные стражи песков—каменные изваяния. Ледяные пики Гималаев, цветущие долины Кашмира. Как вошли они в искусство певца Севера?

Азия никогда не была Рериху чужой. Об Индии начал он думать еще в юном возрасте. Загадки Тибета влекли его к себе издавна. Оживленная переписка, а позже крепкая дружба связали художника Рериха с великим индийским поэтом Рабиндранатом Тагором. В ту пору Николай Рерих был уже знаменитым живописцем: в Париже, в Стокгольме, в Нью-Йорке постоянно устраивались его выставки. Он объехал много стран. Но в Индию Рерих прибыл в 1923 году, взволнованный, как юноша, собирающийся учиться впервые.

Величественная природа Гималаев — «этот вечно волнующийся океан облаков и непередаваемых разнообразий туманов» — вдохновила живописца на создание цикла произведений, посвященного горам и людям гор. Такой труд требовал прежде всего основательного знакомства с неведомым. Нужен был долгий и дальний поход.

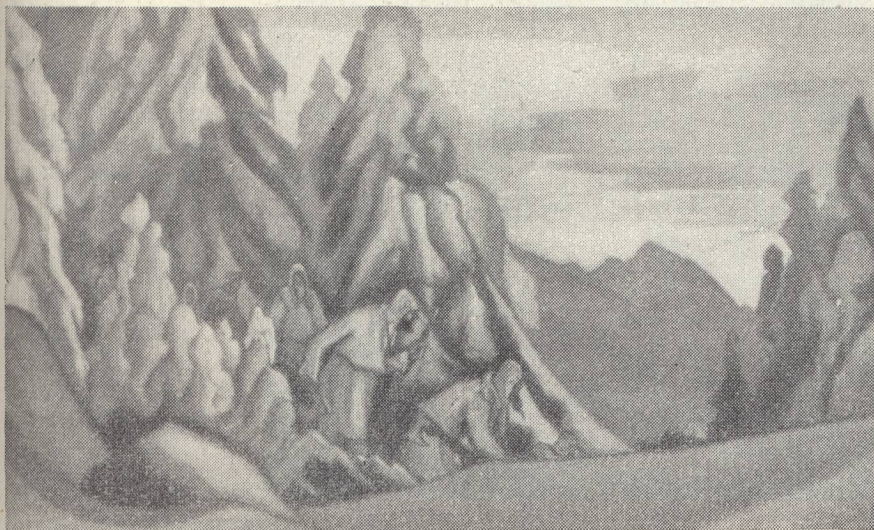
То, что мы рассказали в самом начале, было лишь малой частью огромного путешествия Рериха в глубь Центральной Азии, едва ли не стоившего жизни ему и семье. Зато сбор был сказочно богат!

В Ладаке, где буддийские монастыри висят в облаках над кручами и пропастями, наши исследователи впервые услышали сказания о Гэсэр-хане, герое монголо-тибетского эпоса, защитнике справедливости. Увидели высеченный пастухами-кочевниками на камнях и на скалах «меч Гэсэра». И тогда Рерих написал

одно из замечательнейших своих полотен — «Гэсэр-хан».

Пять лет длилось необычайное путешествие Рериха. Он прервал его лишь однажды, чтобы повидаться в Москве с Луначарским, обсудить научные результаты экспедиции и заодно передать несколько лучших вещей из гималайской сюиты советскому музею.

В 1928 году огромный маршрут Рериха по Центральной Азии закончен. Но с Гималаями, узнав их, расстаться было трудно:

Партизаны.

сколько задумано картин! Сколько научных материалов необходимо обработать ему самому и замечательным ученым — его сыновьям под руководством тибетских, индийских, китайских знатоков Азии! Решение принято: в Пенджабе, у подножия величавых пиков, Николай Рерих открывает «Гималайский институт научных исследований». Это скромный домик в долине Кулу, но о нем скоро узнает весь мир. Здесь поселился сам мастер, его семья. Сюда понемногу стали стекаться гости — ученые, философы, художники из разных стран.

Слава живописца растет быстрее, чем он в своем уединении может предполагать. В Нью-Йорке создан музей имени Рериха. В тридцати странах родились общества его имени.

Чего добивались эти общества? Сдружества искусств, братства людей всех рас и всех оттенков кожи, мирного сотрудничества народов, охраны памятников старины и защиты ценностей человечества от угрозы войны — вот что проповедовали члены общества имени Рериха. В Японии и на Цейлоне, в Канаде и на Филиппинах, в Швеции и Финляндии — всюду побывал Рерих, а потом снова возвращался в Кулу.

Из окон дома Рерихов видишь сияющие гималайские вершины. Блеск ледников, глубочайшую синеву горных небес. А внизу растут обыкновенные дуб, ольха. Как в России. И даже грибы попадаются тут русские: волнушки, сыроежки. Не потому ли хорошо дышится Николаю Константиновичу в долине Кулу и с такой волшебной легкостью создает он все новые творения? Создает новыми красками, которые изготовляет сам. Светятся эти краски, радуют взоры людей.

Семь тысяч картин написал Николай Рерих за свою долгую жизнь. Они разошлись по всем странам мира. Он радовался этому. «Много поработано во славу русского искусства», — писал он друзьям.

Тем временем черная туча фашизма наползала на сияющий лик земли. Рерих предвидел опасность мировой бойни. Зоркость не обманула художника. Он обращался к народам все-

го мира с горячим призывом о защите культуры. Но вот фашизм развязал войну. Зло ринулось топтать, жечь, уничтожать ценности, все живое.

Художник глубоко тосковал в те годы. Долина Кулу уже не могла дать русскому человеку спокойствия. Каменной стеной стояли неприступные Гималаи. Но он не глядел на них, мысль стремилась к Родине. Он думал о величии своего народа — и писал картину «Поход Игоря». Он думал о лучших людях своей земли — и писал картину «Партизаны». Он скорбел о русских матерях — и писал «Настасью Микуличу» — стойкую, гордую, несокрушимую.

Едва окончилась Великая Отечественная война, художник Рерих начал собираться домой.

Дела завершены. Собраны, упакованы картины — нет, не с пустыми руками вернется он на Родину! Подготовлены богатейшие научные коллекции, уникальные предметы, каких не знает ни один музей мира, — все, что подарено Рериху почитателями, учеными и друзьями из Монголии, Тибета, Китая, Индии. И он отдаст Родине лучшее из всего — свою живопись. Честреста полотен, оставленных им когда-то для себя.

Но тут подкралась старая болезнь и задушила его.

Огромные толпы стекались в долину Кулу. Кончина Рериха вызвала великую скорбь. Большой русский друг мечтал дожить до освобождения Индостана от ненавистного ига англичан. Он никогда не скрывал своих симпатий к угнетенным. За это его любили. Горячо, преданно, как умеют любить только много вынесшие, перестрадавшие от долгого векового унижения, рабства люди.

Тело Рериха было сожжено на костре. Прах его развеян с высокой горы. А у места погребения индийцы поставили величественный памятник. Надпись на камне гласит:

«На сем месте предано огню тело Николая Рериха — великого русского друга индийского народа. Да будет мир».

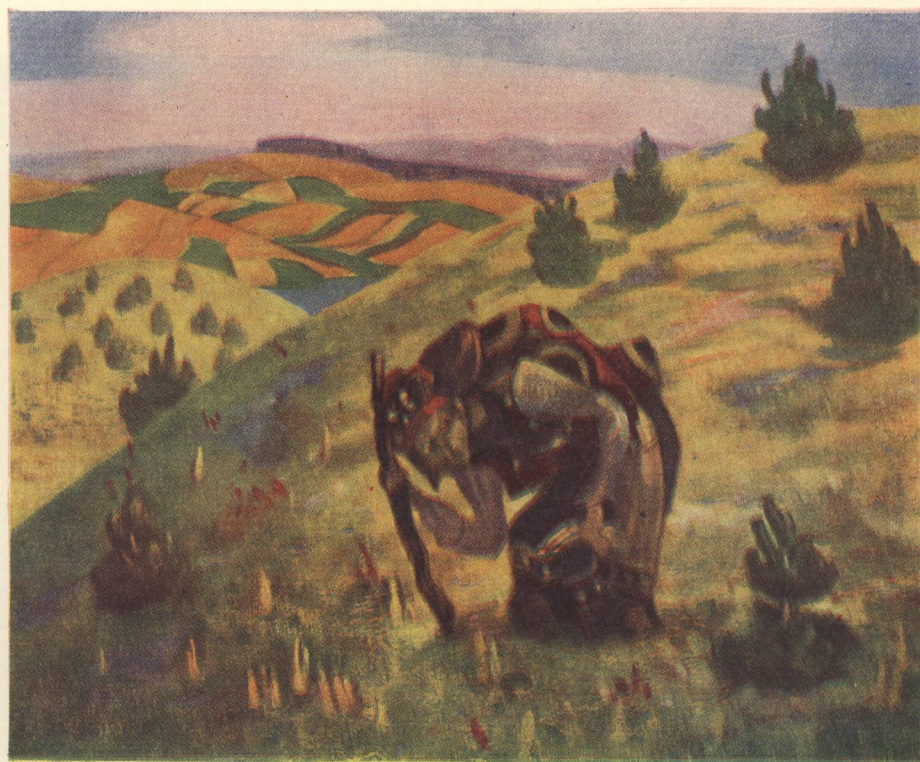

ГОНЕЦ

Н. Рерих

ВЕДУНЯ

Н. Рерих

ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ

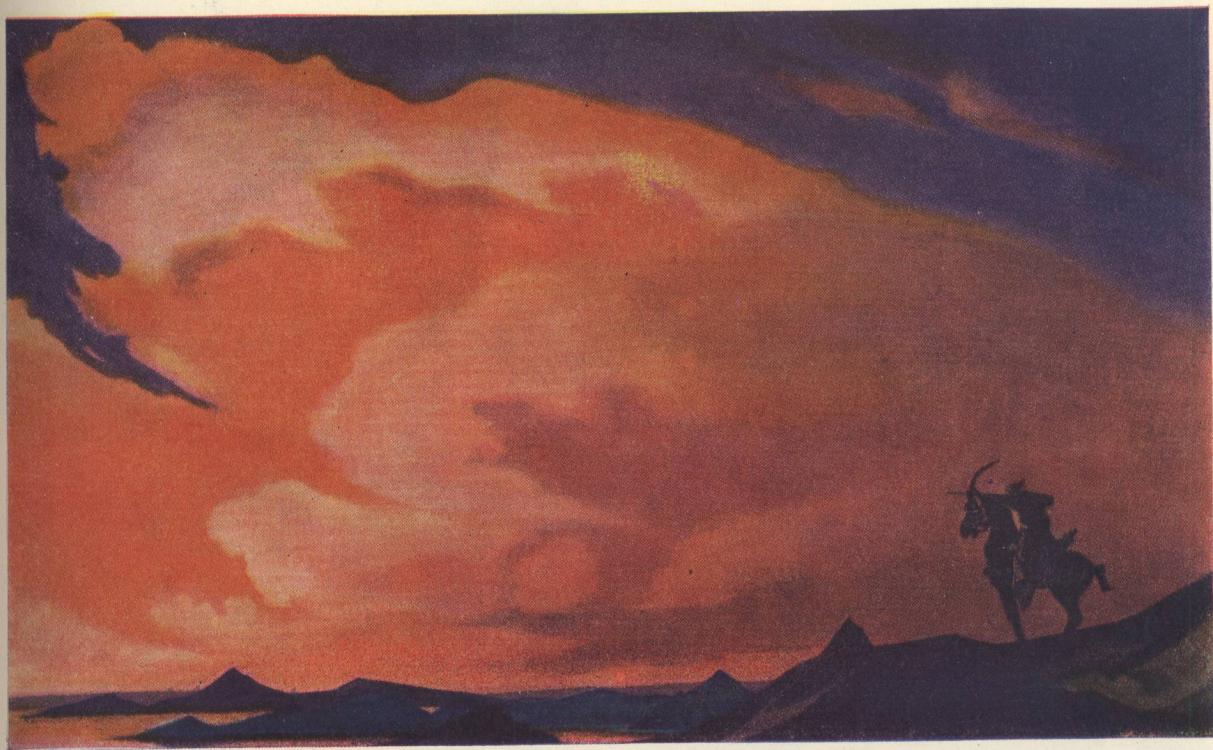
Н. Рерих

СТОРОЖЕВЫЕ ОГНИ

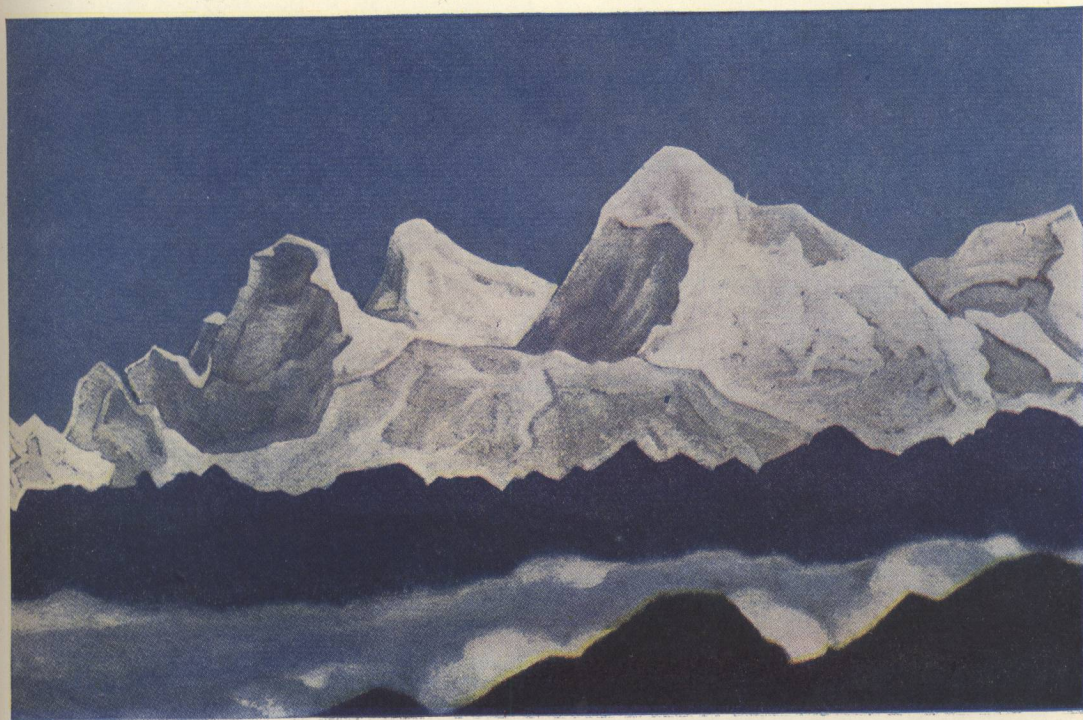
Н. Рерих

ТЭСЭР-ХАН

Н. Рерих

ДЖОМОЛУНГМА

Н. Рерих

Взволнованные толпы наполнили улицы. Люди в изумлении и страхе смотрели, как тает стальная башня. Почему! Об этом вы узнаете, прочитав до конца

научно-фантастическую повесть чешского писателя Александра Ломма «Муравьиный царь».

Рисунок Г. Филипповского.

МУРАВЬИНЫЙ ЦАРЬ

Александр ЛОММ

Научно-фантастический рассказ

Рисунки Г. Филипповского.

ГОСТЬ НЕ В ПОРУ

В этот день кандидат технических наук Зденек Пиштора ушел из института гораздо раньше обычного. Было четыре часа пополудни, когда служебная «Татра» подвезла его к дому.

На площадке второго этажа кандидат остановился перевести дух и вынул небольшой граненый флакончик с притертой стеклянной пробкой. Нетерпеливо откупорив его, он вытряхнул на ладонь какую-то черную крошку, формой и размерами напоминавшую три склеенных дробинки разных калибров.

— Цел, голубчик, цел!—восхищенно пробормотал он, но тут же, тревожно оглянувшись, упрятал свое сокровище обратно в стеклянный флакон.

После этого он уже поднимался медленнее и спокойнее. Но, добравшись до площадки своего этажа, Зденек Пиштора вдруг остановился как вкопанный. Перед дверью его квартиры стоял пожилой человек с бледным, квадратным лицом и большими черными усами. Это был профессор Крачмер, начальник его отдела.

«Неужели пронюхал?!» — вихрем пронеслось в голове Пишторы. Его длинное, тонкое тело била дрожь.

— Не удивляйтесь моему приходу, дорогой коллега! Мне стало известно, что сегодня вы завершили работу над заказом ЧГИИПа. Мне нужно поговорить с вами.

«Нет, не знает!..» — отлегло на сердце у бедного кандидата, и он шагнул к начальнику, с трудом владея все еще дрожащими от страха ногами.

— Простите, профессор! Это такая для меня неожиданность, что я даже растерялся немного...— смущенно лепетал Пиштора, доставая ключи и опирая дверь.

— Ничего, ничего,— успокаивал его Крачмер и сочувственно вздохнул.— На вас лица нет. Совсем вы себя измотали с этим новым техником!..

Пиштора выдавил из себя короткий смешок

и, распахнув дверь, сказал с деланной бодростью:

— Ну что вы! Я здоров, как лошадь!.. Заходите, пожалуйста!

КИБЕРОФОБ И КИБЕРОФОРМИК

Они вошли в тесную переднюю, сняли плащи, и Пиштора пригласил гостя в свой рабочий кабинет.

— Может, угодно чашку кофе?—спросил он заискивающе, когда профессор уселся в кресло возле низкого круглого столика.

— Нет, спасибо. Я только на минутку. Садитесь и выслушайте, что я вам скажу.

Зденек сел и закурил сигарету. Пальцы его заметно дрожали.

Несколько мгновений Крачмер молча смотрел в одну точку прямо перед собой, словно собираясь с мыслями. Потом он высморкался, тщательно расправил усы и медленно заговорил:

— То, что я хочу сказать вам, дорогой коллега, не для посторонних ушей. Зная вашу абсолютную, кристальную честность, я даже не требую, чтобы вы дали мне слово...

У Пишторы вспыхнули уши при упоминании

о его честности. Но Крачмер по-прежнему смотрел в сторону и не заметил его смущения.

— Вы, дорогой коллега, знаете мой взгляд на кибернетику,— продолжал скрипеть профессор.— Я уверен, что современное увлечение кибернетикой — увлечение вредное, чреватое опасными последствиями. Вы скажете, что мы принимаем все меры предосторожности? Это верно. Но разве можно заранее все предугадать, когда и с чего начнется катастрофа? Мы бредем в тумане и каждую минуту можем угодить в волчью яму. А когда вспыхнет бунт созданных нами механизмов, когда проснутся таинственные злые силы, будет поздно. У нас не будет средств остановить это... Сегодня, дорогой коллега, вы закончили работу над кибероформиком. Мне ли не знать этот изумительный техмин и его ужасающие возможности! Это — опасное и страшное изобретение! Нетрудно себе представить, что он может натворить, если вырвется на волю...

Пиштора вздрогнул.

— Он не вырвется, товарищ профессор,— тихо сказал он.— Завтра мы передадим его ЧГИИГПу, а через неделю он улетит в космос выполнять задание ученых.

— Вот именно, в космос! — с горечью возразил Крачмер.— Там-то он и вырвется на волю!

— Я не понимаю вас...

— Не понимаете? А ведь все проще простого. Мы предоставим ему свободу действия. Он способен по собственной воле вернуться на Землю, и тогда... тогда это останется на вашей совести. Но, между нами, если завтра комиссия ЧГИИГПа найдет в кибероформике серьезные неполадки и не примет его, я не стану с вас взыскивать. Больше того, я постараюсь убедить и комиссию и наш ученый совет в том, что кибероформик по данному проекту осуществить нельзя...

— Но товарищ профессор!..

— У меня все, дорогой коллега.

С этими словами Крачмер встал и с церемонным поклоном удалился.

ЧЕМ МЕНЬШЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ

Пора сказать, что такое техмин. Это сокращенно — техническая миниатюра. Описываемое нами время было временем повального увлечения техническими миниатюрами. Ежедневно появлялись все новые и новые крохотные приборы, и конструкторы-миниатюристы из кожи лезли, стараясь перецеголять друг друга. Уже никого не удивляли радиоприемники величиной с булавочную головку, кино- и фотокамеры, которые можно спрятать под ноготь, магнитофоны, помещающиеся в пуговичной дырке, и тому подобное.

Практическое применение миниатюр, или, как их стали называть, техминов, было связано с большими неудобствами. Их то и дело теряли.

Люди здравомыслящие разводили руками:

— Какой в этом смысл! Габариты человека требуют предметов вполне определенных размеров. Ну, скажите на милость, зачем делать сварочный аппарат, который могут пользоваться разве что божьи коровки? Чепуха какая-то!..

Но создатели техминов отмахивались от всех возражений. Они находили тысячу оправданий для своих крохотных изделий.

Техминисты работали то на медицину, выпускающая приборы, которые можно было глотать в желатиновых облатках; то трудились на космонав-

тику, создавая миниатюрное оборудование для маленьких ракеток — разведчиц космического пространства; то на криминалистику. Да мало ли чего не придумает изворотливый человеческий мозг!

И вот в одной пылкой голове зародился замысел: создать механическое насекомое, устроенное по принципу усовершенствованных кибернетических машин — самопрограммирующихся, самоуправляющихся, самосовершенствующихся, самозаряжающихся и само..., неведомо, что еще самоделающих. Выбор пал на муравья: семейство Форминомера, подсемейство Дарилина, вид Полиэргус. А честь воплощения этого гениального замысла выпала младшему научному сотруднику ПИТМа (Пражского института технических миниатюр), кандидату техминических наук Зденеку Пишторе.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПО СЛАБОСТИ

Но чем же было вызвано столь странное волнение кандидата техминических наук Зденека Пиштора при виде своего начальника? Секрета тут нет. Создатель кибероформика был влюблен и решил похвастать перед своей невестой только что созданным техмином. Иными словами, он хотел показать ей, какой он, Зденек Пиштора, молодчина.

Говоря по правде, Данка была и без того твердо уверена в том, что ее долговязый, очкастый техминист — молодец из молодцов. Но Пишторе все казалось, что ее уверенность недостаточно крепка. Вот он и решил продемонстрировать свое чудесное микроскопическое создание.

Провести Данку во внутренние святилища ПИТМа было абсолютно немислимо. Неизмеримо проще было вынести из института на один вечер и одну ночь маленького кибероформика! Зденек Пиштора так и поступил. Никому не доложившись, он взял потихоньку кибернетического муравья, упаковал его в граненый стеклянный флакончик и увез к себе.

Он, однако, понимал, что совершает весьма и весьма неблагоприятный поступок, граничащий с преступлением, и очень из-за этого страдал и волновался...

Проводив профессора Крачмера, Зденек еще долго не мог прийти в себя. Слишком уж его испугал и огорошил неожиданный визит начальника. Ведь надо же, такое несуразное совпадение! И, лишь уверившись, что опасность миновала, он овладел собой. Вновь приобретя способность соображать, он вспомнил всю свою короткую беседу с Крачмером. Смысл ее был более чем ясен: профессор Крачмер боится кибероформика и предлагает вывести его из строя.

— Трус несчастный! — вслух произнес Зденек, чувствуя, как сердце его закипает от гнева, ревности и обиды за бесподобного кибероформика.

ВСТРЕЧА В СТАКАНЕ

Данка не заставила себя ждать. Еще бы! Увидеть несравненного Зденека, а заодно посмотреть и на кибера, который в скором времени отправится в самый центр Галактики, — кто откажется от этого!

Не прошло и полчаса после телефонного звонка, как две головы (одна черная, с жестким ежиком, а другая с огромной пепельной кошной) уже склонились над стаканом, в котором, деловито ше-

веля усиками-антеннами, ползал чудесный искусственный муравей.

Данка сначала не поверила, что черное насекомое в стакане не настоящее. Слишком уж киберформик был похож на своих живых собратьев. Но Зденек легко рассеял ее сомнения. Он взял лупу, увеличивающую в сто раз, и показал Данке марку ПИТМа и свое собственное имя, выгравированные на брюшке киберформика. Восхищенная Данка воскликнула:

— Ой, Зденек, какой же ты у меня молодец!

Кандидат технических наук зарделся от удовольствия, поправил очки и скромно заметил:

— Ну уж молодец!.. Скажешь тоже!..

Но тут же присосанился и добавил:

— Впрочем, пришлось-таки повозиться! Ты бы посмотрела, что у этого кибера внутри!.. Сто пятьдесят приборов и систем управления! При нормальных габаритах они не вместились бы в здании ПИТМа!

— Да неужели!.. И все ты сделал сам?

— Какой там сам! Над этим работало пятьсот с лишним человек. Я только вел монтаж, регулирование и осуществлял общее руководство в качестве изобретателя и главного конструктора. Поэтому-то рядом с маркой института стоит мое имя. Если учесть, что это имя помчится в центр нашей Галактики!..

— Ой, Зденек! Страшно подумать, какой ты станешь знаменитый!

И пепельная головка нежно склонилась на грудь кандидата.

Когда часа через два, проводив свою невесту до остановки трамвая, счастливый Пиштора вернулся домой, он первым делом бросился к стакану. Заглянув в него, кандидат удивленно воскликнул:

— Вот так штука!

Дело в том, что вместо одного муравья он увидел в стакане не менее дюжины этих проворных насекомых. Впрочем, гости настолько отличались от хозяина расцветкой, размерами и поведением, что не было ни малейшей необходимости прибегать к лупе, чтобы среди обыкновенных живых муравьев найти драгоценный техмин. Пришлые муравьи были мельче искусственного и гораздо светлее. Окружив киберформика плотным кольцом, они ощупывали его усиками и, по-видимому, удивлялись ему не меньше, чем Данка. Сам киберформик вел себя с достоинством и тоже, не спеша, касался своими усиками-антеннами всех гостей по очереди. Он изучал их и принимал к сведению всем своим сложным кибернетическим устройством.

— Нет, братец, не тем ты занялся, чем нужно! Тебе предстоит работа поважнее изучения глухих земных мурашек!..

С этими словами Зденек осторожно взял киберформика пинцетом, опустил его обратно во флакон и накрепко закупорил стеклянной пробкой. Что же касается живых муравьев, то с ни-

ми кандидат обошелся не только невежливо, но даже жестоко: он налил в стакан воды и выплеснул вместе с ними в кухонную раковину.

После этого запер флакон с кибероформиком в ящик письменного стола, а сам отправился спать, заранее предвкушая первый за три года спокойный отдых.

БЕССОННИЦА, МЫСЛИ, ТРЕВОГА...

Забиться благодатным сном Зденеку Пишторе и на сей раз не пришлось...

Едва он улегся в прохладную постель, радужное и счастливое расположение духа постепенно стало линять и улечиваться. Образ любимой девушки вытеснила мрачная фигура профессора Крачмера.

— Это будет цепная реакция!.. — упорно бубнил Крачмер-призрак.

— Сам ты цепная реакция! Убирайся! — мысленно возражал ему Пиштора, стараясь усилием воли оторваться от неприятного видения.

— Это будет цепная реакция, которая приведет к катастрофе! — не унимался Крачмер.

И вдруг в памяти Пишторы всплыл уж совсем, казалось бы, мелкий и ничемный эпизод встречи живых муравьев с кибероформиком в чайном стакане. Крачмер же при этом как-то отодвинулся на задний план, а потом и вовсе исчез. Вокруг шевелились муравьи — великое множество муравьев: красных, рыжих, черных. Они ползали, двигали усиками, молчаливые, деловитые, сосредоточенные. И вот в сердце Пишторы стало просачиваться странное беспокойство. Муравьи ему определенно не нравились, хотя он и не знал еще, чем именно.

Он лежал на спине с открытыми глазами и думал теперь только о муравьях.

Почему они забрались в стакан к кибероформику? Что привлекло их туда? Откуда они взялись ни с того ни с сего? Какую реакцию они вызвали в сложном самопрограммирующемся устройстве кибероформика? И вообще, что мы знаем о муравьях?..

— Трудно даже представить себе, сколько этих муравьев живет на нашей старухе планете! — размышлял Пиштора, закинув руки за голову и уставившись глазами в темноту комнаты. — В одном муравейнике обитает до полумиллиона особей, а в тропиках и до сотни миллионов доходит. А сколько этих муравьиных куч раскидано по поверхности земли? Сколько нор под землей, в песках, в древесине старых деревьев? Пятьдесят миллионов? Сто? Или, может быть, весь миллиард? Считал их кто-нибудь?.. Черт

(Продолжение в следующем номере.)

знает что такое! Муравьев на Земле, во всяком случае, несколько сотен триллионов, причем муравьев самых разнообразных: и охотников, и скотоводов, и жнецов, и рабовладельцев. Я читал об этом. И они всюду способны проникать! Их не видно, но они есть везде, даже в городах. Смотрят, наблюдают, ждут... Чего ждут?!

СВЕРШИЛОСЬ

Рывком поднявшись с постели, Пиштора включил свет и с лихорадочной поспешностью принялся одеваться. Тревога в нем нарастала, как снежный ком. Пиджак он уже надевал на ходу, бегом направляясь в свой кабинет.

Раздумывать было не о чем. Открыв ящик стола, Зденек схватил флакон и похолодел от ужаса. Флакон был пуст!.. Стеклоянная пробка лежала в другом конце ящика, словно ее с силой вытолкнули из бутылки.

Кто же выдернул и отшвырнул ее, эту пробку?! Ведь даже человек, даже он, Пиштора, с трудом вытаскивал ее из флакона! Неужели это проделал сам кибероформик?!.. Но где же, где же он?! Осторожно!! Не раздвигать бы. Он должен быть где-то здесь, в ящике!

Руки Пишторы дрожали, когда он в волнении перебирал и перетрясал содержимое ящика. Ни одна соринка, ни одна пылинка не ускользнула от его внимания. Но кибероформика не было.

— Сбежал, подлец!.. — прошептал несчастный техминист и в полном изнеможении опустился на стул.

Что же теперь делать? Как объяснить директору ПИТМа и комиссии ЧГИИГПа пропажу столь ценного техмина? Ведь стоимость его просто чудовищна! Она равна стоимости межпланетного лайнера на двести пассажиров!.. Тут даже заступничество Крачмера не поможет. Да и станет ли Крачмер заступаться, когда узнает, что кибероформик сбежал, что он вырвался на волю не в космосе, а здесь, на Земле?! Конечно, не станет. Он первый обрушится на Пиштору с самыми тяжкими обвинениями... Что же теперь будет? Даже подумать страшно. Суд, позор, безоговорочное отлучение от научной работы. Какой ужас, какой ужас! Стоит ли жить после этого?.. А Данка? Что скажет Данка? Конечно, она тоже с презрением отвернется от преступника и неудачника!.. Нет, нет, этого нельзя допустить! Нельзя сидеть сложа руки! Искать, искать!

Схватив лупу, Зденек Пиштора опустился на четвереньки и принялся сантиметр за сантиметром исследовать пол своего кабинета, изучать все его малейшие щели, впадинки и неровности...

ОБЪЯВЛЕНИЕ. На днях усилиями Смехотрона в г. Н-ске обнаружен научно-изобретательский клуб. Клуб носит название «Можете говорить что хотите, только мы все равно изобретатели, потому что до всего доходим своим умом, безо всяких там глупостей — во!». Сокращенно просто «ВО!». Научная работа в клубе ведется успешно. Несколько изобретений клуба «ВО!» уже начинают входить в жизнь, а многие еще в проекте.

Сегодня на 78-й странице нашего журнала мы демонстрируем первую модель клуба «ВО!».

З. АЛЕКСАНДРОВА

Рисунок А. Брея.

В

Зимален

бассейне

На брови надвинуты шапки-ушанки,
Зима зазывает на лыжи, на санки,
Зима на коньках приглашает кататься,
Зима, не сердись, нам охота купаться!

Пусть шарфы пушисты, пусть шапки ушасты,
С собой мы несем разноцветные ласты.
Сейчас на Волхонку свернем от бульвара,
Где курится легкое облачко пара.

На голые плечи садятся снежинки.
Плывите,
ныряйте, качайтесь на спинке!
Пусть лыжники мчатся заснеженным полем,
Нам весело плавать то брассом, то кролем.

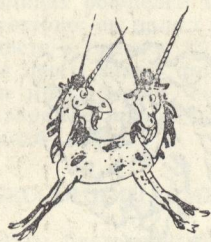
Мы шлепаем ластами, будто тюлени,
Кругом ребяташки стоят в нетерпенье.
И, как медвежонок на льдине весенней,
Купается солнышко с нами в бассейне.

Пускай заморожены зимние рамы,
Пусть охают бабушки, ахают мамы.
Купаться зимой веселей и полезней,
И нам не страшны никакие болезни.

Купайтесь в бассейне, ныряйте в бассейне,
Купайтесь и в будни, и в воскресенье,
Зимой морозной, порою осенней
Купайтесь, купайтесь,
Купайтесь в бассейне!

Зоопарк Тяни-Толкая

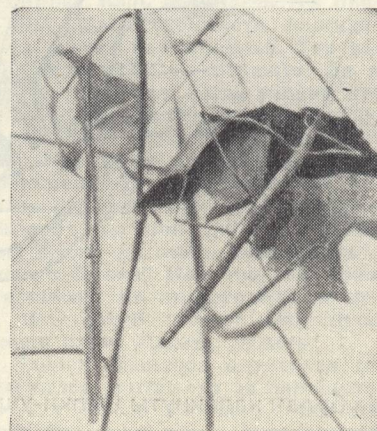
Знаменитый Тяни-Толкай, главный смотритель зоопарка, встретил нас у входа.

— Вам хочется удивительного? — обрадовался он. — Тогда за мной!

чатся с ним ночью в лесу — так они боятся этих «жутких» глаз. Ведь в темноте они отсвечивают красноватым светом... Лемуры ведут ночной образ жизни, и их глаза приспособились улавливать ночью даже самый слабый свет. Поэтому они такие большие. Там, где водятся лемур-потто — в Азии и Африке, — его называют ночной белкой. Цепляясь четырехпальными лапками за ветки, он умеет незлышно подбираться к добыче.

Но сейчас день, и пусть наш малыш поспит. Ему надо отдохнуть. А мы отправимся дальше.

— А это что? Загадочная картинка?

— Так и быть, я помогу вам ее разгадать. Видите, справа странное существо? У нас его называют палочником, у чехов — страшилкой, а если его имя перевести с одного древнего языка, то получится «привидение». И верно, палочники, длинные, зеленые, очень похожи на ветки растений. Даже птица с ее острым зрением может не заметить их на ветке. А

— Посмотрите-ка, что за зверь перед вами? Маленький, пушистый, как котенок или белка, он ловко устроился на трости, как на ветке. Зовут этого малыша лемур-потто.

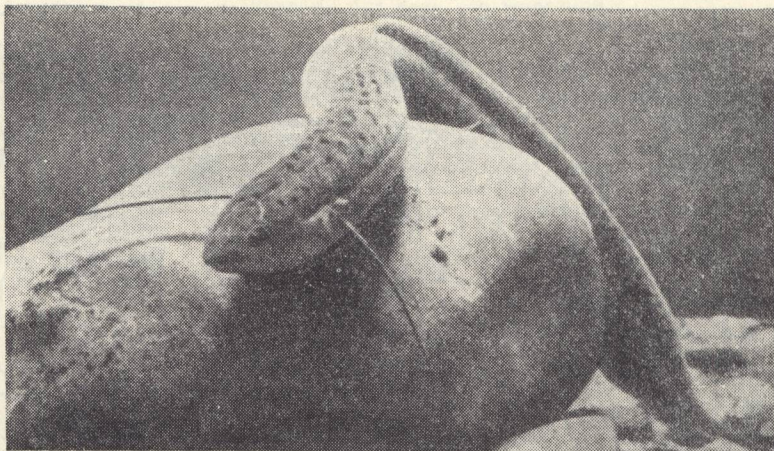
— Но почему у него такие странные, печальные глаза? — сказали мы.

— Глаза у него, и верно, удивительные. Недаром даже бывалые охотники не любят встре-

если заметит и спугнет, — тогда хитрый палочник прикинется сучком. Зацепится острыми коготками за ветку и повиснет неподвижно. Был и нет его! А ну-ка, найдите здесь такого хитреца!

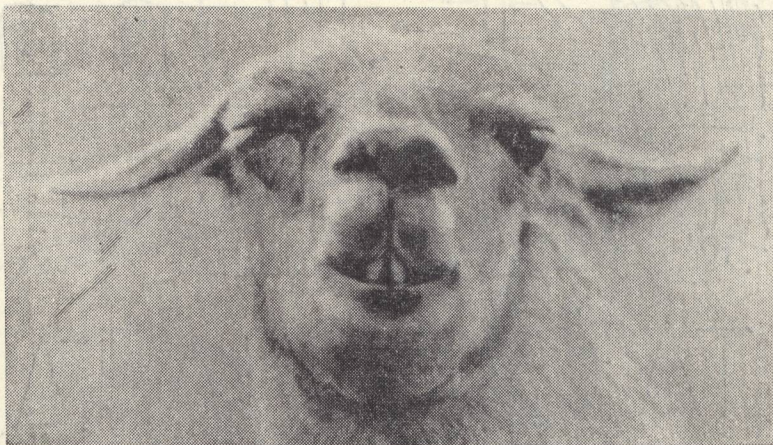
— Эта рыба ведет себя совсем не как рыба. По ночам она выбирается из воды и отправляется на поиски лягушек и улиток. Протоптерус отважно путешествует по земле и корягам, в то время как любая другая рыба не прожила бы и минуты без воды. Секрет в том, что протоптерус «запасся» и жабрами и легкими. Живет он в Африке, в пересыхающих реках. В сильную жару рыба делает себе убежище — кокон из ила. Выстилает его слизью, оставляет кро-

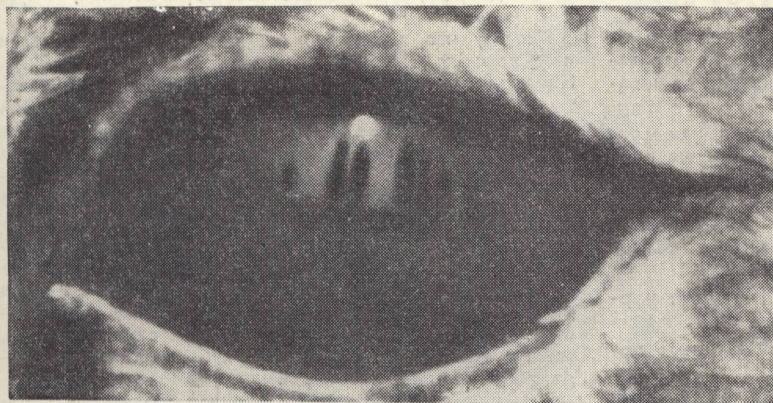
хотное отверстие для дыхания и устраивается там, плотно свернувшись, с закинутым за голову хвостом. Так она и живет подолгу, в коконах ее и перевозят в аквариумы других стран.

— Разрешите представить моего лучшего друга. Это самый неунывающий и самый выносливый обитатель нашего зоопарка. Ему ничего не стоит отмахать по горным тропинкам десятки километров да еще с тяжеленным грузом на спине. Одним словом — лама!

ДАЮ ОТГАДКУ

— Отгадали мою загадку из № 1? А кто не отгадал — пусть послушает. Вот она снова перед вами. Это глаза совы. Венгерский кинооператор Иштван Хомоки Надь сфотографировал птицу с близкого расстояния, а когда увеличил снимок, с удивлением заметил, что на роговой оболочке ее глаза отразился пейзаж, который она в тот момент видела! На снимке рядом — тот же пейзаж, снятый полчаса спустя. Вот вам и вся отгадка!

ТА СТОРОНА, ГДЕ ВЕТЕР

В. КРАПИВИН

(Окончание)

Рисунки Ю. Коровина.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Владик первый забрался на дом по скользким от дождя перекадинам лестницы. Видно было, что лазил он здесь не один раз. Генка даже отстал немного.

Светло-серый ребристый шифер блестел, как мокрая стиральная доска. Там, где плоская крыша пристройки переходила в скат главной крыши, прилепилось что-то вроде крошечного домика. Это был вход на чердак. А недалеко от него торчал железный прут с жестяным широким флажком. «Флюгер», — понял Генка.

Владик согнулся и нырнул в темный квадрат чердачного входа. Пролез и Генка.

Сначала он увидел только темноту и смутные полосы деревянных балок.

— Вот... — с какой-то неловкостью в голосе начал Владик. — Здесь у меня... Понимаешь?

— Сейчас, — ответил Генка. Он ждал, когда глаза привыкнут к темноте, но говорить об этом не хотел. Лучше уж не произносить при Владыке слово «глаза».

Потом он догадался: шагнул в сторону от распах-

нутой дверцы, и стало светлее. «Бригантина», — чуть не сказал Генка.

Потому что в первую секунду чердак показался ему кораблем. Конечно, только в первую секунду. Никакой чердак с кораблем не сравнишь. Но все-таки что-то похожее было: Генка вспомнил старый фильм, где высокие волны переваливали с борта на борт тяжелый трехмачтовый парусник, в темном трюме плескалась вода, а на мостике капитан в промокшей треуголке кричал в медный рупор красивые испанские ругательства. Почему это вспомнилось Генке? Может быть, пасмурный свет дождливого дня был похож на свет киноэкрана, а толстые балки чердачных перекрытий напоминали корабельные ребра — шпангоуты. Может быть, потому, что пошвыстывал и звенел влажный ветер. А самое главное, то, что на одной из поперечных балок блестели медью и никелем приборы.

Генка еще не разглядел, что это за приборы. Он видел только белые циферблаты и тонкие усики стрелок. И там же, на гвозде, вколоченном в балку, висела фуражка. Обыкновенная школьная фуражка. Значит, Владыкина. Висела она здесь как-то подомашнему, словно в коридоре на вешалке. И Генка понял, что Владик бывает здесь часто, очень часто.

— Может быть, в самом деле Владик играет в корабль? Генка еще не очень понимал, в чем тут дело. Но он знал, что бывают игры, которые не просто игры, а связаны с чем-то важным. С какой-то мечтой или тайной. Он уважал такие тайны и знал, что нельзя их задевать ни любопытством, ни самой легкой шуткой.

— Здорово устроено, — заметил он.

Слева висел будильник. Обыкновенный будильник, только без стекла. И цифры были не нарисованные, а выпуклые, вырезанные из картона.

— Знаешь, какой точный будильник, — сказал Владик. — За десять дней всего на полминуты вперед убегает.

Справа поблескивал стрелками круглый барометр-анероид. Генка знал, что это за штука, видел у Шурика. Когда хотели поскорее узнать, какая будет погода, стучали по стеклу ногтем и смотрели, куда дернется стрелка. Генка и сейчас хотел щелкнуть, но спохватился: как и на будильнике, здесь не было стекла.

Медная стрелка-указатель торчала прямо вверх. Ее острый конец разделил пополам слово «переменно» и стоял на числе семьдесят шесть.

— Ага, — сказал Генка. — Ясно, как ты узнаешь про дождь.

— Ты барометр смотришь? — спросил Владик. — Думаешь, по нему узнаю? Можно и без него. Да и врет он часто. Все равно можно. Мне бы еще такой термометр, чтобы стрелка была. Без стрелки я не могу.

— Бывают со стрелками, — сказал Генка. — В Москве на университете есть такой, похожий на часы. Большой.

— Я знаю. Только, как устроен, не знаю. А то бы мы с папой попробовали сделать...

— Он тебе и это помогал устраивать? — Генка щелкнул по железному пруту флюгера, который проходил на чердак сквозь крышу.

— Нет, это я сам. — Владик сел на корточки и сжал прут в кулаке. — Тут все просто устроено.

Стержень внизу был закреплен на подставке с подшипником и поэтому легко вращался. На той же подставке, вокруг подшипника, лежало фанерное кольцо с делениями из наклеенных спичек и с выгнутыми из проволоки буквами: NOSW. А над кольцом, прикрепленная к стержню, вздрагивала жестяная стрелка. Ее наконечник прыгал слева от буквы W, где-то у маленького деления, обозначающего, кажется, вест-зюйд-вест.

— ...И не надо лазить на крышу, — оживленно и немного сбивчиво объяснял Владик. — Ветер наверху. Там... Флажок двигается, а стрелка здесь ходит.

— Хорошо придумано, — рассеянно сказал Генка.

Придуманно было действительно плохо, но Генка думал о другом.

— Владик... Тут ведь все железное.

— Ну да. Из дерева делать плохо. Надо толстый шест искать, а потом такую дырищу в крыше пробивать. Тетка бы лопнула от злости.

— Тогда хоть заземление надо сделать, — с хмурой озабоченностью предложил Генка. — А то он торчит, твой флюгер, над крышей, как громоотвод, только наоборот. Громоотводы против молний, а этот притянет.

— Да ерунда, — торопливо сказал Владик. — Ничего не притянет. Это только так говорят.

Генка насупился и предупредил тихо, но сердито:

— Владька, я ведь серьезно. Вот спалишь дом. Владик подпрыгнул, сел верхом на балку и закачал ногами.

— Ну и пусть! — заявил он как-то слишком весело. — А нам с папой скоро квартиру дадут.

— А эта... тетя ваша? В шалаше будет жить?

— Тю-ю! Она новый дом построит! Думаешь, не построит? Ого!

Он пришпорил балку и гикнул, будто пятилетний малыш, который вообразил себя верхом на горячем скакуне. Он веселился вовсю. Только было ли у него веселым лицо, Генка не видел: Владик сидел к нему спиной. Вдруг он перестал изображать всадника и сказал:

— Она, наверно, целых пять домов построит, если захочет. Всю жизнь деньги копит. Думаешь, она для нас эту пристройку делала? Для квартирантов. Студентов хотела в нее пустить. С каждого — по десятке. Ничего, она с нас не меньше дерет. Ты не думай, что жалко. Просто противно. Богу чуть не каждый день молится, про грехи какие-то бормочет, а сама такая... На людей ей наплевать.

— А она кто? Настоящая твоя тетка? Родная?

Владик раздраженно мотнул головой.

— Родная, родная! Ты прямо, как мой папка. Он тоже доказывает... А мне хоть кто, хоть роднее всех! Если она такая...

Генка больше не спрашивал. Владик сидел, устало сгорбившись, будто проскакал на своем «коне» много трудных километров. Потом он легко прыгнул с балки и как ни в чем не бывало предложил:

— Пойдем, у меня там компас. Также сам делал. Он потащил Генку в дальний угол чердака. Там в пластмассовом бачке для проявления фотопленок плавала на пробковом кружке длинная сапожная игла.

— Я ее намагнитил, — объяснил Владик. — Такой компас очень точным считается. Только надо держать подальше от железа. Я не знал сначала и поставил у флюгера. А потом уж догадался, что врать будет. Помнишь, в «Пятнадцатилетнем капитане» Негоро железо под компас сунул? Я, когда прочитал, догадался.

— Прочи... — начал Генка и осекся: опять Владик обидится.

Владик не то с усмешкой, не то со вздохом сказал:

— Не я, конечно, читал, а папа.

«Читает все-таки, — подумал Генка. — Кажется, бывают такие книги с выпуклыми буквами». Он набрался смелости и спросил:

— Есть такие книги, да? Специальные? — Он не решился сказать «для слепых».

— Есть, — недовольно ответил Владик. — Мало только. Там буквы проколами делают. Я их не люблю, я обыкновенные буквы люблю.

Они сидели в дальнем темном углу у компаса, на каком-то чурбаке, и Владик сказал:

— Знаешь, как я учился читать? Еще до школы. По спичкам. Папа на работу уходил, а я целый день один дома. Знаешь, как скучно... Маленький еще был. Тогда папа меня и начал буквам учить, из спичек складывал. Сначала буквы, потом слова. Потом начал сказки сочинять. Я ночью сплю, а он сидит, сочиняет, а потом спички на кусочки ломает, слова складывает. Сначала еще ничего, я плохо читал, сказки коротенькие были. А когда научился, знаешь как ему досталось... Он иногда до утра сидел. А я же глупый был, мне лишь бы сказка получше да подлиннее. Утром он уйдет на работу, я встану — и скорее к столу. Там уж газета, а на га-

зете буквы. Если сказка длинная, мне на полдня хватало. Ползаю, разбираю... Надо ведь осторожно, чтобы спички не сдвинуть. Потом уж их папа приклеивать стал, потому что один раз окно было открыто и ветер газету сдул... Ух, я ревел! Бегал по комнате, кулаками махал, хотел ветер наколотить... Смешно, верно?

Было ничуть не смешно. У Генки защекало в глазах от непонятого, щемящего чувства. Это была не жалость, что-то другое. Захотелось Генке сказать Владиду какие-то хорошие слова. Про него самого и про его отца. Но таких слов Генка говорить не умел. И он лишь спросил небрежно:

— А в школе ты тоже в Воронеже учился?

— В Воронеже... И в Омске и в Саратове. В разных.

— В специальных?

Владик покачал головой.

— Нет, не хочу я... В специальных интернаты, там все время жить надо. А мы с папой... Понимаешь, вместе все время.

— Понимаю, — шепотом сказал Генка.

— Я и в такой школе могу. Думаешь, не могу? У меня память хорошая, я все на уроках запоминаю. Писать в тетрадях только трудно. Ну, меня от чистописания все равно освобождали. И от рисования освобождали. А арифметика вообще легкая.

— Ты в каком теперь?

— В четвертый перешел, — вздохнул Владик. — Могу бы в пятый уже, мне почти одиннадцать. Но я как-то глупо родился, в сентябре. Когда в первый класс записывали, меня сначала не взяли. Говорят, потому, что до семи лет полмесяца не хватает. На следующий год тоже не хотели, да я уж читать и считать умел. Одна учительница, Нина Сергеевна, меня в свой класс взяла, занималась, домой к нам ходила. Хорошая такая... А первый раз, ох, я и ревел, когда не приняли, — признался он. — Так же, как в тот раз, когда ветер сказку рассыпал...

«Он мне все рассказывает, — подумал Генка. — Почему? Может быть, потому, что ничего не видит и все для него кругом, как ночь, а ночью, говорят, люди бывают откровеннее?» Но Генка понимал, что это ерунда. Он чувствовал другое: Владик ему доверяет, как другу.

— Я, когда маленький был, не любил ветер, — тихо сказал Владик. — Только уж потом полюбил, когда понял... От ветра, знаешь, как погода зависит! Он поднялся и стал пробираться к флюгеру. — Слышишь, ветер сильнее стал и ровнее? Значит, скоро дождь кончится. Если ветер чувствовать, можно хорошо узнавать, какая будет погода...

— Это правильно, — согласился Генка.

Ломая на кусочки какую-то щепку, Владик вполголоса проговорил:

— Конечно... есть еще разные внешние признаки. Например, цвет неба, форма облаков. Облака — это ведь важно: перистые, кучевые... слоистые... Только ведь скажут, если надо, верно? Не один же я буду.

— Где? — морща лоб, спросил Генка. Опять он ничего не понимал.

Владик бросил щепки.

— Ну, где... На станциях. На зимовках. Где определяют погоду. Ты же знаешь.

«Ух ты!» — не то подумал, не то прошептал Генка. Потому что лишь в эту секунду пришла настоящая разгадка. Все встало на свои места, сделалось четким и понятным, словно в бинокле, когда повернешь окуляры до полной резкости. И деловитая стрелка флюгера над фанерной шкалой, и дребезжащий анероид, и Владькина фуражка на гвозде рядом с приборами. И сам Владька, не захотевший стать му-

зыкantom. Владька, задумавший удивительное и дерзкое: стать метеорологом. «На станциях. На зимовках»...

В сумраке чердака пасмурный квадрат окна казался ярким и серебристым. По нему бежали рваные облака. Владькина фигурка в этом квадрате была совсем черной.

Он стоял спиной к Генке, тоненький, прямой и неподвижный. Что-то непонятное задело Генкину душу. Это «что-то» было тревожным и звонким, словно ждала далекая дорога, и под синим грозовым небом горы проиграли походный сигнал.

Но ведь не было пока у Генки такой дороги. А у Владьки была...

— Ты не говори,— вдруг услышал Генка.— Никому не говори про это, ладно? Я тебе первому сказал, одному.»

— Да,— ответил Генка, хотя не помнил, как пахнут листья осины.

Владик прислушивался.

— Папа идет,— сказал он.

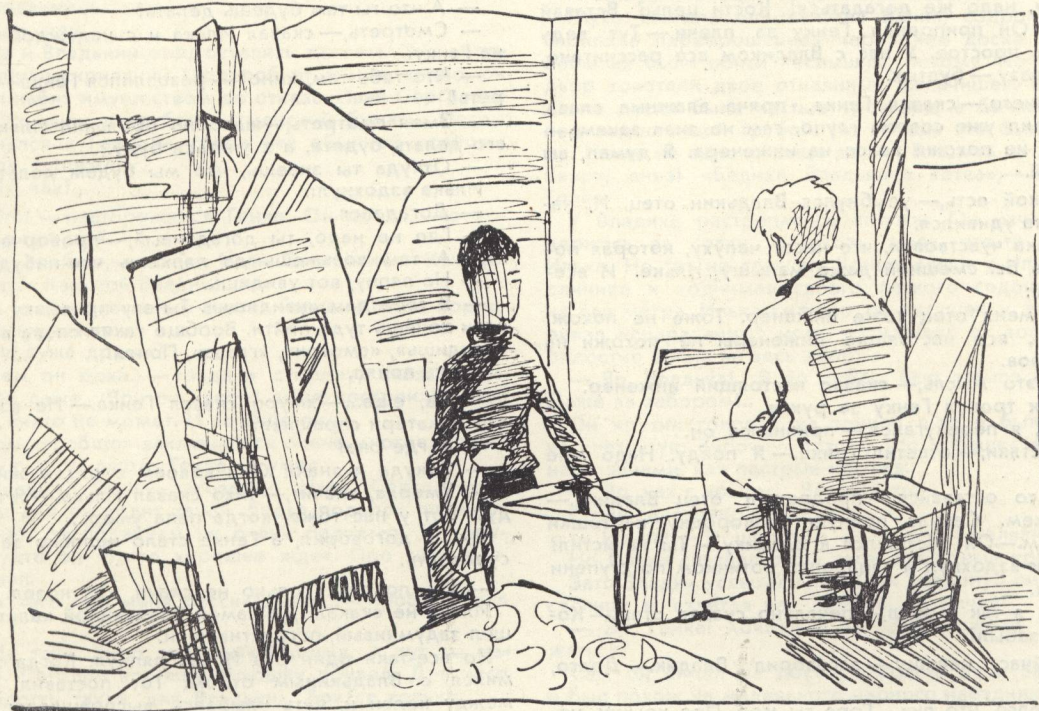
— Где?

— Ну, я не знаю. Далеко еще.

Генка зажмурился и напряг слух. Ему тоже захотелось услышать шаги Владькиного отца. Но он только слышал обычный незаметный шум дня: шорох ветра, далекий гул машин, голоса прохожих, басовитые гудки буксиров, музыку репродуктора... А потом звякнула калитка, и Владик весело крикнул:

— Ага, пришел! — Это прозвучало, как «ага, поплясь!» — А говорил, что до вечера...

От калитки шел высокий человек в сапогах, серой кепке и мешковатом темном костюме. Доски проги-

Генка кивнул. Он забыл, что Владик не увидит этого молчаливого согласия.

И, встревоженный молчанием Генки, а может быть, своими мыслями, Владик заговорил сбивчиво и торопливо:

— Вот ты... как думаешь? Получится это у меня? Если изо всех сил...

В голосе его вдруг прозвучало такое беспокойство, что у Генки холодок пробежал по спине.

— Получится,— тихо сказал он.— У тебя все получится.

Дождь кончился, и за ключьями низких облаков угадывалась солнечная желтизна. Ветер был еще сырой, но легкий и нехолодный. Генка и Владик выбрались на крышу. После сумрака и земляного запаха чердака небо и улицы показались Генке удивительно просторными и светлыми, а ветер приносил запахи мокрых трав.

— Ветер пахнет лесом,— сказал Владик.— Земляничкой пахнет и листьями осины.— Он стоял рядом, и Генка чувствовал его острый локоть.

бались под сапогами. Лицом он показался Генке похожим на испанца: прямой нос, узкий подбородок, волосы на висках подстрижены низко, как у тореадора, которого Генка на прошлой неделе видел в киножурнале. Но губы у него были широкие и мягкие, а волосы светлые. Все это Генка разглядел, когда Владькин отец остановился и поднял голову.

Он улыбнулся Генке глазами, а Владиду ответил:

— Не получилось до вечера. Прогнали.

Владик испуганно качнулся вперед.

— Кто?

— Начальство,— засмеялся отец.— Ты не свались...

До послезавтра приказано на работу не являться. Говорят, без меня теперь управятся. Вот как...

— Ура,— тихо, но энергично сказал Владик.— Это они правильно.

— Что же делать, будем загорать.

— Папа...— сказал Владик.

— Ну?

— Ты готов?

— Давай.

— Держи!

Владик стремительно согнулся и прыгнул вперед, с крыши. У Генки внутри что-то оборвалось. Он чуть не крикнул. Но руки отца подхватили Владика у самой земли и удержали на весу.

— Приземлились,— сказал Владик и важно покачал ногой.

Генка вспомнил своего отца. Как он уехал. Какая-то смесь обиды и зависти качнула его вперед, как волна. Не думая, Генка шагнул к самому краю крыши и тоже прыгнул.

Он прыгнул не глядя. Ноги скользнули по мокрым доскам. Он упал на бок и ударился локтем, так, что искры и слезы из глаз. Стараясь не морщиться, Генка сел и увидел над собой Владькиного отца.

— Жив?

— Жив,— сказал Генка и попытался улыбнуться.

— Ну, надо же догадаться! Кости целы? Вставай тогда.— Он приподнял Генку за плечи.— Тут ведь дело не простое. У нас с Владиком все рассчитано, а ты сразу — бултых.

— Ничего,— сказал Генка, пряча влажные глаза. И добавил уже совсем глупо, сам не зная зачем: — А вы и не похожи вовсе на инженера. Я думал, вы не такой.

— Какой есть,— улыбнулся Владькин отец. И, кажется, не удивился.

А Генка чувствовал, что несет чепуху, которая оказалась бы смешной даже малышу Ильке. И все-таки нес:

— У меня отец тоже инженер. Также не похож. Наверно, все настоящие инженеры не похожи на инженеров.

— А это мысль,— сказал настоящий инженер.

Владик тронул Генку за рукав.

— Ну, я перепугался,— признался он.

— Пустяки,— ответил Генка.— Я пойду. Надо мне домой.

— А то оставайся,— предложил отец Владика.— Пообедаем. Сейчас полную сковородку картошки соорудим.— Он обернулся к Владике.— Ты начистил?

Владик вздохнул и зацарапал ботинком по ступени крыльца.

— Ну, я так и знал,— печально сказал отец.— Конечно, забыл?

— Сейчас начищу,— заговорил Владик.— Долго, что ли...

— «Долго, что ли»... Горе ты мое. Про крышу, небось, не забыл,— усмехнулся отец. И обратился к Генке: — Слезить на крышу он никогда не забудет. Вот уродился чертеняка. Что с ним делать, не знаю. Лупить, что ли?

— Лупи! — весело сказал Владик.

— Неудобно как-то. Большой уже.

— Раньше надо было,— охотно согласился Владик.

— Вот ломаешь шею...

— Я?!

Генка молча слушал их, и ему не хотелось уходить. Но он опять сказал:

— Я пойду.

— Придешь потом? — спросил Владик.

— Завтра. Завтра утром. Можно?

— Вот вопрос,— удивился Владькин отец.— Ты, Генка, разбудить нас не бойся. Мы, как говорят, с петухами встаем.

«Имя знает,— подумал Генка.— Значит, Владик говорил про меня».

За калиткой Генка вспомнил, что забыл куртку. Но уже проглядывало солнце, и он не стал возвращаться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Утром за Генкой увязался Илька. Откуда он узнал, что Генка идет к Владике, совершенно непонятно. Он вылетел из-за угла, расстегнутая рубашка поло- скалась за спиной.

Тормознув сандалией, Илька выдохнул:

— Ген, я с тобой. Ладно?

— Слушай, Гонец,— сказал Генка.— Лети в другую сторону.

— Ну, Гена...

— Я кому говорю?

Илька захолопал ресницами и сказал потускневшим голосом:

— Жалко, да?

— Жалко.

Илька опустил голову и прошептал:

— Я же не буду мешать.

— А что ты там будешь делать?

— Смотреть,— сказал Илька и с надеждой глянул на Генку.

— Что тебе там, кино? — разозлился Генка.— Смотреть!

— Змея смотреть,— жалобно объяснил Илька.— Вы его делать будете, а я учиться буду.

— Откуда ты знаешь, что мы будем делать?

Илька вздохнул:

— Догадался...

— Где не надо, ты догадливый,— проворчал Генка.— А там возьмешь да ляпнешь что-нибудь.

— Не ляпну, вот увидишь.

— Я тебе дам «увидишь». Ты эту привычку брось, если хочешь туда пойти. Вообще такие слова забудь: «увидишь», «смотри», «глаза». Понял?

Илька понял.

— Да, еще... — хмуро сказал Генка.— Не вздумай его о матери спрашивать.

— А где она?

— Откуда я знаю! Они вдвоем с отцом живут.

— Умерла, значит,— тихо сказал Илька.— Я не буду... Вот у нас тоже, когда папа умер...

Он не договорил, а Генке стало неловко за свою суровость.

— Ну, пойдём. Только не скачи, как козел.

Илька не скакал. До самой Владькиной калитки он шел задумчивый, погрузневший.

Но все-таки один раз Илька ляпнул. Когда знакомился с Владькиным отцом. Тот поставил Ильку между колен и, чуть улыбаясь, выпрашивал:

— Как звать-то? Илька? Илья, значит. Илья-про- рок... Ну-ну! Значит, Илюшка? А меня — Иван Сергеевич. Можно и проще — дядя Ваня.

— Лучше уж Иван Сергеевич,— сказал Илька, простодушно глядя на Владькиного отца.— У нас есть сосед дядя Ваня. Пьяница ужасный! Его жена каждую субботу из канавы домой на тачке возит. А он только мычит.

Генка довольно крепко хлопнул Ильку между лопаток. Илька смутился и стал разглядывать свое колено, смазанное зеленкой. Иван Сергеевич и Владик захохотали враз. Владька даже ногами заколотил по дверце шкафа — он сидел на гардеробе, что-то искал там.

Генка смотрел на Владькиного отца виновато, словно извинялся за Ильку: что возьмешь с малыша...

— Папа,— отсмеявшись, начал Владик.— А здесь тоже нет клея.

— А я при чем?

— Ну, ты же убирал.

— Убирай сам. Сколько раз говорил: ставь на место.

— А на том месте твои лампы лежали.
— Отодвинул бы.
— Ну да! Начну отодвигать и шандарахну об пол.
— Я вот тебе тогда шандарахну... Что ты там дрыгаешься? Сам сейчас на пол слетишь.
— Конечно,— сказал Владик.— Потому что клей — вот он. Отойдите! — И он с грохотом прыгнул со шкафа. — Илька, забирай бумагу.

С Илькой он разговаривал так, будто они всю жизнь были знакомы. Илька, видно, тоже никакой неловкости не чувствовал. И Генка успокоился.

Владик с бутылкой клея шагнул к двери. Илька и Генка двинулись за ним.

— Гена! — окликнул Иван Сергеевич. — Подожди секунду. Помоги-ка шкаф отодвинуть. Владька за него мои чертежи завалил. Достать надо.

— Я завалил?! — возмутился Владик. — Это старые чертежи. Они там целую неделю валяются! Дай я сам отодвину.

— Иди, иди...

Генка и Владькин отец остались вдвоем. Они легко отодвинули скрипучий гардероб от стены: видно, он не был набит имуществом до отказа. Иван Сергеевич отряхнул пыль с трубок ватманской бумаги. Потом повернулся к Генке и, глядя без обычной усмешки в глаза, спросил:

— Ну, как?

— Что? — насторожился Генка. Он понял, что вопрос не простой.

— Ну вообще,— сказал Иван Сергеевич. — Как дела у вас?.. Как мой Владик?

— А что? — стесненно сказал Генка. — Все в порядке. Обыкновенно.

— Не хуже других?

— Чем он хуже... — глядя в сторону, сказал Генка. — Он даже... Вон он какого змея построил! У нас такого никто не может. И вообще он...

В этом «вообще» заключалось очень многое, но говорить о таких вещах Генка не умел.

— Знаешь, Гена,— заговорил Иван Сергеевич,— эти три дня он ходит такой, будто подарок получил. Хотя нет, он подаркам не очень радуется. Тут другое. Будто он что-то хорошее ждет. Про тебя рассказывал.

— А чего про меня рассказывать... — пробормотал Генка.

— Да так... Худо ведь ему одному. А тут ты появился. Сегодня вот еще Илюшку привел. Для него это радость такая, для Владьки... Боится только.

— Чего? — удивился Генка.

— Боится. Думает, чтоходишь ты и бросишь.

— Что я, дорогу забуду? — грубовато сказал Генка и сам испугался своей резкости. Но Иван Сергеевич ничего не заметил.

— Как-то не везло ему на друзей,— продолжал он. — Ребят, конечно, много было. И в школе и у соседей. Только сторонились они его как-то, стеснялись, что ли. И жалели. Ты его не жалеи. И о матери не спрашивай...

— Я ни о чем и не спрашивал,— быстро сказал Генка.

— Ну и ладно. Ты с ним про это не говори...

— А она умерла? — спросил напрямик Генка.

— Хуже...

— Разве... — вырвалось у Генки. «Разве так бывает? — хотел он сказать. — Разве так бывает, чтобы матери ухаживали?»

— Разные бывают люди,— отозвался Иван Сергеевич. Помолчал и заговорил сам: — Думаешь, он слепой родился? Нет. Это случай. На берегу были бревна свалены кучей, и забрался под них котенок. Вот

ребята и полезли выручать. И Владька. Три года было, а туда же... Ну, раскатились бревна. Кому руки ноги поломало, а он упал и затылком о бревно... Так вот и получилось. Пока надежда была, пока по врачам его таскали, по больницам, все ничего было. А потом она уехала... Может быть, я это зря тебе говорю. Ну, ладно, это так уж... Чтобы знал. Владька об этом не скажет.

Теперь Генка не знал, может ли он уйти. И спросить не мог: он боялся, что Владькин отец обидится.

Иван Сергеевич словно очнулся:

— Ну, беги. Сооружай свой космолет.

Генка вышел на крыльцо и увидел, что его друзья даже думать забыли про змея. Брошенный лист бумаги трепыхался на ветру. Он улетел бы, пожалуй, совсем, но один угол его был прижат бутылкой с клеем.

А Илька и Владик веселились всюю!

Глухо стонала опрокинутая бочка, содрогалась и скрипела переброшенная через нее доска, но жалобы их были почти неслышны, потому что на весь двор хохотали двое отчаянных мальчишек. Еще недавно доска была частью тротуара, а бочка стояла под водосточной трубой. Но теперь это были качели. Илька на одном конце доски, Владька на другом. Вверх, вниз! «Бедная Владькина тетка», — подумал Генка.

У Владика растрепались волосы. Он качался, не держась за доску, и сквозь смех что-то кричал Ильке. Но тот не слышал. Конец доски у Ильки был длиннее и поднимал своего легкого седока почти на два метра. Илька смешно, по-лягушечьи, растопыривал исцарапанные ноги, взвизгивал от восторга и радостно вопил на весь двор:

— Во, Владька!.. Я до неба!.. Всю землю видать!.. Даже за забором!..

Он крутил головой на тонкой шее и был похож на клетчатую бабочку, потому что рубашка взлетала над плечами, как пестрые крылья.

— Во, как с крыши!.. Все видать!

Генка сдавленно крикнул:

— Илька! — И шепотом добавил: — Болван!

Но Илька слышал лишь свои радостные крики.

Зато Владик услышал Генку. Он повернул смеющееся лицо и, взлетая над землей, закричал:

— Эй, Генка! Хочешь с нами? А можешь не держаться?

Сам он сидел на доске, заложив руки за спину, и был похож на маленького черного наездника, усмирившего дикую лошадь.

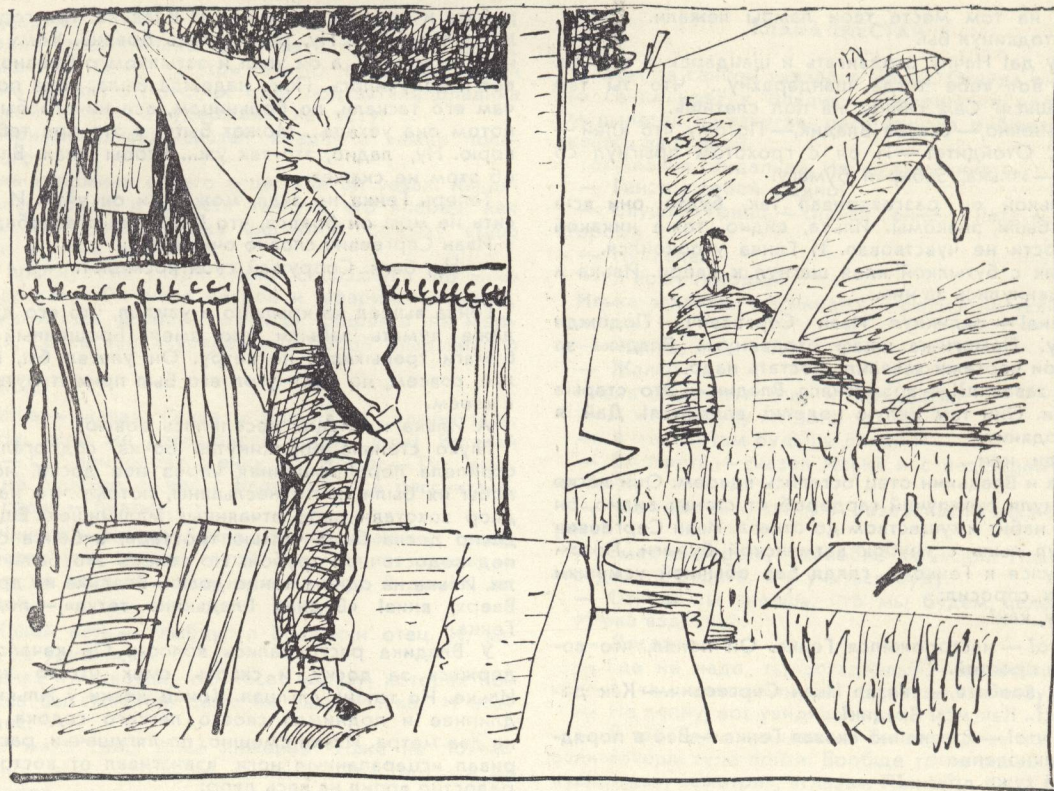
— Охота мне шею ломать,— сказал Генка. Ему не хотелось качаться. Он прислонился к косяку и смотрел на Ильку и Владика с усмешкой, как взрослые смотрят на разыгравшихся малышей. После разговора с Иваном Сергеевичем Генка чувствовал себя немного уставшим и повзрослевшим.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Генка и Владик стоят у флюгера, на самом гребне крыши. Спина к спине, затылок к затылку. Вот так, прислонившись друг к другу, удобнее стоять на скользком шифере, прочнее.

Владик пониже ростом, и его отросшие волосы щекочут Генкину шею. Еще Генка чувствует, как ходят под майкой острые Владькины лопатки. Владик медленно «качает» нитку, пробует, как держится змей. Нитка тянется от зажатой в кулаке катушки через Владькино плечо, мимо Генкиной щеки к белому «Фрегату».

«Фрегат» — Владькин змей. Выпуклый, как парус, большой. Правда, сейчас он стоит высоко и не кажется большим.

Генка тоже держит нитку. Он поднял «Кондор».

Это вопреки всем правилам. Нельзя запускать с одной крыши двух змеев: порывом ветра их может запутать, и тогда погибнут оба. Но Генке и Владу хочется быть вместе. Стоять здесь вдвоем, чувствовать живое дрожание нитей, тугую силу ветра, солнечное тепло и понимать друг друга с полуслова.

— Десять,— говорит Владик. Это значит, что он хочет поднять «Фрегат» еще на десять метров.

— Давай.

Нитка начинает медленно скользить мимо Генкиного уха. «Фрегат» качнулся вверх и снова стоит неподвижно. Трещотки «конвертов» гудят ровно и басовито, почти одинаково. Только если очень прислушаться, можно заметить, что у «Кондора» звук чуть ниже.

Генка смотрит на город. Стеклокрытые крыши завода играют далекими солнечными вспышками. Кружатся у старой колокольни белые и сизые голуби, стайкой проносятся рядом с рыжим «Шмелем» Яшки Воробья. Яшка все-таки опять его запустил. Трещотка «Шмеля» ревет так, что даже здесь слышно. А голуби не бояться, кружатся рядом. Значит, врут их хозяева, что птицы не выносят трещоток.

— Владь, слушай,— говорит Генка.— Голубятники новую пушку придумали. Ракетную установку, чтобы наших змеев пошибать. Вчера испытывали.

— Взорвалась?

— Просто сгорела. Они для топлива опилки в керосине вымочили. Ну и костерчик был! Серегина бабушка чуть со страху не померла. Серегу до сих

пор из дому не пускают. И голубей отец продать хочет.

— Жалко.

— Голубей?

— Серегу этого все-таки жалко. Любит он, наверное, голубей,— говорит Владик.

— Любит, конечно... А я не люблю,— признается Генка.

— Почему?

— Ну, так. Беспольные какие-то. Про домашних я не знаю, может быть, они хорошие. А дикие, как настоящие тунеядцы. По асфальту целыми стаями ходят, корм выпрашивают. Толстые, как свиньи.

— Я не помню, какие голуби,— тихо говорит Владик.

Генка молчит.

— Белые? — спрашивает Владик.

— Белые,— смущенно отвечает Генка.— Коричневые бывают. А больше всего сизые. Белые еще ничего. А сизых я не люблю.

— В «Севере» фильм «Прощайте, голуби» идет,— говорит Владик.— Генка... сходим, а?

Генка не отвечает. Он старается не показать своего удивления. Но и что сказать, он не знает. Владька — в кино?!

— Я хоть послушаю,— говорит Владик.— Мы иногда приемником телепередачи ловим. Знаешь, как интересно, если картину показывают... Сходим?

— Сходим,— решительно отвечает Генка. Он уже понял: Владик и здесь хочет быть, как все. Ладно, они сходят в кино, хотя этот фильм Генка видел два раза...

«Кондор» стоит ниже «Фрегата». Что делать, у каждого змея свой потолок. Ведь высота зависит не

только от силы ветра. Важно еще и то, сколько ниток может поднять «конверт». Ведь нитки — это груз. Кажется, велика ли тяжесть, а посмотрите, как они провисают в воздухе! И тянут змея к земле. Чем больше «конверт», тем прочнее и толще должны быть нитки. Значит, и тяжелее. А если его сделать маленьким, трудно ему будет удержаться в потоках ветра. И надо чувствовать, надо рассчитывать так, чтобы змей получился немаленький и чтобы нитка была полегче. Владик это умеет. В его тонких, быстрых пальцах будто спрятаны крошечные точные приборы, которые не могут ошибаться. Они выбирают нужный вес и толщину дранок, чувствуют упругость и плотность бумаги, легко находят центр тяжести змея. Генка может лишь завидовать, хотя он не новичок среди змеевиков.

Но он не завидует.

Он просто смотрит на «Кондор» и «Фрегат», и ему хорошо. Генка зорко следит, чтобы два змея не сошлись очень близко. Если это случится, Генка рывком выпустит метров двадцать нитки. Она размотана заранее и петлями лежит у его ног. Тогда «Кондор» сразу «клюнет», уходя вниз от столкновения.

Нитка дрожит, передавая пальцам беспокониество высоких ветров. «Фрегат» почти неподвижен. «Кондор» медленно ходит вправо и влево, словно высматривает добычу. Генка следит. Он должен следить за двоих.

Владик стоит лицом к ветру. Как всегда..

— Странный ветер,— говорит Владик.

Генке ветер не кажется странным. Обыкновенный. Хороший. Генка слегка пожимает плечами. Владик это чувствует.

— Слишком теплый ветер,— объясняет он.— Это не циклон.

Генка таких тонкостей не понимает. Все ветры, дующие в августе, кажутся ему одинаковыми.

— Как бы чего не было...— задумчиво говорит Владик.

— А чего? — спрашивает Генка.

— Не знаю пока... Чувствуешь, он перешел немного к югу?

— Ну, чуть-чуть.

— Теплый... Вот бы термометр сейчас!

— Скоро будет,— оживает Генка.— Шурка Черемховский обещал сделать. Со стрелкой, как ты говорил.

— Шурка?

— Помнишь, который рассказывал, что марсианские спутники искусственные. Когда мы в Илькином дворе «Аэлиту» читали.

— Помню... А он разве может?

— Шурка? Он уже за шестой класс весь учебник прочитал по физике. Он такие штуки может делать! Вообще-то он не очень... Вареный какой-то. Шума не любит. Но он умный. Он объяснял, как хочет сделать, только я не помню. Какая-то проволока там будет. От тепла расширяется, от холода сжимается.

— Хорошо бы...

— Владька! — вдруг вспоминает Генка.— Ты почему не пошел с Илькой, когда он звал «Аэлиту» дальше слушать?

Владькины лопатки вздрагивают.

— Ну? — хмуро спрашивает Генка.

— Занят был.

— А что делал?

— Ну... не помню.

— Врешь,— говорит Генка.— Даже Илька догадался, что ты врешь. Ты сидел и ничего не делал.

Владик резко шагает вперед, и Генка, потеряв опору, чуть не валится навзничь.

— Ну, вру,— звонко говорит Владик.— А вы... вы

же нарочно собираетесь и читаете. Только для меня. Вы же эту книгу читали!

— Дурак! — с удовольствием произносит Генка. Он шагает спиной вперед и снова прислоняется к Владiku.— Нет, правда, дурак. Читали! А нам второй раз тоже интересно. Мы вчера и без тебя читали, все равно. Двадцать три страницы. Теперь будешь дальше слушать и не поймешь ничего. Сам виноват.

Владик вздыхает. Генке кажется, что вздыхает он с облегчением.

— А помнишь, как Илька все спрашивал: «Это по правде было?». Забавно! — говорит Владик.

Генка считает в небе «конверты». Один, два... пять... девять... Ого, вон еще два: «Сатурн» и «Битанго».

— Одиннадцать змеев,— говорит Генка.— Здорово сегодня! А «Фрегат» все равно выше всех.

Владик скромно молчит. Но, конечно, он рад.

— Стоп, внимание! — командует Генка.— Сигналы... Это Воробей с нами здороваются. Три белых «телеграммы» — это тебе. Две зеленых и белая — мне. Какой вежливый стал Воробей.

— Ответим?

— Бумаги нет. Для его позывных желтая бумага нужна... Давай просто качнем.

Они несколько раз коротко дергают нитки, и «Фрегат» с «Кондором» снисходительно кивают Яшкиному «Шмелью». Неуклюжий «Шмель», не ожидавший такой чести, начинает кивать в ответ, радостно дергается, мотает хвостом и, не удержавшись на высоте, начинает круто падать к дальним крышам.

— Допрыгался, — мрачно говорит Генка. — Закувыркался, балда!

— Упал?

— Как железный.

— Надо выручать, — вздыхает Владик.

— Не надо, без нас подберут... Вон «Битанго» сигналил, что подберет. Антошка Калинов.

— «Битанго», — повторяет Владик.

— Непонятное имя какое-то, — говорит Генка. — Антон всегда выдумывает.

— Непонятно? — переспрашивает Владик. — Это — испанское слово. Это и значит — воздушный змей.

— Ты учил? — удивляется Генка. — Испанский?

Владик качает головой, и волосы его опять щеко-чут Генкину шею.

— Да нет... Я не учил. Мы с папой немного пробо-вали, когда у него отпуск был. Немного слова учили, слов по десять на каждую букву. Только времени не было, до буквы Б дошли и бросили. Ну, вот попалось это слово... Ты в школе английский учишь?

— Английский, — бормочет Генка и настороженно замолкает.

— Мне через год тоже, наверно, английский учить придется, — говорит Владик. — Ничего, папа учил когда-то, он поможет. В пятом классе толстый учебник?

— Тонкий...

Генка вспоминает свой учебник. По-прежнему он валяется за поленницей. Ну и пусть! Говорят, что в этом году у пятиклассников будут новые учебники, не такие. Может быть, по ним легче заниматься. И еще, говорят, уйдет на пенсию Вера Генриховна. То же хорошо. С новым учителем дела у Генки пойдут, наверно, лучше. Год, конечно, пропал, но зато Генка все начнет сначала. Это ведь тоже не просто. Он сам читал в какой-то книге: «Надо иметь мужество, чтобы все начинать сначала». Вот он и имеет...

Успокоив себя, Генка прогоняет мысли об английском. Небо голубое, и облака наполнены солнцем. Басовито и торжественно гудит у пристани теплоход.

— Слышишь? Прощается, — говорит Владик.

— Это «Рахманинов», — говорит Генка.

— Гена...

— А?

Владик нерешительно молчит. Генка ждет.

— Послушай, — начинает Владик. — Я рассказать хочу... Вот ночью иногда так бывает. Я не сплю, а они гудят. Разные голоса: тонкие, густые, тихие, громкие... Знаешь, я думаю иногда, что за окном не огород теткин, а море. Будто порт большой и корабли у причала. Маленькие, большие. Уходят, приходят. И огни кругом в воде отражаются... Смешно, верно?

Он всегда так спрашивает, когда совсем не смешно. И Генка теряется.

— Побывать бы на море, — тихо говорит Владик. — Ты бывал?

— Бывал. Один раз, в Одессе. У нас там дядя живет, мамин брат. У самого моря.

— Синее?

— Синее, — говорит Генка, хотя море разное. Если штормовое, то совсем не синее. Но объяснить, какое оно, море, Генка все равно не сумел бы.

— Побывать бы, — повторяет Владик. — Мы все равно побываем, я папу уговорю, чтобы в следующий отпуск поехать.

— Поедете, — говорит Генка. Он знает: Владька упрямый и все равно добьется, если задумал. Маленький, а упрямый. Генка вспоминает, как Иван Сергеевич недавно рассказывал: «Хотел его в интернат для слепых устроить. А он — ни за что! Я ему говорю, что там и жить веселее и учиться легче. Учебники там специальные и вообще все приспособлено. А он в слезы... Ну, я переждал, а потом говорю: «Все равно поедешь». А он сел за стол, кулаками щеки подпер и так спокойно уже: «Все равно не поеду». «Поедешь!», «Нет, хоть убивай». «Убивать не буду, а поедешь!», «Без тебя никуда не поеду...» Ну, так вот и живем...»

— Гена, облака большие? — спрашивает Владик.

— Не очень.

— Белые?

— Желтые от солнца. Светло-желтые.

— Я их во сне часто вижу, — говорит Владик. — Белые, розовые. И грозовые. Они такие темно-синие, когда грозовые, да?

— Да, — почти шепотом отвечает Генка. Ему трудно разговаривать об этом с Владиком.

— Я помню... — говорит Владик.

Генка долго не решается сказать одну вещь. Но очень хочется помочь Владьку, и он побеждает неловкость:

— В газетах пишут, что такие люди есть, которые пальцами видят. Цвет могут определять, книжки читают. И свет чувствуют. Только тренироваться надо.

— Пробовал я, — говорит Владик с короткой усмешкой. — Даже пальцы смозолил. Не выходит. «Зря я начал», — думает Генка.

Владик медленно, словно вспоминая, произносит: — Иногда... у меня такие пятна перед глазами... Будто размытая краска. Понимаешь, не сплошная чернота, а мутные такие пятна... разноцветные... Вот я думаю: значит, какие-то нервы работают?

Что может ответить Генка? Да Владик и не ждет ответа. Он стоит, пощипывая у плеча нитку «Фрегата», как струну. Генка не видит это, но чувствует. И кажется Генке, что Владик слушает незаметный звон струны-нитки.

— Илька бежит, — вдруг говорит Владик. И Генка тоже слышит сухое щелканье сандалей.

— Ген, тебя домой зовут!

— Зачем?

— Не знаю! Бабушка говорит, обязательно!

— Я пойду, — вздохнул Генка и начал сматывать нитку на широкую фанерную «вилку». Мотать ее на катушку было некогда.

Илька стоял внизу, запрокинув голову, и подпрыгивал от нетерпения, будто ему, а не бабушке до зарезу был нужен Генка.

— Придешь? — спросил Владик, когда Генка был уже на лестнице.

— Конечно.

Генка вышел из калитки с «Кондором» под мышкой и, сердито взглянув на незваного Гонца, зашагал домой. Илька запрыгал рядом. Только прыгал он как-то неуверенно, нехотя. И наконец перестал совсем.

— Гена, знаешь что...

— Что?

— Гена, тебя бабушка не звала. Это я нарочно. Генка остановился.

— Илька, — прищурившись, сказал он. — Пошутить захотелось, да? Вот как врежу по башке...

Но он знал, что не врежет. Нехорошее предчувствие уже шевельнулось в нем. В самом деле, не для шуток же вызвал его Гонца.

Илька и не обратил внимания на Генкину угрозу.

— Меня Яшка послал, — хмурясь, объяснил он. — Тебя твоя учительница ищет, вот. А при Владике Яшка говорить не велел.

Нет, ни в чем не виноват Гонец. Он сделал все, как надо. И Яшка тоже. Но Генке стало тошно и противно.

— Расскажи, — велел он.

Илька рассказал. Оказывается, когда Яшка побежал выручать упавшего змея, ему повстречалась Вера Генриховна. Яшку она знала, потому что в прошлом году он с разбегу налетел на нее в коридоре, свалился и сломал ее указку. Сейчас он снова чуть не налетел, встал с перепугу как вкопанный и выпалил: «Здравствуйте». «Здравствуй, Воробьев», — сказала Вера Генриховна, а затем спросила, не известно ли Воробьеву, где живет Гена Звягин из пятого «В». Яшке это было известно. Однако он догадался, что у Генки нет желания встречаться с учительницей. Поэтому хитрый Воробей пробормотал, что дома у Звягиных никого нет, что Генка вроде бы заболел и пошел в больницу, а ему, Яшке, надо спешить по важному делу.

А потом он окликнул Ильку и послал его предупредить Генку.

Теперь Генка знал все. Он мог вернуться и снова поднять своего змея. Но он не вернулся.

«Что ей надо? — тоскливо думал Генка. — Шла бы на свою пенсию». Не глядя на Ильку, он медленно брел к дому. Не нужно было этого делать: там он мог встретить «англичанку». Но Генка шел навстречу опасности, не боясь ее и не думая о ней. Его охватило равнодушие.

Дома никого не было: бабушка ушла, наверно, к соседям. Генка вытащил из-под крыльца ключ, вошел в комнату и лег на диван.

Он долго лежал, смотрел в потолок и, кажется, ни о чем не думал.

Комната потемнела. Сначала Генка не обратил внимания. Ведь так и должно быть: когда у человека все плохо, день тускнеет. Но темнота нарастала, становилась тревожной.

Генка встал, подошел к окну и увидел, что над крышами вырастает темно-синяя, громадная, как материк, туча.

Генка зябко повел плечами и захлопнул форточку.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Что случилось в те далекие времена, когда Генке было всего четыре года, он помнит очень смутно. Больше по рассказам бабушки.

Но один случай Генка запомнил на всю жизнь. И не по рассказам запомнил, а сам, потому что он один и видел это.

Тоже была гроза. Сухая и трескающая. Скрипела открытая форточка, и ветер заносил в нее теплую пыль: Генка сидел в кухне на бабушкином сундуке

и вздрагивал при каждом ударе грома. Вздрагивал от неожиданности, а не от страха: что такое гроза, он еще не очень понимал.

Вдруг стало тихо-тихо. Полуоторванная форточка пискнула и обессиленно повисла на одной петле. По стенам разошелся неприятный красноватый свет. Генка вскинул голову и увидел шар.

Шар был большой, с новый Генкин мяч. Он висел над столом и светил, как неяркая лампа в закопченном розовом абажуре. Потом Генка увидел, что шар крутится так быстро, что расплывались его очертания. Генка не испугался, но ему стало как-то неуютно и беспокойно.

— Ба-а, — позвал он. И опрокинулся на спину от разорвавшего уши треска.

Он ни о чем не успел подумать. Оглушенный и обалдевший, лежал он на твердой крышке сундука и видел над собой потолок с извилистой трещиной.

Прибежала бабушка. Запричитала, закрестилась,

схватила Генку на руки и, не отпуская его, стала затапывать язычки пламени на крышке подполья.

В кухне резко пахло тополиными листьями...

С тех пор перед каждой грозой Генку начинал давить страх. Такой же темный, тяжелый и неотвратимый, как сама грозовая туча. Когда Генка был еще маленький, страх перед молнией загонял его на диван, заставлял прятаться с головой под папино пальто и лежать почти без дыхания, пока не утихнут самые дальние раскаты. Потом Генка вырос и прятаться перестал. Больше молний он боялся теперь, что кто-нибудь узнает о его страхе. И когда подошла гроза, Генка садился на подоконник, небрежно листал книжку и старался презрительно улыбаться при каждом громовом ударе. Но внутри у него все леденело. А если дома никого не было, он прочно закрывал окна и форточки, проверял вьюшки, захлопывал дверь: перед собой хвастаться было глупо.

Хуже всего Генка чувствовал себя, когда оказывался в грозу на улице. Ему казалось, что он открыт всем молниям, что он, как железный шпиль, притягивает их к себе, и вот-вот раздастся трескучий страшный удар. Это был страх беспомощности. Гроза могла делать все, что угодно, а Генка был беззащитен. Ведь на тучу не бросишься с кулаками, не заставишь повернуть назад, не разгонишь выстрелом из катапульты...

Генка стоял у закрытого окна и смотрел, как приближается гроза. Она неудержимо надвигалась на город, глотая последние обрывки рассеянных солнечных облаков. Черно-синяя, плотная, зловеющая.

Тусклая неторопливая молния загорелась внутри тучи и осветила дымные провалы. Грома не было. И это молчаливое движение грозы было еще страшнее.

Туча подошла совсем близко. Теперь уже без молний Генка видел темные клубы, рваные клочья и завихрения. А впереди, как первая штормовая волна, катилось длинное серое облако, похожее на клубящийся след громадного паровоза. Оно именно катилось — двигалось, вращаясь. При вращении верхняя часть этой облачной цепи устремлялась вперед и вниз, как падающий гребень морского вала.

«Грозовой фронт», — подумал Генка, хотя совсем не знал, что называется грозовым фронтом.

Крутящееся облако почти подошло к зениту. Оно было светлее тучи, которая затемнила теперь полнеба.

«Может быть, есть за ней просвет?» — со слабой надеждой подумал Генка. На юго-западе, где белела над крышами старая колокольня, и на западе, над тополями улицы Чайковского, просвета не было. Генка отодвинулся к самому краю окна и прижался щекой к стеклу, чтобы разглядеть сквозь листья северо-западный край неба.

Он и там не заметил просвета.

Но среди замерших веток сирени, на темно-синем фоне грозы Генка увидел белый квадратик змея.

Это было непонятно и страшно. Владька сошел с ума! Или он не чувствует грозу? Но этого не может быть: он-то как раз лучше всех чувствует, что делается в небе.

— Дур-рак, — с отчаянием сказал Генка.

Снова сгорела в туче молния, более быстрая и яркая, и через несколько секунд откликнулся гром — короткие, как выстрелы, нераскатистые удары. Генка вздрогнул и сильнее прижался щекой к стеклу. Здесь, в палисаднике, не шевелился ни один листик, а там, вверху, бесновались грозовые потоки, и даже отсюда было видно, как вздрагивает «Фрегат».

Генка смотрел, каждую секунду надеясь, что белый квадратик вот сейчас качнется вниз и станет опускаться за тополя. Ведь пора. Давно пора!

Крутящееся облако уже перешло зенит. Дрогнули ветки, и осторожный шорох прошелся по листьям. Потом ударил короткий ветер, и, как первые разведчики грозы, прогарцевали по дороге вихревые столбики пыли. Три электрических вспышки брызнули светом совсем близко, и гром слился в один раскат.

— Уходи... Уходи, ну, уходи же, — шептал Генка Владьке и «Фрегату».

И вдруг понял. Понял сразу и отчетливо: Владик не уйдет.

Он не уйдет, он нарочно дождался грозы и стоит сейчас к ней лицом, лицом к ветру, связанный со змеем чуткой, живой ниткой. Он связан с ним воедино и чувствует всю стремительность грозовых течений, и, наверно, кажется ему, что сам он там — в бешеном небе.

Генка даже ясно представил, как Владик, вытянувшись в струнку навстречу ветру, стоит на гребне крыши, маленький, бесстрашный. И беззащитный...

Открытый всем молниям. Рядом с железным стержнем флюгера.

А белый змей, вздрагивая, стоял в темном небе своде.

Снова сверкнуло и почти сразу же грохнуло.

Генка рывками начал расстегивать пуговицы. Он сбросил рубашку, брюки и остался в майке, трусах и прорезиненных тапочках-спортсменках. Генка знал, что сейчас ударит ливень и в промокнутой одежде бежать будет трудно.

А может быть, не надо бежать? В последний раз Генка с надеждой глянул на «Фрегат»: может быть, белый квадратик уже скользит вниз? Он не скользил. Генка поежился, сцепил зубы и рванул оконную задвижку, как затвор винтовки.

Пыльный теплый воздух вошел в комнату и закачал занавески. Генка согнулся и прыгнул в окно.

Он мчался изо всех сил. Кололо в легких, и сердце стучало беспорядочно, не в такт бегу. Выпуклые булыжники мостовой отбивали Генке ноги сквозь тонкие подошвы тапочек. Порывистый ветер догонял Генку и толкал в спину — помогал бежать. Здесь, внизу, он почему-то летел навстречу грозе.

Тяжелая, как ртуть, капля ударила Генку в плечо. Потом сразу несколько. Потом они посыпались часто-часто, соединяясь в упругие струи, и, наконец, хлынул дождь.

Генка уже промчался по тому отрезку улицы, где должен был упасть под напором ливня «Фрегат», но не разглядел змея. Да и не старался. Он думал о Владьке.

Когда Генка подбежал к Владькиному дому, в канавах уже пенились ручьи. Сквозь косую завесу дождя Генка увидел на крыше черную фигурку Владькину. Владик стоял, чуть наклонившись вперед и запрокинув голову. Левая рука была привычно согнута в локте. Значит, он до сих пор держал нитку. Значит, «Фрегат» до сих пор не упал! Не упал вопреки всем законам природы, несмотря на бешеный ливень! Видимо, там, наверху, ветры вступили со змеем в союз и решили помочь ему удержаться на высоте во что бы то ни стало.

Генка не добежал до калитки: знал, что она заперта. А звать Владика было бесполезно. Подпрыгнув, Генка ухватился за верхнюю кромку забора, подтянулся, лег животом на доски и перевалился в мокрые лопухи. В ту же секунду взорвалось небо! Генке показалось, что над головой, в зените вспыхнула ослепительная звезда, а от нее, как огненные

трещины, разбежались до горизонта ломкие молнии. Удар был такой, что Генка плашмя растянулся в траве.

Он лежал под дождем и был готов лежать так, пока не уйдет гроза. Но это продолжалось две секунды. Или три.

— Гад! Заяц проклятый! — крикнул себе Генка и рванулся из лопухов.

А Владик стоял.

Генка бросился вверх по скользким перекладинам лестницы. Ливень замирал, словно смертельно раненный страшным громовым ударом. Он превратился в обычный несильный дождь, который фонтанчиками плескался на крыше и стекал по шиферным желобкам тонкими ручейками.

Генка прыгнул с лестницы на плоскую крышу пристройки. До гребня, где стоял Владик, было несколько шагов. «Владька, дурак, убирайся вниз!» — хотел закричать Генка. И остановился, окаменев.

Сорванный ударом ветра с соседнего столба вокруг Владика лег черной петлей и пружинисто дрожал электрический провод. Один раз он коснулся флюгера, и проскочила голубая искра.

— Владик! — громко выдохнул Генка.

Владик вздрогнул и качнулся.

— Гена...

— Стой, — негромко и отчетливо сказал Генка. — Стой, не шевелись. Нельзя.

Владик напряженно замер.

— А что? — спросил он. — Я же далеко от края.

— Владик, — очень спокойно сказал Генка. — Ты стой, как стоишь. Провод кругом.

Владик понял сразу.

— Под током? — быстро спросил он.

— Да.

— Близко?

— Ты стой, — повторил Генка. — Только стой. Я сейчас.

Провод касался крыши в двух точках: у самого конька и между трубой и флюгером. Но с этих двух сторон к нему нельзя было подойти: Генка рисковал или свалиться вниз, или зацепить железный флюгер, который был под током. В других местах проволока упруго качалась сантиметрах в сорока над крышей. Чтобы попасть к Владиду, нужно было перешагнуть через нее. Перешагнуть и не коснуться.

Генка постоял, подумал. И перешагнул. Владик что-то сказал ему, но опять ударил гром, и Генка, вздрогнув, не расслышал Владика.

— Я подниму тебя, — сказал Генка. — И перенесу. Держись.

— Надо смотать змея, — ответил Владик. — Он так и не упал. Здорово, верно?

Генка перехватил нитку и перекусил ее.

— Не до змея, — произнес он, сдерживая раздражение и страх. — Сделаем нового потом.

Он присел и подхватил Владика. Тот оказался не тяжелый. Почти такой же, как Илька, которого Генка не раз перетаскивал через весенние лужи по дороге из школы.

— Держи выше ноги, — велел он.

Надо было оставаться совершенно спокойным. Генка чувствовал, что только спокойствие поможет ему. Только оно одно. Иначе...

— Держу, — сказал Владик. Он, видимо, понял опасность до конца. Понял и то, что нужно подчиняться Генке во всем. Только этим Владик мог помочь ему. Он сидел на руках у Генки, не двигаясь и высоко подтянув ноги.

Теперь Генке надо было сделать шаг. Вернее, два шага: перенести через проволоку сначала одну, потом другую ногу. И это было самым трудным. Едва

он отрывал одну ступню от крыши, как ему казалось, что вторая сейчас же скользнет по мокрым наклонным плиткам шифера. Резиновые подошвы были стертymi и ненадежными. Генка решил было сбросить тапочки, но спохватился: крыша была сырой, и на ней лежал провод. А резиновые подошвы — все-таки защита от тока.

Он снова хотел оторвать ногу от крыши и снова не решился. Казалось, что поскользнется и рухнет вместе с Владиком на проволоку. Она качалась в десяти сантиметрах от Генкиных колен, безобидная на вид, с бегающими капельками воды. Но в ней была смерть.

Руки начали уставать. И спина устала: ведь Генка стоял, выгнувшись назад, чтобы лучше удерживать Владика.

«Глупо как-то, — подумал Генка. — Сейчас на станции дежурит у рубильника человек. Ему ничего не стоит выключить ток. Хотя бы на одну секунду. Выключил — и все в порядке, и мы с Владькой на земле. Но он не знает ни про нас, ни про оборванный провод. И потому что не знает, мы сейчас можем умереть». Он представил, как это — умереть. Наверное, будет прикосновение холодного металла к колону, сразу же сотрясающий удар — и темнота. У него дрогнули руки.

— Гена,— сказал Владик.— Ну-ка отпусти меня. Ты скажи где, и я выберусь сам.

— Ну нет! — жестко ответил Генка.— Здесь-то ты ничего не сделаешь сам.

Он вдруг страшно разозлился. На грозу, на себя, на того человека у пульта электростанции, который во время грозы не выключил ток, хотя это и полагалось. Что же теперь, в самом деле умирать?

Он глубоко вздохнул, напряг мышцы и перенес всю тяжесть двух тел на левую ногу. Она, кажется, не скользила.

Раз — шагнул правой ногой и остановился на секунду, проверяя: жив ли?

Два! Он перебросил левую ногу через провод. И, теряя равновесие, сбегал по скату на плоскую крышу пристройки.

И, словно понимая, что упустил добычу, провод обессиленно звякнул и сник — его второй конец отскочил от столба. Теперь это была обыкновенная проволока — холодная и безвредная.

— Все,— тихо сказал Генка, и руки у него разогнулись.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Владик остановился на середине кухни, стянул через голову мокрую майку и шмякнул ее на пол. На худеньком Владькином плече Генка увидел тонкий Белый рубец. И понял: «Это от нитки». Ему вдруг стало тоскливо и беспокойно, словно беда еще не прошла, а только подкрадывалась — тайная и непонятная.

Владик опустился на колени и начал распутывать на ботинке затянувшийся шнурок.

В комнате хлопнула дверь.

— Папе не говори,— негромко и торопливо попросил Владик.

— Можете не говорить. Я и сам видел оборванный провод.— Владькин отец остановился на пороге. Он стоял, нагнув голову и вцепившись в дверные косяки. Дождевые капли стекали с низко подстриженных висков на худые щеки. Пиджак и брюки были насквозь пропитаны водой.

— Черт знает что! — не двигаясь, заговорил Иван Сергеевич.— Так и не будет мне покоя?

Владик молча ломал ногти о намокший узел шнурка.

— Горе ты мое,— глухо сказал отец.— Ну ведь просил я тебя...

Узел не развязывался. Владик нагнулся еще ниже — так, что задел подбородком колени. Острые локти раздраженно дергались.

Отец шагнул с порога.

— Дай помогу.

— Я сам,— сквозь зубы сказал Владик.

Иван Сергеевич выпрямился и несколько секунд стоял над Владиком, глядя на его мокрую спину с худыми лопатками и цепочкой позвонков. Потом положил ладонь на Генкино плечо.

— Пойдем, Гена. Он все хочет сам.

Ладонь была твердая и шершавая, как у Генкиного отца. Генка послушно шагнул через порог.

Утихающий дождь плескался на оконных стеклах. Гроза еще погромыхивала, но уже без прежней силы. Она была похожа на уставшего зверя, который рычит сквозь дремоту, нестрашный и добродушный.

Иван Сергеевич подошел к окну и нагнулся, будто хотел прислониться лбом к стеклу. Но не прислонился. А Генка стоял посреди комнаты, не зная, что теперь делать и говорить. Тоскливое беспокойство не оставляло его.

Не поворачиваясь, Иван Сергеевич спросил:

— Ты его стащил с крыши?

— Как вы знаете? — хмуро сказал Генка.

— Ты?

— Вместе слезли, вот и все...

— Да... В общем, спасибо... Хотя при чем тут спасибо? Говорить как-то об этом...

— Ерунда,— поморщился Генка.

— Ну-ну...— Владькин отец обернулся и пристально глянул на Генку. Вдруг спохватился:— Продрог ты.

Со стены, из-под бумажной занавески он сдернул мохнатый серый пиджак и набросил на Генку. Пиджак оказался Генке до колен. От него пахло известкой и табаком.

— А вы? — насупившись, спросил Генка.

— Что я? А, ну да...— Иван Сергеевич начал расстигивать мокрый костюм.

— Владьке надо переодеться,— сказал Генка.— Простынет ведь.

Иван Сергеевич шагнул к кухонной двери.

— Дать тебе сухую рубашку?

— Сам,— донеслось оттуда.

— Вот так все время. Все сам,— устало сказал Иван Сергеевич.— Все одно и то же. В Воронеже когда жили, вздумал по ночам на велосипеде гонять вокруг двора. Он ездит, а я в подъезде стою, от страха полумертвый. Один раз в какого-то пьяного дурака он врезался, упал. Мне бы бежать туда, помочь, а я бочком, бочком да по лестнице домой. Не дай бог, если узнает, что следил за ним.

За дверью раздался стук: Владька наконец стянул ботинок. Иван Сергеевич оглянулся на дверь и продолжал:

— А как гроза — значит, все. Любую работу бросаю, домой бегу. Знаю, что уже торчит где-нибудь на верхотуре. Сколько раз его с крыши стягивал.

— Грозовые потоки изучает,— неловко сказал Генка.

— Да слушай ты его больше! — с резкой горечью бросил Владькин отец.— Потоки! Знаю я эти потоки! Молнию он ждет, вот что...

Генка не понял сначала. Он даже сказал:

— Вам бы громовод на крышу. А то и правда...

Иван Сергеевич стащил наконец пиджак, бросил на спинку стула и остановился прямо перед Генкой.

— Гена, я серьезно...

— Что? — вздрогнул Генка.

— Вы вроде друзья. Ты присматривай за ним, ладно? Не в громоотводе тут дело. Ты слышал про Мари Латень? И я не слышал. А он вот услышал по радио. Французская пианистка это, слепая была. Летела в Америку на гастроли, а самолет в грозу попал. Молния ударила рядом, тряхнуло как следует их. И стала эта пианистка видеть. Наверное, от испуга нерв какой-то сработал. В общем-то, непонятно, но факт. И в газетах, говорят, писали... Вот Владька мой и лезет под каждую грозу... Ждет.

Генка отвернулся. Лицо начинало гореть почти так же, как тогда, при первой встрече с Владькой. «Ты, что, взбесился? Не видишь, да?..» «Не вижу. Ну и что?» Генка привык за эти дни к Владькиной слепоте. Но ведь Владик-то не привык! И не привыкнет никогда.

— Он говорил, что иногда видит разные пятна. Значит, какие-то нервы работают,— сказал Генка.

— Ты его больше слушай. Он тебе наговорит... Нервы...

— Его нельзя вылечить? — тихо спросил Генка.

— Как его вылечишь? У скольких врачей были...

— Никак нельзя?

— Нет.

— Никак-никак?

Иван Сергеевич удивленно вскинул на Генку глаза. Эти глаза были очень похожи на Владькины, только усталые, с красными прожилками на белках. Глаза, которые много видели. Иван Сергеевич коротко повел плечами и сказал:

— Был один врач, молодой еще. Говорил, что можно попробовать сделать операцию. Есть один шанс из тысячи. Понимаешь, один из тысячи.

— Понимаю,— кивнул Генка.— Значит, все-таки можно.

— Это еще молодой врач,— повторил Владькин отец.— Он всегда спорил с другими. И я не знаю, где он теперь. Кажется, уехал в Одессу.

— Есть же другие врачи,— упрямо сказал Генка.— Разве он был самый лучший?

— Он был очень хороший. Горячий только.

— Его же можно найти. И есть же другие.

— Есть,— сухо сказал Иван Сергеевич и встал.— Но есть еще такая штука — теория вероятности. Попробуй в тысяче горошин отыскать одну-единственную, нужную. Вслепую отыскать.

Все это было, наверно, правильно. А Генка чувствовал, как растет его упрямство.

— Разве у врачей вслепую? Там наука.

— Наука... Владька надеяться будет, ждать будет, а операция не получится. Это, знаешь, какой удар? Это почти насмерть. И вот что: не вздумай ему говорить про это. Надежды все равно никакой, а он покой потеряет... А так я знаю: он все равно человеком станет.

— Человеком? — шепотом спросил Генка. Он не мог спросить громко, потому что в одну секунду вспикела обида. Жгучая, как соль в горле. Злая до слез. Еще не совсем понятная, такая, когда трудно отыскать слова.

В кухне стукнул об пол второй ботинок.

— Вам бы только «человеком»! — хрипло сказал Генка.— Всегда одно и то же: «человеком, человеком»!

— А ты как думал? — холодно сказал Иван Сергеевич.

— А я никак не думал. А вы Владьку спросили? Он, может быть, не хочет быть таким человеком! Все вы!

Генка не проговорил слово «врете». Не потому, что боялся, а потому, что почувствовал: не такие тут слова нужны. Он сказал:

— Ну и пусть. А я не буду следить за Владькой. Он все равно словит молнию!

Генка снял тяжелый пиджак Ивана Сергеевича. Аккуратно положил его на стул. И повернулся, чтобы пойти к дверям.

На пороге кухни стоял Владик. Вот теперь было видно, что он слепой. Лицо его стало каким-то застывшим. Он поворачивал голову беспомощно и растерянно, словно хотел все-таки что-то разглядеть. Может быть, он все слышал?

— Гена, ты куда?

Генка шагнул к выходу.

— Ты придешь?! — крикнул вслед Владик.

А Генка не знал. Придет? Или не придет? Владьку жаль до боли. Но на кой черт Владьке жалость? Ему другое нужно...

Может быть, ветры стали дуть иначе. Или солнце скатилось ближе к осени и светит неярко и печально. В общем, что-то не так в августовском небе. Грустно. Да и на земле тоже.

Конечно, тот, кто не знает, ничего и не заметит. И небо синее, и пестрые «конверты» просвечены в нем яркими лучами. Но ведь Илька-то знает. Он смотрит вверх и видит, что нет среди змеев белого «Фрегата» и черно-зубчатого «Кондора». И не было вчера. И позавчера...

Что случилось, Илька не может понять. Ильке тоскливо. И еще тревожно, будто «Кондор» и «Фрегат» попали в беду. Как узнать? Генка заперся дома и не хочет откликаться. А пойти без Генки к Владьку Илька боится. Вернее, не боится, а ему кажется, что идти нельзя. Почему так, он не знает, а посоветоваться не с кем.

И не хочется никуда бежать. Что хорошего бегать просто так, если это никому не надо?

Илька побывал у Шурика. Шурик лежал на полу и рассматривал большущий лист с непонятным чертежом.

— Что это? — спросил Илька.

— Послушай, — сказал Шурик, — у тебя есть паяльник?

— Паяльник?

— Вот именно.

— У нас дома молоток есть, — сказал Илька. — Плоскогубцы есть. Отвертка есть от маминой швейной машины... Это что на бумаге?

— Где бы достать паяльник? — вздохнул Шурик.

— Генка дома сидит, — грустно сообщил Илька. — И Владькиного змея не видать. Почему?

Шурик почесал подбородок о плечо и рассеянно ответил:

— Надоело, наверно, запускать.

— Надоело! — возмутился Илька. — Сам не знаешь... Сам никогда не пускал, только чертишь. Хоть бы раз попробовал, тогда бы говорил.

— А ты пробовал? — зевнув, спросил Шурка.

Он задел болтовую струну. Илька гордо повернулся и пошел к двери.

— Придется чинить старый паяльник... — услышал он за спиной.

Илька отыскал Яшку. Печальный Воробей сидел за сараем, там, где раньше стояла катапульта. И думал какую-то горькую думу.

— Яш, сбегает к Владьку, — сказал Илька и переступил с ноги на ногу. — «Фрегат» почему-то не летает. И «Кондор» не летает. Генки нет. Скучно.

Яшка скосил на Ильку круглый птичий глаз, но ничего не ответил и снова погрузился в горестные мысли. И от этих мыслей он раскачивался взад и вперед. Все сильнее и сильнее. Так что в конце концов стукнулся затылком о стену сарая, а лбом о поднятые колени. Тогда он раскачиваться перестал и мрачно сказал:

— Никуда я не побегу. Беги со своим Генкой, если охота.

— Нет же его, — с жалобной убедительностью начал Илька. — Я же говорю: он дома сидит и не откликается.

В Яшкиных глазах искорками вспыхнул интерес. Но тут же погас.

— Есть у тебя рюкзак? — с печальным вздохом спросил Воробей.

— Зачем?

— Тебе все сразу знать! Придет время — узнаешь.

— Есть у нас рюкзак. Только папин, старый, — сказал Илька. Спрашивать он больше не стал. Чем больше спрашивать, тем хуже. Лучше подождать.

— Уеду я, — силло сказал Воробей и отвернулся. «Куда?» — чуть не вырвалось у Ильки. Но он удержался.

— Еще у Генки есть рюкзак, — припомнил он. — Генка с ним в лагерь собирался. Или в тайгу куда-то...

— Хоть куда уеду, — с мрачной решимостью продолжал Яшка. — Хоть в Антарктиду.

— Лучше в Африку, — сказал Илька. — Там сейчас капиталистов повыгоняли. И тепло, даже пальто с собой брать никакого не надо. Можно даже зимой в трусиках бегать.

— Больно мне надо бегать зимой в трусиках...

— Это же в Африке, — сказал Илька.

Яшка снова начал раскачиваться.

— Заберусь в вагон... Приеду в Одессу... Там Генкин дядя... Скажу, от Генки... Потом заберусь в парход, в трюм — и ту-ту... Все равно из дому выгна-ли.

— Насовсем?! — ахнул Илька.

— Мать говорит: «Чтоб носа больше домой не зал!.. Раз за керосином не сходил, жрать не дам и на порог не пущу!»

— Пойдем, попросим у мамы рюкзак, — предложил Илька и с грустью взглянул на несчастного Воробья.

— Ха... Даст она рюкзак!

— Ну... — замялся Илька, — можно не говорить, что в Африку... Пойдем?

Но хитрый Яшка не пошел. Он знал, что керосиновая лавка в шесть часов все равно закроется, и тащиться туда с тяжелым бидоном ему не придется, а мать все равно скоро выйдет на крыльцо и будет кричать на всю улицу: «Яшка! Ты придешь домой, окаянная душа, голодранец гороховый?! Сколько раз мне суп подогреть?!»

Тогда Яшка посидит еще две минуты за сараем, а потом с обиженным видом поплетется к дому. А мать скажет: «Вот гляньте, люди добрые! Прошлында где-то целый день, да на меня же еще сычом смотрит. Вот погоди, придет отец...» — И это будет означать, что гроза прошла.

Посмотрел Илька на Воробья и понял: ни в какую Африку он не поедет.

— Скучно, — тихо сказал Илька. Зацепил и отдрал широкую полосу дранки от старой фанеры. Этой фанерой раньше прикрывали катапульта, а теперь она валялась без дела.

— Сидит тут и портит хорошую вещь! — проворчал Яшка.

— Я порчу? — обиделся Илька. — Я не порчу. Я дранку для змея оторвал. Я сегодня буду змея делать. А фанеру эту я нашел.

— Фига у тебя выйдет, а не змей, — сказал Яшка.

— Выйдет, — ответил Илька, прищурился и согнул дранку, будто пробовал гибкость клинка перед боем. — Я постараюсь.

— Ха... — уныло сказал Яшка.

— Ха? — спросил Илька. — Ну, ладно...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ильке не везло с самого утра. Едва он открыл глаза, как мама спросила:

— Ты не видел черные нитки? Я недавно купила катушку десятого номера.

Илька не хотел врать.

— Видел.

— Где?

— Там, в тумбочке. Где всегда лежат.

— Я там все перерыла, — задумчиво сказала мама. — Странное дело. Где же они теперь?

Илька осторожно промолчал и потянул со спинки стула свои штаны. Чертова катушка только этого и ждала: она выскочила из единственного кармашка, пришитого к штанам где-то с левой стороны живота.

— Ой, вот она! — поспешно сказал Илька. — Я, оказывается, забыл положить обратно. Взял, чтобы ниточку оторвать, привязать хвост к змею, и забыл.

— Так-так, — сказала мама. — Значит, хвост... И забыл.

Илька вздохнул и полез под кровать за сандалиями. Он долго-долго искал их.

Во-первых, в нем шевельнулась совесть. Во-вторых, он думал, как быть: змей не самолет, без ниток не запустишь.

Правда, хранился у Ильки еще моток, но нитки были тонкие. Илька боялся. Не мог он доверить

нитке тридцатого номера свое сокровище, первого своего настоящего змея.

Над этим змеем он сидел три дня...

Илька боком скользнул в кухню и вытянул из-за печки свое дитяще. Ровные полосы черной краски на тонкой оберточной бумаге совсем высохли. Растянутая дранками бумага туго звенела от легкого щелчка. Лохматый мочальный хвост кольцами свернулся у Илькиных ног.

Илька на вытянутых руках поднял черно-желтый «конверт».

— «Тигренок»...

Еще вчера Илька хотел назвать своего первого змея «Пчелой». Но, когда он, устроившись на крыльце, проводил по бумаге последнюю черную полосу, что-то зажужжало рядом и больно клюнуло в ухо. Ухо не распухло. Илька успел обмакнуть его в холодную воду. Но любить пчел Илька перестал.

А сейчас вдруг само собой придумалось новое имя, ласковое такое и смелое.

Обрадованный Илька крикнул в открытую дверь:

— Мам, я погуляю?! Я не хочу есть! Я пошел! — И высочил за дверь, спасаясь от завтрака и наставлений.

Он понял, что надо делать. Надо бежать к Генке, он, наверно, даст ниток. Ради такого дела, ради первого Илькиного змея, конечно, даст. А может быть, и на крышу слазит вместе с Илькой, когда увидит его «конверт» и узнает, какое его имя.

Так Илька думал, а ноги его уже мелькали, будто спицы. Он привык думать на бегу.

И через полминуты он дергал дверь Генкиного дома.

Дверь была заперта.

— Ге-ен! — прогудел в скважину Илька и стукнул костяшками.

Сначала было молчание. Потом Генкин голос, какой-то сильный и заспанный, спросил:

— Чего надо?

— Гена, открой, что-то скажу, — заторопился Илька. — Гена, у меня змей, открой, давай запустим!

— Не мешай! — прорычал Генка из-за двери.

— Не буду, — согласился Илька. — Только дай тогда моточек. Хоть один. У меня тонкие.

— Брысь! — гаркнул Генка, и в дверь ударилось что-то твердое, кажется, ботинок.

Илька не дрогнул.

— Эх, ты! — сказал он и стал медленно спускаться с крыльца. На последней ступеньке он услышал еще несколько неприятных слов. Но уже было все равно.

Илька прошел через двор, и хвост «Тигренка» понуро волочился следом. На улице Илька секунду стоял у палисадника и думал. Потом лег на острые планки животом и раздвинул ветки. Может быть, он увидит Генку в окне. Может быть, поймет, какая муха его укусила: давно уж Генка не был таким злым.

Но вместо Генки Илька увидел собственное лицо, которое отразилось в стекле закрытого окна. А за стеклом была задернутая занавеска.

— Ну и пусть! — сказал Илька.

Он закинул змея за спину и зашагал к дому. Не по тротуару, а по заросшей канаве, сердито ударя сандалиями по головкам лебедей. Здесь, на дне канавы, еще не высохла роса, и разлетались брызги. Хвост «Тигренка» оставлял в мокрой траве змейский след. А утро было хорошее: синее такое и свежее. Илька хмуро глянул в небо и засмотрелся. Редкие, совсем крошечные облачка быстро бежали к зениту. Слово кто-то очень большой отрывал за горизонтом клочки от тюка желтисей ваты и пу-

скал по ветру. Клочки летели, распадались на тонкие волокна и таяли в самой середине большого неба. И таяла Илькина обида.

Вдруг проснулась и коротко взревела за спиной бумажная трещотка. Это ветер задел в полете уренинную улицу. Змей рванулся и зарыскал на коротком поводке. «Тигренок» просился в небо.

Илька помчался к дому. Будь что будет, нельзя терять такой ветер!

Крыша сарая, который стоял во дворе, была круглой и высокой. Илька добрался до самого гребня и встал. Выпрямился. Ветер здесь был ровным и сильным, таким, что Илькины волосы на затылке сразу встали торчком, а широкие рукава рубашки затрепетали у локтей, как маленькие флаги. Трещотка уже просто ревели, захлебывалась воздухом, и «Тигренок» метался, как живой, он не хотел больше ждать.

Илька, торопясь, вынул катушку, несколько раз подергал нитку: «Выдержишь? Выдержи, ладно?» Он привязал конец нитки к поводку. Поднял «Тигренка» и подтолкнул вверх.

Нитка заскользила, обжигая пальцы. Змей пошел ровно и быстро. Голос трещотки становился тише, «конверт» уменьшался, и, когда разматалась катушка, он стал не больше конфетной бумажки. И только дрожь натянутой нитки говорила о силе воздушных потоков там, вверху.

Это было просто чудо: таким послушным и легким оказался Илькин первый змей! Радость звенела в Ильке, и не было вокруг ничего, кроме неба, такого громадного синего полушария, в котором только ветры, да желтые облака, да «Тигренок», и еще сам Илька на самом вершине высокой острой крыши...

А змей неожиданно рыскнул в сторону, заметался, потянул вправо. Теряя высоту, начал описывать круги. Видимо, хвост, намокший в росе, высох теперь на ветру, полегчал, и нарушилось равновесие. Илька испуганно дернул нитку.

И случилась беда.

Нитка в руках ослабела, а оторвавшийся «Тигренок», покачиваясь, начал медленно падать к разноцветным крышам соседнего квартала.

Он упал во дворе за высоким зеленым забором. Нет, Илька не растерялся. Была еще надежда спасти змея. Уже через минуту он, обдирая колени о зеленые доски, оседлал забор.

«Тигренок» был здесь. Он висел, перекинувшись хвостом через край железной бочки — сам снаружи, а хвост в воде. Илька, не думая, прыгнул в траву. Прыгнул, зашагал к бочке среди гряд, над которыми среди узорчатых листьев повисли зеленато-оранжевые помидоры.

В воде отражался темно-синий круг неба. В этом круге Илька увидел свою взлохмаченную голову и еще солнечный обрывок облака, похожий на парусную лодку. Лишь секунду задержался Илька, глядя в перевернутое небо. И вдруг рядом с его отражением появилось чье-то темное сердитое лицо. Крепкие пальцы ухватили Ильку за локоть.

Его держала грузная тетка в цветастом переднике, белой косынке, надвинутой на глаза, и почему-то в резиновых сапогах. Была она немногословна и деловита. Коротко кивнула на помидоры.

— Не успел еще?

— Я за змеем, — сказал Илька. — Пустите.

Он не испугался.

— Ишь ты! — Губы хозяйки искривились, как желтые дождевые червяки. — Знаем, не первый. Ну-ка, пойдем.

Она двинула Ильку в сторону ворот.

— А змей? — сказал он.

— Будет сейчас змей!..

Твердая ладонь ухватила Ильку за руку у самого плеча, приподняла, и ему пришлось бежать за хоззяйкой на цыпочках. Тетка шагала тяжело и быстро. Она шла не к воротам, а в угол двора, где темнели буйные крапивные джунгли. И, не сбавляя шага, нащупывала свободной рукой боковую пуговицу на Илькиных штанах.

Илька понял, что скоро-скоро, прямо сейчас случится что-то очень неприятное, и у него ослабели колени. Но тут же он отчаянно рванулся вниз, вперед и с маху взлетел на забор.

Он мчался по улице, слыша сначала за собой тяжелый топот и визгливый крик, а потом ничего не слыша...

— Илюшка!

Он остановился. Никто не гнался уже. А с тротуара звал его кто-то знакомый в сером костюме и кепке. Это же Владкин отец! И Владик рядом.

Илька подошел. Он дышал еще тяжело, и вид, наверно, был взъерошенный. Иван Сергеевич серьезно спросил:

— Случилось что?

— А чего она?..— сказал Илька.— Змей упал, а она...— И смелый Илька вдруг совсем неожиданно вскрикнул.

— Беда, что ли, какая?— нахмурился Владкин отец.

— Да так...— Илька коротко вздохнул, шмыгнув носом и вытер глаза. Нагнулся и стал чесать ногу. Нога горела: видно, зацепил за крапиву.

— Змей упал у него,— сказал Владик.— Сам делал, да, Илька? Первый...

Илька сердито мотнул головой.

— Ладно, пусть! Теперь я другой сделаю. Она еще узнает! Я другой сделаю, а на хвост привяжу... бомбу привяжу и запущу над ее огородом, вот! Мне Шурка поможет сделать. От ее огорода только дым пойдет...

Иван Сергеевич притянул Ильку за плечо.

— Ну, будет. Первый — не последний. Еще позапускаешь.. Ты скажи вот что. Знаешь, где Гена живет? К нему не забежишь?

Илька опять вздохнул.

— Я забегал. Я недавно забегал, а он не пускает. Говорит: «Идите все к чертовой бабушке в болото!»

— Ты чего это так выражаешься?— сказал Иван Сергеевич.

— Это он так выражается,— печально ответил Илька и снова стал чесать ногу.— Сидит там... и не пускает. Наверно, какое-то важное дело делает.

— Ты сбегай еще раз,— тихо попросил Владик.— Сбегаешь? Очень надо.

Илька выпрямился.

— Сбегаю,— сказал он.

Владик повернулся к отцу, словно ждал, что Иван Сергеевич заговорит, но тот молчал. Тогда Владик снова попросил Ильку:

— Ты ему хоть в окно крикни, если не пустит. Чтобы зашел. Потому что, наверно, ночью мы удем.

Илька по очереди глянул на Владика и на его отца.

— Насовсем?

— Нет,— сказал Иван Сергеевич.— Но, может быть, надолго. По крайней мере он...

— А... куда?— нерешительно спросил Илька.

— В Одессу,— сказал Владик.

Иван Сергеевич снова взял Ильку за плечо.

— Послушай. Если он прийти не может или еще чего... ты хоть спроси, не знает ли он, где там оста-

новиться можно на первые дни. Адрес какой-нибудь. С гостиницами там не густо.

Илька энергично кивнул и снова поднял глаза на Владкиного отца. Но тот смотрел куда-то мимо Ильки и, видно, думал о чем-то нелегком и беспокойном.

Что-то важное происходило сейчас, Илька это чувствовал, хотя и не понимал. Но он ни о чем не стал спрашивать, потому что не всегда это надо. Он уже знал, что приходит время, и загадки разгадываются, и многое становится ясным. А сейчас нужно спешить: ведь он Гонец.

— Я спрошу, где остановиться. Я запомню. Я побегу?

— Пусть придет,— тихо сказал Владик.

И стремительный Илька помчался.

Бежать хорошо, если кто-то надо. Если кто-то ждет. Тогда можно даже забыть о погибшем «Тигренке». Ну, не совсем забыть, а на минуту. Совсем разве забудешь? Вон Яшка Воробей уже кричит с забора:

— Запустил? Эй, Гонец!

Илька с разбегу проскочил мимо Воробья. Торкнулся по скользкой траве пяткой, обернулся.

— Чего?

— Где твой змей?— покачиваясь, допытывался Яшка.— Тю-тю, полосатенький, да?

— Ну и пусть тю-тю,— мужественно сказал Илька.— Ты, Яшка, раз уж не уехал в Африку, слезь с забора и сходи со мной к Генке. Дело есть, а он не пустит. Я знаю.

Это он так сказал. Просто, чтобы Яшка перестал расспрашивать про змея. А Генка, конечно, пустит, когда узнает, зачем. Но Яшка спросил:

— Какое дело?

Илька рассказал.

Яшка ловко прыгнул в траву.

— Не врешь? Правда, в Одессу?

Ну и бестолковый же Воробей! Зачем Ильке врать?

— Бежим,— заторопился Яшка.— Вот увидишь, пустит нас Генка. Мы его обрадуем. Я кое-что знаю.

— Что ты знаешь?— обидчиво спросил Илька. Потому что все-таки плохо, когда каждый что-то знает, а ты один не понимаешь ничего.

— Знаю!— ухмыльнулся на бегу Яшка.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

А с Генкой было вот что.

В день грозы, вернувшись от Владика, он вытащил из-за поленницы разбухший от сырости учебник.

В комнате Генка сел к окну, разложил учебник на подоконнике и, даваясь от непобедимого отвращения, открыл первую страницу.

Эту первую страницу Генка знал до последней запятой. Сколько раз он с нее начинал прорабатывать ненавистный «инглиш»! И отступал.

Но сейчас отступать было нельзя. Это железное «нельзя» встало перед Генкой, как прочная решетка. Хоть головой колотись, хоть зубами грызи. Хоть ложись на землю и волком вой.

Генка посмотрел на учебник, стиснул кулаки и заплакал.

Он плакал от ненависти. Он ненавидел эту мокрую растрепанную книжку, которую хоть умри, а надо как-то понять и выучить за две недели. За две недели вместо девяти месяцев! Ненавидел себя за беспомощность, за страх перед этой книж-

кой. И вообще всех на свете! Даже Владьку! Потому что все это из-за него...

Не шелохнув ни одну ветку, проскользнул в палисадник Яшка Воробей. И, как из-под земли, выскочил перед окошком.

— Ох, и грозица грохала! Ага, Гена? А ты дома был, ага?

Генка вздрогнул. В ту же секунду высохли у него глаза.

— Чего тебе?

В хитрых Яшкиных зрачках зашевелились крошечные искорки: он увидел учебник.

— У-у...— невинным голосом начал Яшка.— Английский учишь. А говорил...

— Что я говорил?— холодно спросил Генка.

— Сам не знаешь?

— Я все знаю,— сказал Генка.— Понятно?

Яшка присвистнул, напряжился и скакнул спиной вперед на шаткий заборчик палисадника. Сел на нем, нахохлился и закачался, как настоящий воробей.

— Ты мне сломай загородку!— хмуро сказал Генка.— Тогда узнаешь!

— Я легкий... А как по-английски будет «загородка»?

— «Загородка» по-английски будет «балбес»,— ответил Генка.

— Сам ты!..— вырвалось у Яшки.

И, перепуганный собственной дерзостью, он втянул голову и прыгнул назад, за палисадник. Потом осторожно глянул сквозь ветки. Генка сидел все так же, спокойный и грустный. Он не собирался мстить.

— Если я балбес,— сказал он,— то иди и спрашивай свою умную сестру. Она ученая. В школе училась да в институте уже целых три года.

— Четыре,— сказал Яшка.

— Ну, четыре... А еще сколько осталось?

Яшка за палисадником медленно выпрямился.

— Ско-олько...— задумчиво начал он и поднял к небу круглые коричневые глазки. Будто решал трудную задачу.— Ну, сколько? Всего шесть курсов. Отнять четыре... Значит, два. Два, да?

— Ты допрыгаешь, Воробей!— сказал Генка.— Катись, не мешай!

Эх, Генка, Генка... Не умел он лукавить. Слишком быстро и неловко перевел он разговор на Яшкину сестру. А Воробей хитер и догадлив.

— В медицинском шесть лет учатся,— начал он будто между прочим.— Больше, чем во всех других. Да еще какой-то этот нужен... стаж, когда человек работает. Галка два года санитаркой работала, а потом уж в институт. Без стажа трудно.

— Мало ли что трудно.

— Отличники еще могут,— объяснил Яшка.— А ты, что ли, отличник?

— При чем тут я?— зло бросил Генка.

— Ха-ха!— нахально сказал Яшка, потому что был далеко.— Думаешь, я дурак?

Генка смотрел на него ледяными, светлыми глазами.

— Слушай,— тихо сказал он.— Ни в каком месте, никогда, никому не вздумай пикнуть об этом.

Яшка знал, когда можно шутить, а когда лучше не надо.

— Зачем мне пикать? Мне-то что...— Он равнодушно засвистел, потом вздохнул, взглянул последний раз на Генку и ушел.

А Генка смотрел на учебник полными тоски глазами. И в голове толклись две дурацкие фразы: «Хау ду ю ду, Тэдди!», «Хау ду ю ду, Джонни!» Этих слов не было в учебнике. Генка запомнил их на одном из уроков, когда Вера Генриховна читала вслух тонкую книжонку об английских мальчиках, которые сделали воздушного змея. Поскольку речь шла о запуске змея, Генка решил сначала отнестись к этой истории с некоторым вниманием. Но понял он только первые слова: «Хау ду ю ду...» Это благо-

воспитанные Тэдди и Джонни приветствовали друг друга.

С тех пор, неизвестно почему, стоило Генке сестре за английский язык или даже подумать о нем, как начинало вертеться в голове: «Хау ду ю ду, Тэдди!», «Хау ду ю ду, Джонни!».

Генка ненавидел этих Тэдди и Джонни холодной, беспощадной ненавистью. Он представлял их удивительно ярко, просто как живых видел: чистеньких, приглаженных, с аккуратными проборчиками в прическах, в пестрых чулках до колен и ярко-рыжих полуботинках. Тэдди, кроме того, еще и сам был удивительно рыжий, а Джонни — белобрысый и лупоглазый. Они бестолково бегали по лужайке с подстриженной травкой и пытались запустить змея, сделанного из газеты с дурацким английским названием. Конечно, у таких растяп и дурней ничего не вышло, и змей упал в болото, распугав сытых английских лягушек. Это Генка знал точно, хотя Вера Генриховна ничего о таком конце не сообщала...

А учебник все еще был открыт на первой странице. Трудные дела всегда надо начинать с самой первой страницы, Генка это понимал. Но учить здесь было нечего, и он перевернул лист. Потом еще.

А за окном среди листьев, уже просохших после дождя, посвистывал ветер августа. И Генка увидел, как из-за крыши взбирается в небо маленький голубой змей «Василек».

А «Кондор» уже не поднимется. Будут удивляться мальчишки, будут узнавать друг у друга, куда делся Генка. Поползут по ниткам пестрые телеграммы: «Что случилось?»

Что же случилось? А ничего.

Что же делать, если есть на свете Владька, которому так плохо жить на свете, а помочь ему никто не может? А ведь кто-то должен помочь. Если отступают врачи, если боится отец, значит, должен помочь Генка. Это, может быть, смешно, но это так. Другого выхода Генка не знал и придумать не мог.

И отступить Генка не мог. Это было бы все равно что увидеть, как падает чей-то змей, и не броситься на выручку. Только в миллион раз страшнее: это значило бы предать Владьку. Нет, предавать Генка не умел.

Морщась от жалости к себе, Генка стал считать время: от шестого до десятого класса — пять лет, и в институте — шесть. Одиннадцать. Раньше нельзя, это понятно даже дураку.

Значит, одиннадцать. Это еще одна Владькина жизнь. И каждый день — это темнота без крошечного лучика света. И каждая молния может оказаться смертельной. Ведь это же Владька! Нет, Генка не мог допустить, чтобы к этим одиннадцати годам ожидания прибавился еще один — двенадцатый.

Он перевернул несколько листов. Здесь уже начались «джунгли».

«Хау ду ю ду, Тэдди!», «Хау ду ю ду, Джонни!»

— Ну, ладно, вы у меня запоете! — сказал сквозь зубы Генка.

Шумел ветер. Генка встал и захлопнул окно.

В половине восьмого пришла со смены мама. Генка смутно, будто сквозь вату, услышал ее шаги. Он не оглянулся.

Уже темнело, но можно было еще читать без электричества, и он сидел над учебником, навалившись грудью на подоконник. Грудь болела, но он не хотел шевелиться. Он боялся спугнуть себя. Только что Генка сделал открытие: оказывается, он

кое-что помнил и знал. Это «кое-что» было отрывочным и путаным, случайно схваченным на уроках. И все-таки, значит, он мог! Хоть немного, но мог. В конце концов за первую и за вторую четверть у него были тройки. Худосочные, ненадежные, но все-таки тройки, а не двойки...

Генка вздохнул. Он как бы проснулся. И услышал всхлипывания. Мама плакала.

— Мама... — сказал Генка и почувствовал, как стремительно вырастает непонятный страх. «С папой беда», — вдруг вспыхнула догадка. Генка прыгнул к стене и нажал выключатель.

Мама сидела у стола, положив голову на ладони. Она не сняла ни жакет, ни косынку. Сидела неподвижно, только вздрагивали плечи. Генка сказал шепотом:

— Ты чего... поздно пришла?

— Поздно? — Мама подняла лицо с влажными полосками от слезинок. И вдруг закричала громко и беспомощно: — Что же это такое?! Что же ты делаешь-то, лодырь бессовестный! Как ты меня перед людьми выставляешь?!

Страх отхлынул. Генка расслабленно вздохнул и снова шагнул к окну. Он еще не знал, в чем на этот раз виноват, но мысль о несчастье с отцом оказалась напрасной — и это главное. Остальное — пустяки.

— Как людям в глаза смотреть? — продолжала мама. — У всех дети, как дети, а мой...

Генке стало жаль ее. Он всегда ее жалел, когда она так на него кричала. Звучало в ее словах какое-то бессильное отчаяние. А сами слова были давно известные, те самые, которые говорят все взрослые всем мальчишкам.

— Ни ума, ни совести у тебя нет, — продолжала мама. — По крышам свищешь, а за дело взяться толку не хватает.

«Стукнула бы лучше, — тоскливо подумал Генка. — Ладно, что еще бабушки нет. Наверно, телевизор у соседей смотрит. А то бы вдвоем взялись...»

— Дубина бессовестная! — уронив руки, сказала мама.

— Что я сделал? — привычно мрачным голосом поинтересовался Генка.

— А ничего ты, лодырь, не сделал. Бездельничаешь. До чего дошло! Учительница за ним по городу охотится, к матери на работу приходит. «Здрасте, почему ваш Гена не бывает на занятиях?» «Как не бывает?» Вот и поговорили. А люди кругом стоят, слушают!

«Ясно», — подумал Генка. И обрадовался: значит, на него еще не махнули рукой.

— Только и знает свои крыши да книжки шпионские! — Мама шагнула к подоконнику, чтобы схватить и выбросить Генкину книгу. И остановилась. Учебник английского языка был ей так же знаком, как и Генке.

— Учү ведь, — устало сказал Генка. — Сама видишь.

— А что я вижу? В школу-то не ходишь!

— Ну, не хожу. Думаешь, почему? Они там уже вон сколько выучили, а я отстал. Вот догоню — и пойду.

— Догонишь ты... Времени-то много ли осталось!

— Догоню, — сказал Генка.

— Гена... Ты же понимаешь. Для себя же учишься. Постарайся. — Мама говорила уже не сердитым, просящим голосом. — Ты иди завтра в школу...

— Завтра воскресенье, — сказал Генка. — В понедельник пойду... Ну, обязательно. Ой, ну не плачь ты только! Ведь сказал, что пойду...

В понедельник он пришел в класс. Вера Генриховна сказала только одно:

— Звягин, сядь, пожалуйста, ближе к доске. У тебя отвлекает уличный шум.

Во вторник Генка подумал, что Тэдди и Джонни, может быть, не такие уж плохие пацаны. В конце концов они не виноваты, что родились в Англии и должны разговаривать на этом квакающем языке...

В среду Вера Генриховна долго слушала, как Генка барахтается в словах, пытаясь перевести коротенькие английские фразы.

— Это ужасно, Звягин,— сухо произнесла она.— Тебе не хватает элементарных знаний. Не знаю пока, как ты справишься с контрольной..

— Учти, что в шестом классе тебе придется уделять английскому языку особое внимание,— сказала она мимоходом в пятницу.

В субботу утром, когда Генка, заперев окна и двери, сидел дома над учебником, постучался Илька и что-то начал говорить о своем змее. Генка бросил в дверь ботинком.

Через час в дверь постучали снова.

— Ге-енка! — прогудел в замочную скважину Воробей.— Мы от Владика. Пусти, он просил сказать...

Генка вздрогнул. «Владик...» Все эти дни Генка боролся с желанием отложить учебник и побежать к Владьке. Ну, просто скучал по нему. Хотелось опять забраться на крышу, поднять свои «конверты» и стоять там на ветру, болтать обо всем на свете, будто ничего не случилось...

Но ведь случилось.

Нет, Генка не мог сейчас идти к Владiku. Он не боялся встречи с Иваном Сергеевичем, хотя и не

знал, будет ли тот рад его приходу. Он боялся другого — своей беспомощности перед Владькой. Маленький Владик один на один боролся со своей слепотой, боролся молча и отчаянно, как только мог. У него было горе в тысячи раз громаднее всех Генкиных несчастий, но Владька оказался сильнее и смелее. Генка был перед ним хлюпиком.

Чем он мог помочь Владьке? Ничем. Ведь жалостью не поможешь. Нужно было дать ему хоть какую-то надежду на выздоровление. И Генка дрался за эту надежду и понимал, что, пока не победит в этой драке, не сможет почувствовать себя перед Владькой, как равный перед равным.

И решил пока не встречаться с ним.

Но вот Владик сам зовет его. Просит о чем-то.

Генка отпер в сенях дверь и, не оглядываясь, вернулся в комнату.

Илька юркнул следом. А Яшка далеко не пошел. Остался у порога. Оглянулся и по привычке присел на корточки. Стоять Воробей не любил. Нахохлился, хитро стрельнул птичьими глазками и сообщил:

— Владика видели.

— Ну? — хмуро сказал Генка.

— Ген, он с Иваном Сергеевичем шел. Они в Одессу поедут и адрес у тебя спрашивали, где остановиться,— сразу выпалил Илька. Не любил он долгих предисловий и хитрого молчания.— И Владик просил зайти. Ты зайди. Зайдешь?

— В Одессу едут? — переспросил Генка.

— В Одессу,— сказал Яшка и усмехнулся.

Генка стоял спиной к окну и смотрел по очереди на ребят. Яшка с ненастоящим равнодушием оглядывал углы. Илька смотрел на Генку большими честными глазами. Он хотел только

одного: чтобы все было постарому, чтобы высоко в небо поднялись два самых хороших змея — «Фрегат» и «Кондор», чтобы все радовались и не было непонятной тревоги.

— Значит, в Одессу... — повторил Генка.

Он один из трех понимал все до конца. Владик слышал разговор отца и Генки — только так можно было объяснить этот неожиданный отъезд. Владик слышал. Этого было достаточно. Он узнал, что есть возможность снова увидеть свет. Крошечная возможность, один шанс из тысячи, но есть. Ну, а остальное ясно. Ведь это же Владька! Уж если он что-то задумал...

— Вы с ним поругались? — тихо спросил Илька, не отводя глаз.— Поругались, да?

«Что ты городишь!» — хотел прикрикнуть Генка, но глянул в напряженное лицо малыша и молча покачал головой.

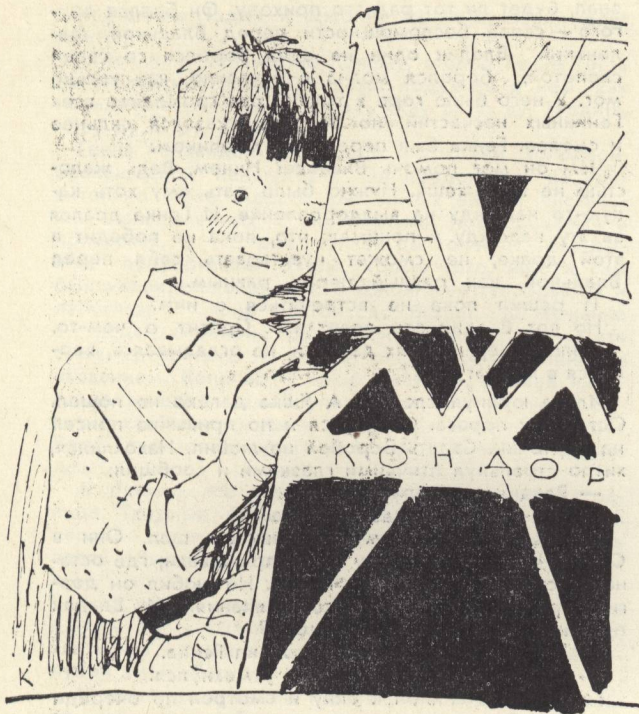
— Пойдешь к нему? — настойчиво продолжал Илька.

— Конечно,— мягко сказал Генка.— Вот только два предложения переведу. Я уж давно у него не был. Зубрю да зубрю.

Ответ успокоил Ильку. Было только непонятно, зачем уезжает Владик.

— Зачем им в Одессу? — спросил он.

— Ну, Илья, — сказал Генка. — Я же не был еще у него. Схожу, узнаю... Скажу тогда.

Яшка у порога негромко хихикнул.

— А сейчас не знаешь?

Генка промолчал.

— Ген, а у меня змей упал, — печально сообщил Илья. — Я ведь сам сделал. Хороший такой «Тигренок». Хорошо летал, а потом в огород упал, а там хозяйка. — Он опустил голову и покраснел. — Связываться с ней, что ли...

— Да, змей... — повторил Генка. Он шагнул мимо Ильки, опустился на колени и с шелестом вытнул из-под дивана «Кондора». — Вот, возьми. Мне сейчас ни к чему.

— Мне? — шепотом спросил Илья.

— Тебе.

Он встряхнул пушистую мочалу хвоста, провел пальцами по туго натянутой бумаге. Крепкий был змей, хотя мотали его ветры немало и не раз он ударялся о телеграфные столбы...

— Лучше бы отдал мне, — подал голос Яшка. — Илья его все равно угробит.

Генка не стал отвечать на такие слова.

Илья тоже молчал. Боролись в нем сомнения.

— Да... — произнес он: наконец. — А ты тогда говорил: самому надо делать. Это же я не сам...

— Ну и что? — Генка протянул ему змея. — Ты ведь помогал. Ну, помнишь, Илья, ты бегал за drankой и еще притащил кусок рогожи, когда не хватало мочалы? Значит, вместе делали. Потом сделаешь другой. А пока бери.

Илья взял. Ну, а что бы вы сделали на его месте? Отказались бы от «Кондора», прославленного среди всех здешних мальчишек?

Черный змей, разрисованный белыми зубцами, был похож на квадратный индейский щит. Илья скрылся за этим щитом; торчали только тонкие, в светлых царапинах ноги и голова со взъерошенной челкой и счастливыми блестящими глазами.

— Ген, — сказал Илья, нерешительно улыбаясь. — А можно, я сделаю для него свой позывной сигнал? Или пусть два: твой и мой. Можно?

— Делай свой, — сказал Генка.

Илья уже нетерпеливо пританцовывал: новая радость появилась у него, и он спешил.

— Я побегу?

— Беги.

Генка больше не думал о «Кондоре». Он думал о Владике. Только о нем. Сейчас Генка пойдет к нему, и, наверно, все будет хорошо. И сейчас и потом. Только надо сначала перевести хотя бы эти две оставшиеся на странице фразы. «Сейчас я вас долбану. Думаете, не долбану?» — Владыкиным голосом произнес про себя Генка.

Яшка не ушел вместе с Илькой. Он сидел у порога, в круглых глазах его блестело острое любопытство.

— И чего притворяешься? — вдруг заговорил он. — Не знаешь, что ли, зачем они едут? Там, в Одессе, специальная больница, где слепых лечат.

— Это я получше тебя знаю, — сказал Генка, садясь к окну.

— Ну и вот!

— Что «вот»? — хмыкнул Генка.

— А что! Если можно, его и так вылечат.

«А если нельзя, вылечу я», — подумал Генка, но вслух спросил:

— Как это «так»?

— Ну... без тебя.

— При чем здесь я?

— Ха! — сказал Яшка. — Я, думаешь, дурак? А зачем за английский засел? Теперь все равно зря...

— Знаешь что, Яшка... — начал Генка.

— Что? — настороженно откликнулся тот.

— Воробей ты и есть воробей. Мозги воробьиные.

И тогда Яшка обиделся. Не на прозвище он обиделся, к нему Яшка привык, а на то, как Генка говорил про его мозги — спокойно и насмешливо.

— Ладно, — ответил Яшка и встал. — Мозги... Я хоть на второй год не оставался.

Он ждал, что теперь-то Генка взорвется. Но, листая страницы в конце учебника, где был словарь, Генка хладнокровно произнес:

— А кто оставался?

Это было совсем непонятно. Он стал какой-то непрошибаемый. От такой неожиданности Яшкина обида исчезла, осталось только удивление. Но Генка сидел к нему спиной и разговаривать не собирался.

Яшка толкнул плечом дверь.

— Пойду я...

— Хау ду ю ду, — усмехнулся Генка. — То есть гуд бай.

ВОТ ПЕРЕД вами три фотоснимка. Как хороши движения трех юных фигуристок, плавно скользящих в ледовом танце! Красив даже лед, разрисованный лезвиями коньков; будто красота музыки и танца застыла в нем узором небывалых цветов...

Иные мальчики думают, что фигурное катание — спорт «девчоночий». Но пусть бы попробовал кто-нибудь из них исполнить пируэт, как эта девочка на верхнем фото! Больше ста оборотов в секунду делает умелый фигурист, войдя во вращение. Тут и космонавту в пору.

СПОРТ

сестра Улановы свободно и слаженно исполняют прыжок. Они оба любят музыку. Это ведь такое наслаждение — не только слушать ее, но и выражать в танце, сливая свои движения с мелодией и ритмом!

А справа — знаменитый «прыжок оленя», очень красивая и очень трудная фигура. Дружная пара брат и

ЧЕМ РАНЬШЕ,

Эти снежные горы — Альпы. Австрия, Швейцария, Италия, Франция, которым досталось «по кусочку» Альп, очень гордятся ими. И, действительно, Альпы красивы.

В Альпах — царство лыж. Кататься на лыжах здесь начинают с детства. Малыш едва научился ходить, а отец и мать, отправляясь на воскресную прогулку, уже берут его с собой в горы и ставят на лыжи. Замирая от страха и удовольствия, карапуз катится по склону, а родительские руки заботливо держат лыжника за воротник курточки, словно котенка. Пусть, мол, привыкает! Лет с пяти ребятишек отдают в лыжные школы, где тренеры учат их приемам слалома.

Я видела занятия такой школы. Вот тренер выбирает для начала отлогий склон, ка-

кой полегче, и ведет туда свой «класс» — десяток ребятишек. Конечно, им на первых порах и такая горка страшновата. Но, глядя друг на друга, они набираются храбрости.

А одна совсем маленькая девчушка, смело одолев склон по диагонали, внизу каждый раз приземлялась «на три точки». Тут уж горы оглашались отчаянным ревом.

— О Марихен, Марихен, — сочувственно качала головой девушка-тренер и, крепко ухватив заплакannую Марихен за ручку, помогала ей снова взобраться наверх.

Малышке этот склон кажется сейчас высоченной горой. Но через несколько лет она, конечно, сумеет справиться и с любым крутым спуском. Да не кое-как — лишь бы добраться до цели и устоять на ногах, нет,

ТЕМ ЛУЧШЕ!

*Взаимопомощь...**...Вот как надо тормозить плугом, Руди.**Страшней всего первый шаг!*

спуститься так быстро и красиво, будто несут ее не лыжи, а невидимые крылья.

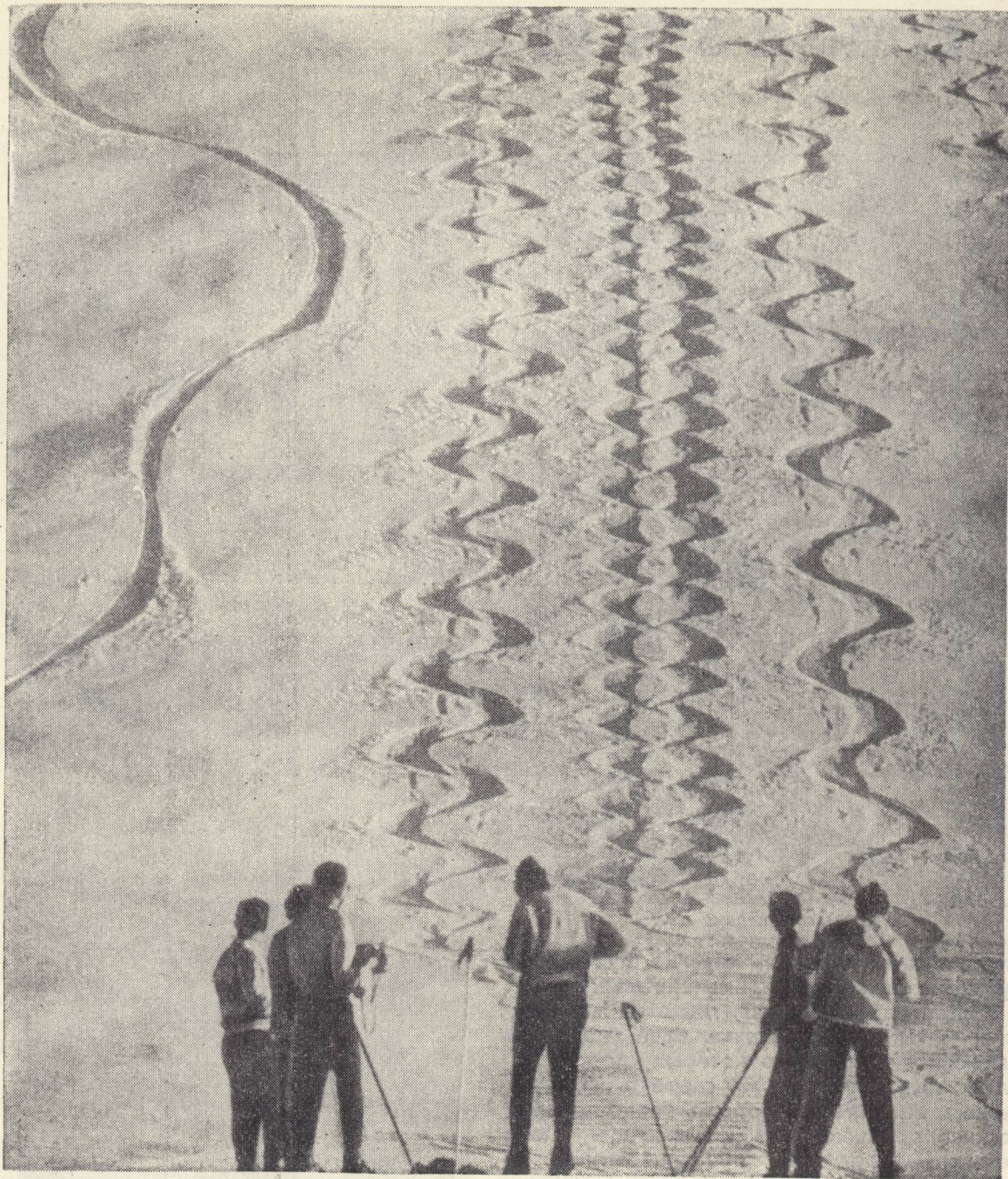
Нельзя не восхищаться, глядя на мастерский спуск горнолыжника. Едва уловимы движения, с помощью которых спортсмен умело гасит или набирает скорость на крутизне и выполняет повороты. Горнолыжная техника в Альпах разработана очень тщательно. Недаром в Австрии, Италии и Франции живут сильнейшие в мире горнолыжники, которые неизменно побеждают.

Но разве у нас в стране нет высоких снежных гор! Кавказ, Урал, Алтай, Саяны... Да и не обязательно начинать с них. Сперва учитесь одолевать свои «домашние» склоны. Важно пораньше начать!

Н. КОЛЕСНИКОВА

Не плачь, Марихен, еще научишься!

Говорят, по почерку можно определить черты характера. Верно ли это? Не знаю. Я не специалист в этом деле и потому не берусь судить. А вот по лыжным следам, ручаюсь, всегда отличу, кто спустился с горы: новичок или мастер? У одного след узкий, краси-

вый, уверенный. У другого — корявый, широкий, «с запятыми» и «точками»; сразу видно, где человек в снегу ковырялся, где, лежа на животе, лыжи руками ловил.

Можно смело сказать: лучшего критика, чем свой собственный след, я еще нигде не

встречал. Съехал с горы и поднимайся вверх. По следам все свои ошибки, как в зеркале, увидишь. Только не бойся смотреть правде в глаза. Внимательно прислушайся, что го-

ворит след. А он может сказать: «Вот, голубчик, тут, испугавшись крутого перегиба склона, ты ноги слишком широко расставил, а тут опять завалился корпусом к склону и загрузил не ту лыжу»... И это и многое другое расскажет след!

Да, кстати: знаешь ли ты, что известное ныне на всех языках слово «слалом» означает по-норвежски след, который оставил на горе спустившийся лыжник?

Конечно, не всегда и не везде бывает легко и просто взглянуть на свои следы: в горах строят подъемники, и лыжники поднимаются вверх не пешком, а сидя в всячем кресле. Да и народу на склонах тьма — спустился, а за тобой по тому же месту десять — двадцать лыжников съедут, пока ты успеешь подняться.

Но зато как изменился и вырос спорт! Какими красивыми и длинными стали узоры-спуски! Особенно хороши они по утрам, когда на твердый наст или на укатанный склон ночью ляжет мягкий пушистый снежок сантиметров в пятнадцать — двадцать. Оглянешься вокруг, насладишься ослепительным солнцем, затянешь потуже крепления — и под кручу! Фонтаны снега вырываются из-под лыж, окутывают тебя до самого пояса, а ты мчишься вниз с поворотами навстречу самому жгучему ветру, и от бешеной скорости даже воздух кажется неподатливым и тугим!

Но мы опять отвлеклись. Посмотри на снимок слева. Видишь, какие красивые, правильные следы оставили лыжники. Будто вышивка! Это спускались по свежему снегу первоклассные слаломисты. Правее — рядом — художник нарисовал, как это делается. Из одного поворота в другой, лыжи сомкнуты, параллельны, колени влево, колени вправо, вес тела — на нижней от склона ноге... Таким способом по урамбованному снежному склону можно чисто «прошить» змейку в трассе слалома или одолеть очень крутой склон, все время сохраняя одну и ту же, нужную тебе скорость. У нас этот стиль поворотов называется «волна», у немцев — «вила-ние», у французов — «змейка». Но дело, конечно, не в названии, а в точности, целесообразности, стремительности, красоте. Во всяком случае, когда я гляжу на этот снимок, на эти следы, меня снова неудержимо тянет в горы.

Ну, а тебе, юный друг, не хочется так же спускаться с горы на лыжах? Ведь не боги горшки обжигают! Если ты очень сильно захочешь, если будешь упорен, спустишься даже лучше!

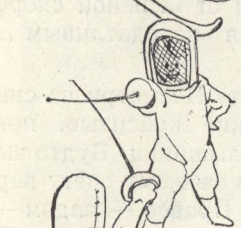
В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
мастер спорта

Откровенный разговор

Анатолий МАРКУША

Рисунки Л. Самойлова.

«Только для мужчин» — так называется новая книга писателя Анатолия Маркуши, которая в этом году выйдет в издательстве «Детская литература».

В этой книге ты найдешь откровенный разговор о великом племени мальчишек, о настоящем мужском характере, о воспитании решительности, твердости и воли, о дружбе, о взаимоотношениях с девчонками, о поведении в затруднительных жизненных положениях.

Перед тобой будут развернуты сто страниц «Книги мудрости», написанной в разных странах, в дальние и близкие времена, самыми непохожими друг на друга людьми. И еще ты найдешь сто советов мастеру на все руки, и сто советов на разные случаи жизни, и сто спортивных советов. Сейчас мы предлагаем тебе прочитать главы из этой книги.

У каждого человека есть своя мечта, своя главная забота в жизни. С тех пор как я стал взрослым, меня не покидает постоянное беспокойство: как сделать, чтобы не потерять дружбу с мальчишками, не оторваться от моих дорогих друзей, неподкупных, верных и самых надежных товарищей?

Мальчишки! Вам я всегда был и до самого конца останусь предан. И пусть кому-то из взрослых это покажется странным. Пусть! Все равно я не могу изменить вам, потому что вы несете на своих плечах будущее, потому что все, что свершится в нашем большом и сложном мире завтра, и послезавтра, и потом, еще позже, непременно будет делом ваших рук, вашего таланта, вашего упорства и вдохновения.

Но, прежде чем представитель вашего племени займет свое место во взрослой жизни, ему предстоит пройти нелегкую школу

мальчишества. И от успехов в этой школе зависит очень и очень многое.

Сначала все мальчишки учатся бегать, играть в городки или гонять футбольный мяч, носиться на велосипеде или лазать по деревьям, фантазировать и мечтать о небывалом. Все мальчишки спешат вырасти и стать взрослыми. Скорее, скорее, скорее!.. И все это понятно, и все это нормально. Настолько понятно и настолько нормально, что тут и не о чем долго рассуждать. Впрочем...

«ЕСЛИ» И «НО»

Если мальчишка быстрее всех заканчивает стометровку, — это, разумеется, великолепно! Но если он норовит перед самым финишем подставить ножку своему противнику и победить таким способом, тогда худо.

Если мальчишка научился не просто размахивать кулаками, а знает десяток точных и хитрых приемов бокса, — красота! Но если он показывает свое искусство не в честном бою, а преимущественно на тех, кто моложе или слабее его, такое не вызывает симпатии к человеку.

Если мальчишка умеет ездить на велосипеде, не прикасаясь руками к рулю, и при этом одинаково лихо выполняет левые и правые повороты, такой виртуоз вызывает искреннее уважение. Но если он бледнеет от злости, когда сосед просит его дать велосипед «на один кружок по двору», — это огорчительно.

Если мальчишка говорит в лицо правду и товарищу своему и недругу, можно быть уверенным: такой парень не осрамит своего племени. Но если, делая вид, что он защищает правду, мальчишка бежит жаловаться на своего друга, от такого толку не жди...

«Если» и «но» — этими двумя коротенькими словечками можно было бы начинить очень длинный перечень размышлений о настоящих и, скажем мягко, ненастоящих мальчишках.

Да-а, ненастоящие мальчишки тоже живут на свете! И тут уж так сразу ничего не изменишь. Можно носить длинные штаны и мужскую прическу, можно мастерски боксировать, легко прыгать с вышки в воду, крутить слалом на отчаянных склонах и при всем этом не быть настоящим мальчишкой.

Я думаю, что настоящий мальчишка — прежде всего настоящий товарищ. И еще — мастер на все руки. И обязательно смелый и ловкий человек.

И вот почему я так думаю. Ведь из мальчишек непременно вырастают мужчины: работники, солдаты, отцы новых мальчишек. А куда годится мужчина, неспособный на дружбу, белоручка и трус? Это же не мужчина, а горе!

Оглядываясь на прожитое и стараясь вспомнить самые яркие, самые завидные образы людей, поразивших мое воображение, я всегда обнаруживаю, что все эти люди бы-

ли непременно смелыми, ловкими, деятельными.

Помню, вскоре после войны мне случилось познакомиться с майором запаса Дзюбой. Сам Дзюба о себе говорил скупо и очень буднично:

— Служил я в саперных частях. Специализировался там на разминировании. Приходилось также обезвреживать неразорвавшиеся бомбы.

Но товарищи его сказали:

— За время войны майор снял больше пяти тысяч мины и разрядил около тысячи бомб. Всякий раз, когда саперам попадалась мина новой конструкции или с каким-нибудь особым секретом, непременно вызывали Дзюбу.

После этого я смотрел на Дзюбу во все глаза. Внешне обыкновенный, немолодой уже человек. Спокойные, пожалуй, даже чуточку замедленные движения. Решительно ничего героического в его облике не было. И подумать только: шесть тысяч раз он брал в руки смерть!

Или вот не так давно на строительстве электростанции мне показали паренька, который на высоте восьмидесяти метров прополз по тонкому звянящему тросу к застрявшей над рекой вагонетке подвесной дороги, устранил неисправность и как ни в чем не бывало вернулся в объятия товарищей. И тогда я снова подумал: «Это мужчина!».

О Дзюбе и пареньке-строителе мне случилось уже рассказывать разным мальчишкам. Слушали все одинаково — со вниманием, а реагировали по-разному. Одни говорили коротко:

— Вот это да! — И просили объяснить, почему не все авиабомбы взрывались, или спрашивали фамилию отчаянного канатоходца.

Другие же говорили примерно так:

— Вот когда вырасту, тогда и я... — Впрочем, что следовало дальше, не так уж важно.

Скажу откровенно: меня всегда злит, когда кто-то сулит сначала вырасти, сначала выучиться, сначала обождать, а уж потом показывать завидные образцы героизма, выдержки, находчивости и множество других качеств, возвышающих человека.

ОБЪЯСНЕНИЯ С КОЛЕЙ ОБЕЩАЛКИНЫМ

— А кто тебе мешает сейчас, сегодня, сию минуту быть не просто Колей Обещалкиным, а уважаемым деловым человеком? — спросил я однажды у такого мастера «дальних прогнозов».

Коля вытаращил глаза и произнес примерно следующую речь:

— Я даже удивляюсь, чего вы спрашиваете. Кто мешает? Ха! Никто не мешает. А кто помогает? Конечно, вы скажете, что для нас построены дворцы пионеров, и стадионы, и кино, и театры. Это правильно! Но кто даст мне слетать, например, в космос или хотя бы в стратосферу? Никто! Когда была

война, тогда совсем другое дело: ребят и в разведку брали и к партизанам. Я про Ленку Голикова читал, знаю. А теперь? Теперь только и слышишь: учись, учись, учись, учись!..

Коля Обещалкин был из тех ребят, кто умеет говорить бойко и длинно. Спорить с ними не так-то легко. На каждый твой довод они находят десять своих. Если я говорю, что дважды два четыре, они возражают: но трижды пять пятнадцать!..

Поэтому я не стал ничего объяснять Коле на словах, а просто открыл ящик своего рабочего стола, достал маленькую блестящую трубочку и спросил:

— Скажи-ка, что это за штука?

— Трубка.

— Какая?

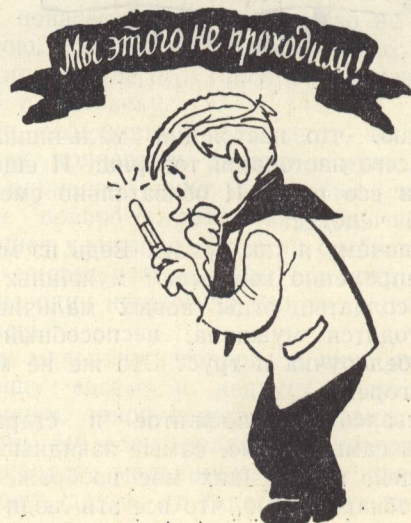
— Стеклянная.

— Все?

— А чего еще?

— Между прочим, это предохранитель, простейшая деталь радиоприемника. Не зная, как она устроена, для чего нужна, нечего болтать о космосе.

— Но я же про космос для примера сказал.

— Я тоже для примера.

И прежде чем Обещалкин успел атаковать меня плотным огнем всегда готовых у него возражений, я выложил перед ним еще одну деталь. Коричневая текстолитовая штуковина глядела на моего собеседника блестящим глазом-контактом.

— Ну, а это что такое?

— Этого мы не проходили. Не-е-е знаю.

— Это ротор трамблера автомобиля «ГАЗ-51». Ясно?

— Ах, ротор! Я как-то сразу не сообразил...

— Ничего, — сказал я, — с первого взгляда, бывает, и родного брата не узнают. Для чего служит ротор, что он делает?

Ответа не последовало.

— А если я не интересуюсь техникой, тогда что ж, выходит, я вообще не человек? Да? — сказал Обещалкин немного погодя.

— Только что ты собирался в космос, а это техника, да еще какая! Лучше бы уж не выкручивался. Но я согласен и на такой поворот: ты не питаешь склонности к технике. Возможно. Оставим технику. Действительно, все люди не могут быть инженерами, да это и не нужно. Хорошо. Скажи мне тогда, Коля, какие у тебя обязанности?

Коля подумал и, явно воспрянув духом, стал бойко перечислять:

— Моя первая обязанность — хорошо учиться. — Сказав это, он посмотрел мне прямо в глаза, но я не подал никакого ободряющего знака. — И еще я должен соблюдать дисциплину.

Я молчал.

— И выполнять общественную работу. Я молчал.

— И уважать старших... Это главные обязанности.

— А ты никогда не думал, что самая первая обязанность человека — жить с пользой для других?

Да, друзья, чтобы приносить пользу людям, приносить радость товарищам, вовсе не обязательно дожидаться, пока тебе исполнится двадцать, тридцать, сорок или пятьдесят лет. Быть нужным можно всегда!

«ЕСЛИ» БЕЗ «НО»

Настоящий мальчишка обязан воспитывать в себе (именно сам и именно в себе) настоящий мужской характер. Он должен быть твердым.

Скажем, ты решил делать по утрам физзарядку. Первый день машешь руками и радуешься. В голове веселые мысли бродят: «Порядок! Буду так упражняться каждое утро — никто меня никогда не одолеет». И на второй и на третий день все идет хорошо.

А вот когда-то на пятый день ты вдруг вспоминаешь, что нынче воскресенье. Известно, что в воскресенье никто не работает. В воскресенье положено отдыхать... И тут ты начинаешь выдумывать причины, которые, не очень беспокоя совесть, позволили бы поваляться лишние полчаса в кровати. Как ни странно, причин находитесь много. Во-первых, рассуждаешь ты, от физических упражнений надо тоже отдыхать. Во-вторых, вот уже четыре дня я занимался, а сдвигов никаких незаметно. В-третьих, не лучше ли вообще записаться в секцию борьбы?.. Находятся и свои «в-четвертых», «в-пятых» и даже «в-десятых».

Вот тут-то и требуется проявить твердость: убить лень, одолеть все «благовидные» причины, мешающие довести принятое решение до конца, и заставить себя желать того, чего делать не хочется. Для этого нужна твердость!

Впрочем, хочу сразу предостеречь от ошибки, случающейся довольно часто: настоящая мужская твердость ничего общего не имеет с упрямством.

Настойчивое стремление к разумной цели, пусть большой, пусть малой, но непременно разумной, — оно и только оно составляет подлинную твердость характера!

Мужчина, если он действительно мужчина, должен быть решительным.

Однажды я прочитал в газете о восьмилетнем мальчонке, который сумел спасти троих совсем маленьких ребятишек. Ребятишки эти провалились под лед, а он вытащил их.

Мне очень захотелось познакомиться с таким героическим пареньком, заглянуть ему в глаза, попытаться понять, как и почему он смог спасти три живые души.

Я разыскал героя. Он оказался проворным, жилистым, белобрысым, очень застенчивым человечком. И мне пришлось потратить немало времени, чтобы вытянуть его на откровенный разговор. Вот что в этом разговоре оказалось самым интересным.

— Когда я увидел, что санки под лед ухнули, я сразу решил: надо лезть, а то... Ну, вы понимаете. И потом, рядом больше все равно никого не было...

Тут я перебею своего героя. Пожалуйста, обратите внимание: первое его решение было **мгновенным** и **точным!** Побег мальчонка за помощью, начни кричать и суетиться, было бы упущено главное — время!

— Только так просто я не мог лезть. Лед-то то-о-ненький еще был. Я бы и сам провалился. Они маленькие — и то ухнули, а я тяжелый. А на берегу доска валялась. Я ее схватил сразу, бросил на лед и пополз с доской...

И снова прошу обратить внимание: решение было не только **быстрым**, но и совершенно **разумным**. Кинься мальчонка на лед, как говорится, очертя голову, в беде оказались бы четверо.

— Когда я их вытаскивал, посмотрел, а они все дрожат. Прямо жутко, как дрожат. Я испугался, чтобы не замерзли, не заболели. Ну и сказал: «Бегите! Быстро бегите!». А они не бегут, дрожат и санки жалеют. Ну тогда я стал их хворостиной стегать. Они заревели и побежали. Потом меня за хворостину ругали. Не сильно, но ругали. А что я мог сделать?..

Зря ругали человека! И это его решение было совершенно **правильным**, **логичным** и тоже **быстрым**.

Что можно сказать об этом мальчонке? Это человек решительный. И если он показал себя таким в восемь лет, то можно не сомневаться, что и в двадцать он не станет хуже.

ВНИМАНИЕ! ОСОБО ВАЖНО!

Продолжая наш откровенный разговор, я не случайно пометил эту главу требовательным словом «Внимание!». Дальше речь пойдет об очень важном, может быть, даже о самом важном свойстве мужского характера.

Настоящий мужчина должен быть смелым.

Чтобы поднять в небо новую, никем не облетанную машину, летчику-испытателю надо быть смелым человеком. Новая машина в небе — всегда загадка. Какую неожиданность она может тебе подстроить, какого моментального решения потребовать, точно никогда не известно. Зато известно другое: ошибаться в испытательном полете рискованно. Лишнего времени на обдумывание сложившихся обстоятельств нет. Списывать не у кого, и на подсказку рассчитывать не приходится. Значит, испытательный полет — поединок с неизвестностью, и притом поединок скоротечный, стремительный, часто напряженный, как самый настоящий бой. А бой всегда требует смелости...

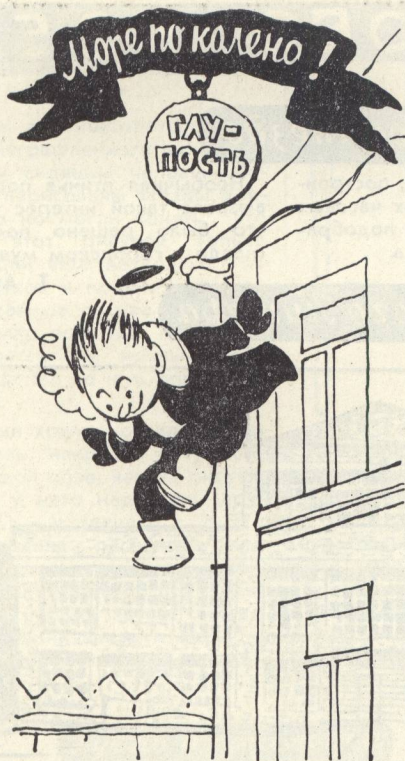
Но, чтобы высказать в лицо человеку свое честное мнение, не совпадающее с его мнением, тоже нужна смелость. Ведь человек может быть старше, сильнее тебя. Ему, раз он старший, предоставлены известные права, которые могут доставить тебе множество огорчений. К тому же если ты сознаешь свою правоту, то и он тоже, вероятно, считает себя правым. А когда сталкиваются две правды, без борьбы не обходится. Вот и выходит: чтобы отстаивать свою правду, надо не только верить в нее, надо быть еще и смелым человеком...

Примеры можно бы продолжать и разнообразить. Но смысл не в числе, а в самом существе примеров. Что же в конце концов значит быть смелым? Это значит постоянно, решительно преодолевать страх, всегда и при всех обстоятельствах поступать так, как того требует дело, которому ты служишь, ради которого живешь на земле.

Смелыми не рождаются, смелыми делаются. Большинство людей понимает это, но тут

многие мальчишки совершают одну и ту же постоянную и весьма серьезную ошибку.

«Буду тренировать смелость!» — решает мальчишка и тут же начинает искать точку приложения своих сил. Один мой приятель прыгнул с крыши двухэтажного дома в сугроб шестьдесят три раза подряд и гордо написал мне: «А в следующую зиму я обязуюсь прыгнуть еще сто пятьдесят раз!»

Нет, дорогие мои друзья, настоящая, высшая смелость не должна быть слепой. Не

всякий риск — благородное дело, и не всякий риск — нужное дело. Я убежден, что каждое действие человека, каждый его поступок должен быть оправдан. Если ты рискуешь здоровьем, благополучием, даже самой жизнью ради счастья, спокойствия, долготы других людей — слава тебе и великая честь! А если ты рискуешь ногами или головой только для того, чтобы показать свою удачу перед всем светом, то дело это несерьезное, нестоящее и скорее свидетельствует о твоем тщеславии, чем о растущей не по дням, а по часам смелости.

Смелость и лихачество вовсе не две стороны одной и той же медали. Смелость и лихачество — разные стороны разных медалей. И если вам интересно знать, что выбито на обратной стороне медали, отмеченной символом лихачества, скажу по секрету — глупость.

Но как все-таки тренировать, выращивать, воспитывать в себе настоящую, полноценную смелость? Универсальных советов на этот счет нет, но два направления я бы, пожалуй, назвал.

Первое направление. Всегда, даже в самых трудных случаях жизни, отстаивай правду. Ту правду, в которую ты веришь, которой предан. На этом пути расцветает смелость души и ума человека.

Второе направление. Тренируйся на сложных трассах, на горных тропах, на водных дорожках, на пружинящих под ногами рингах. На этом пути расцветает смелость тела.

И имей в виду: ни одно направление не заменяет другого. Оба пути должны идти параллельно.

ЗИМА

Сергей АРТАМОНОВ

Всю ночь летел и падал снег,
Его никто не ждал.
Проснулся утром человек
И зиму увидал!

Был дом на взгорье. Из окна
Ложбинка снежная видна,

Да синеватый лес вдали,
Да солнце в золотой пыли.

Ни облака, ни ветерка,
Сверкает белый снег...
— Пора лепить снеговика! —
Решил тот человек.

Металлическое гнездо

В Швейцарии, в городе Солеире, неподалеку от часового завода было обнаружено удивительное птичье гнездо. Трясо-

гузки, хозяева гнезда, построили его из мельчайших часовых деталей, которые они подобрали на свалке у завода.

Необычная птичья постройка вызвала такой интерес у всех, что было решено поместить гнездо в городском музее.

Т. Ауэрбах

Станок большого Питера

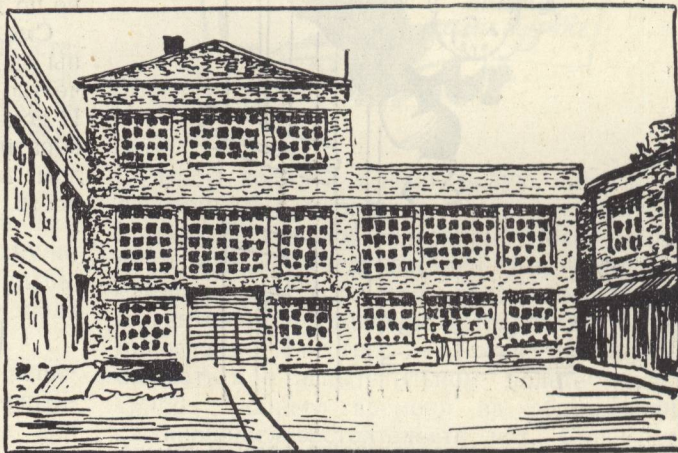
Снимок, который вы видите здесь, сделан в маленьком бельгийском городке Баасроде. Город этот ничем не примечателен, кроме старинной канатной фабрики. Когда мы пришли на фабрику, работа там шла вовсю. Яростно грохотали станки, все, кроме одного, который был гораздо больше остальных, словно сделанный на заказ для какого-то великана. Хозяин фабрики, месье Робэр, сказал, усмехнувшись:

— Этот станок бездействует с тех пор, как работавший на нем Питер дер Гранте уехал к себе на родину. Вот уже более двухсот лет мы не можем подобрать рабочего подходящего роста для этой машины.

Нас очень заинтересовало, откуда родом был великан. Оказалось, что это царь Петр Первый. «Питер дер Гранте» значит по-фламандски «Большой Питер» — так называли его жители Баасроде, когда он работал на фабрике, изучал канатное производство, необходимое для русского кораблестроения.

На снимке — двор фабрики. Сюда каждое утро входил Большой Питер, поднимался по лестнице в цех и становился к своему станку.

В. Кочурова-Шандор

Фонарь на хвосте

На коровах, идущих в сумерках по шоссе, непременно аварии из-за столкновения машин с коровами.

Трудность заключается в одном: издавшие эти правила не могут решить, как укрепить фонарь на коровьем хвосте. Отдано недавно властями в Англии, потому что участились

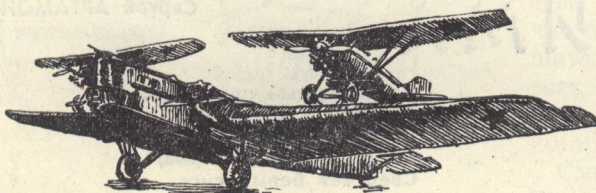
С. Фролов

В Мирном ждуют пингвинов

Американские ученые с антарктической станции Мак-Мердо решили проверить, верно ли, что пингины, так же как и почтовые голуби, легко могут находить обратную дорогу домой.

Ученые увезли на самолете к себе, за тысячи километров от Мирного, группу пингвинов. Там птиц окольцуют и выпустят. А американский биолог будет ждать их в Мирном.

На борту самолета ...самолет

Посмотрите, какой удивительный самолет! На нем сидят еще два! Зачем это? А для того, чтобы разные самолеты помогали друг другу. Ведь тяжелый бомбардировщик хотя и может долго находиться в воздухе, зато неповоротлив и легко уязвим. А стремительный и юркий истребитель быстро «выдыхается» — запаса энергии у него ненадолго хватает. Если же попробовать их объединить, в нужный момент истребитель сможет отделиться от самолета-матки и ринуться на защиту.

Испытания подобного самолета проводил еще В. П. Чкалов.

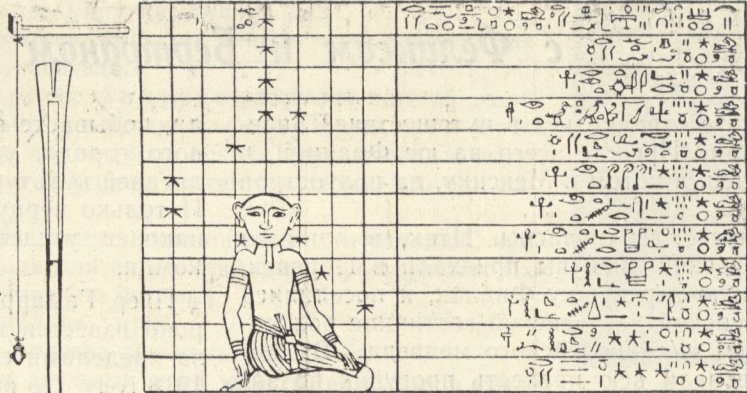

Карта на папирусе

На листе древнеегипетского папируса, разграфленного на клетки, изображен сидящий человек. Вокруг него нарисованы звезды. Ученые долго не могли понять, что означает этот рисунок. Только когда нашли еще несколько таких папирусов и прочли иероглифы, написанные справа от рисунка, все стало понятно.

Оказывается это ночные часы египтян. Как же по ним определяли время?

На крыше храма стоял жрец-наблюдатель, напротив него сидел помощник, точно в такой позе, как на рисунке... Одна звезда виднелась у него над ухом, другая — под коленом; третья — у плеча и т. д. В руках у жреца отвес и дощечка с расщепом. Глядя через расщеп на звезды, он определял их положение рядом с фигурой помощника и сравнивал с таблицей, которую вы видите здесь. Справа на таблице написаны названия звезд и часы, когда они видны в таком положении. Для всех созвездий у египтян

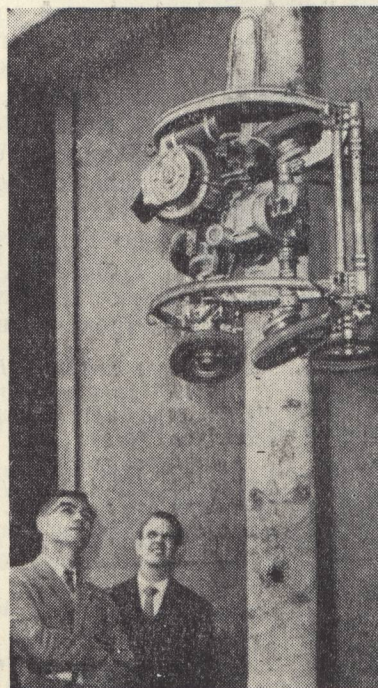

были свои имена. Большую Медведицу называли Нога Быка, Малую — Бегемотиха и т. д.

В одном папирусе середины XV века до н. э. описано «небесное чудо» — с юга пролетела сверкающая звезда и исчезла. Астрономы предполагают, что, возможно, эта была комета Галлея.

Р. Рубинштейн

Механическая обезьяна

Как видите, машина уже научилась лазить по деревьям. И не просто лазить, а отпиливать ветки и, достигнув вершины, спускаться по стволу обратно на землю. Неплохой помощник лесникам и садоводам! На ярмарке в Базеле вокруг «обезьяны» всегда собирался народ.

Рубль-тяжеловес

На снимке — русская монета весом в один килограмм. Это медный рубль, отчеканенный на Сестрорецком монетном дворе в 1771 г. Наладить серийную чеканку рублей не удалось — так и осталось всего несколько пробных монет.

Вверху справа полушка, четверть копейки. Она появилась впервые при Петре I в 1718 году. И по случайному совпадению весит ровно один грамм, хотя в то время не было еще ни граммов, ни килограммов — вообще не было метрической системы мер. При тогдашней технике совсем нелегко было чеканить такие крохотные монеты.

М. Максимов

Познакомьтесь с

Феликсом и Бертраном

Хотите отправиться в путешествие? Знаете, куда? Прежде всего на юг Франции, в Пиренеи, а потом в Мексику, на полуостров Юкатан.

Конечно, вы согласны. Итак, в один из декабрьских дней вы приехали в Пиренеи, в горную деревушку Фибиак, и поселились в маленькой деревенской гостинице под названием «У пиренейского медведя». Вы почувствовали всю прелесть прогулок по заснеженным горным тропкам, вдоволь надышались морозным горным воздухом, побывали в деревенской школе, познакомились с ребятами, которые там учатся, а с двумя неразлучными товарищами — Феликсом и Бертраном — даже успели подружиться.

Одновременно с вами туда же приезжает некий таинственный незнакомец, который сразу заинтересовывает обоих друзей — Феликса и Бертрана.

Кто же он такой? Зачем приехал он в горную деревушку? Мальчики осторожно следят за незнакомцем.

Потом вместе с Феликсом и Бертраном вы попадете в Мексику, в тропические джунг-

ли, побываете в развалинах древнего мертвого города, узнаете много интересного о древней культуре индейского племени майя. И только вернувшись вновь в Пиренеи, вы наконец узнаете тайну приезжего незнакомца.

Пьер Гамарра, писатель-коммунист, широко известен не только во Франции, но и за пределами ее. Он родился в Тулузе в 1918 году. По образованию он учитель, много путешествовал по Франции, ездил за границу, как журналист. Он автор многочисленных произведений, среди которых немало повестей и рассказов для детей. Основная тема его произведений — борьба против войны. Он уверен, что эта борьба увенчается успехом, если люди объединятся. В рассказе «Руки людей» жители деревни поднялись в горы и расчистили обвал, предотвратив этим стихийное бедствие — наводнение. «Один человек, — пишет Гамарра, — здесь ничего бы не сделал. Разве справилась бы здесь пара человеческих рук? Но руки всей деревни взялись за дело, и вот...»

Повесть «Тайна пернатого змея» отмечена во Франции специальной премией, которая присуждается за лучшие книги для юношества.

На русский язык эту книгу перевела Э. Лабезникова.

В. РАТНЕР

Дорогие читатели «Пионера»!

В 1961 году я приезжал в Советский Союз, побывал на Украине, видел Днепр, огромный и спокойный, и посадил на могиле Аркадия Гайдара крохотное деревце.

Не знаю, прижился ли мой каштан, но мне хотелось, чтобы это было прекрасное и могучее деревце, усыпанное цветами и птичьими гнездами. Но если даже оно и погибло, я не суверен — тысячи других деревьев расцветут, как символ дружбы между нашими странами.

ПЬЕР ГАМАРРА

МНОЖЕСТВО СЧАСТЛИВЫХ ЧАСОВ

Я прочитал эту книгу и почувствовал, что, если бы она прошла мимо меня, я был бы много беднее, чем сейчас.

Эта книга — большое богатство. Страниц в ней немного, но рассказано о четырех замечательных писателях, имена которых знает каждый школьник, потому что вот уже сто с лишним лет, как они неизменные спутники юности.

Александр Дюма, Жюль Верн, Роберт Льюис Стивенсон, Артур Конан-

Дойль! Как тут не поставить восклицательный знак! Сколько радости, какое огромное удовольствие принес миру каждый из них!

Мы знаем их книги, увлекаемся ими, но меньше нам известна их жизнь, то, как они жили, как работали.

И вот сейчас писатель Кирилл Андреев рассказал нам об этом.

«Я назвал эту книгу, — пишет он в предисловии, — «Искатели приключений» не только потому, что ее герои искали приключения в окружающей их жизни, в прошлом и будущем, но также потому, что они научили этому и меня».

Книга эта о мужественных людях, вдохновенных рабочих, чей талант и чья слава не знали границ ни во времени, ни в пространстве. Их любили современники, их боготворили потомки.

То, что сделали они, никогда не умрет.

Свое предисловие Кирилл Андреев заканчивает:

«Они были сверстниками и друзьями моей юности, помогали в трудные минуты, учили меня никогда не сдаваться и всегда идти вперед. Они остались моими друзьями и по сей день, и я надеюсь, что еще долгие годы останутся сверстниками многих поколений».

Что можно прибавить к этому?

Пожалуй, только то, что, прочитав книгу Кирилла Андреева, вам захочется снова взять в библиотеке сочинения и Александра Дюма, и Жюль Верна, и Роберта Льюиса Стивенсона, и Артура Конан-Дойля.

И, если это случится, вам предстоит множество счастливых часов!

И. РАХТАНОВ

МЛАДШЕМУ БРАТУ ИЛИ СЕСТРЕНКЕ

Хорошо, когда младшему брату или сестренке весело. А попробуй сам сделать так, чтобы им смешно было, — открой эту книжку и начни читать вслух.

Рассказ «Самое главное» — о мальчишке, который был трусливым, о том, как он исправился. Правда, не все ему сразу удавалось: ведь, кроме смелости, нужна еще и сила, а кроме силы, — знание. Но, оказывается, стать смелым не так уж трудно.

Правда, ты можешь сказать: «А что тут смешного?» Но прочитай этот и два других рассказа в книжке Михаила Зощенко «Самое главное». А если тебе самому не будет весело, то, может быть, ты просто не умеешь смеяться?

ПРО КОТА ТОМА

Ингвалл Свинсое — норвежский писатель. Прочти его книжку «Том в горах».

Томом звали кота. Сперва он был котенком, но быстро вырос. Так уж вышло, что он один в горах остался. Чего только с ним не случилось! Даже с лисой подраться пришлось однажды.

Но с лисой — это еще что! Спасаясь от одиночества, Том бродил по лесу и забрел в логово рыси. С рысятами он как будто и подружился, да только заметила Тома рысь, тут-то и началось!

Хорошо, что Том попал все-таки домой после долгой зимы. Все о нем так беспокоились!

ЛОДКА НА КРЫЛЬЯХ

Ты можешь построить не только модель лодки на крыльях, но и саму лодку. И катамаран нетрудно сделать самому; его и большая-то волна не опрокидывает. А на зиму поплавки его можно заменить лыжами или коньками. Тогда буер получится.

О том, как все это сделать, рассказал И. Симонович в книжке «Пионер-судостроитель». Правда, он заранее предупредил: «Не умеешь плавать — в лодку не садись!»

Мне запомнилось

Однажды летом, когда я был в лагере «Орленок», во время военной игры один из нашего отряда поранил ногу. Мы оказали ему первую помощь, а потом доставили в больницу. Врач сказал, что рана несерьезная, но деньков пять в море не купаться. Жалко, конечно, но что поделаешь!

Июльским утром мы, как всегда, по горну побежали на место, где проходила зарядка, нам разрешили купаться в море.

Выкупавшись, разгоряченные, вернулись мы в спальню, и вот что увидели: кровати, ровно заправленные, стояли у стен, комната сверкала...

Олег Ребрин.
г. Шадринск.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Мы уважаем таких людей, как «мальчик с перевязанной ногой». Ему самому нужна была помощь, а он помог другим. Молодец!

Герой

Я услышала в саду шум и писк. Над кустами малины кружились и кричали два воробья, а их воробышек перепархивал с места на место и пищал.

Я схватила его. Он стал клевать меня и запищал еще сильнее.

Я показала воробья папе и маме. Папа сказал:

— Еще летать не умеет, а выпрыгивает из гнезда! Какой герой!

Я назвала воробья Герой.

На другой день к окну стали прилетать родители воробышка. Они стучали в окно и кричали. Герой тоже кричал.

Воробей прожил у нас три дня.

Потом я вынесла Героя во двор. Он сразу вспорхнул и полетел. Родители кинулись ему навстречу.

Мы заметили, что Герой за несколько дней научился летать не хуже взрослых воробьев.

Гая Муза.
г. Остров.

А как думаете вы?

Дорогая редакция!

Разве в тринадцать лет нельзя дружить с мальчиком или вести личный дневник?

У меня был друг Саня, и в дневнике я как-то написала о нашей дружбе. Мои записи прочитала мама. Все, что было там написано, она рассказала папе, моим братьям и соседке тете Насте. Теперь братья часто упрекают меня моей дружбой с Саней. А папа сказал:

— Рано еще думать о мальчишках.

Мама говорит, что дневник ведут только плохие, испорченные люди. Разве это правильно? И можно ли читать чужие дневники без спроса, пусть даже это будет такой близкий человек, как мама? По-моему, нельзя.

Мама думает, что дружат с мальчиками только испорченные девочки. По-моему, она неправа.

А как думаете вы?

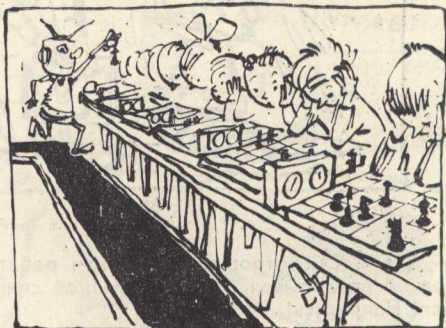
И. Т.
г. Семилуки.

И железный не выдержит

Гр. ГОРИН

Рисунки А. Елисеева и М. Скобелева.

Подружился Смехотрон с ребятами из одной школы. Часто ходил к ним в гости, играл с ними в шахматы и в футбол. В общем, стал в этой школе своим человеком.

И вот как-то один из ребят говорит:

— Слушай, Смехотрон, а чего ты не несешь у нас никакой нагрузки?

— Какой нагрузки? — не понял Смехотрон.

— Как это «какой»? Обычной. Общественной!.. Существо ты умное, винтиков у тебя в голове много. Энергии тоже. Стенную газету стал бы выпускать, что ли... Ты рисовать умеешь?

— Умею немного, — сказал Смехотрон.

— Вот и введем тебя в редколлегия.

— Введем!!! — закричали все ребята.

— И пусть он еще шахматный кружок ведет! — предложил кто-то.

— И с отстающими пусть занимается!..

— И над октябрятами пускай шефствует!..

— И в самодеятельности пусть выступает!..

Смехотрон даже растерялся.

— Стоп, ребята! — сказал он. — А вдруг я со всем этим не справлюсь?

— Справишься! — закричали ребята. — Ты железный — ты все выдержишь!

Одним словом, решили — постановили.

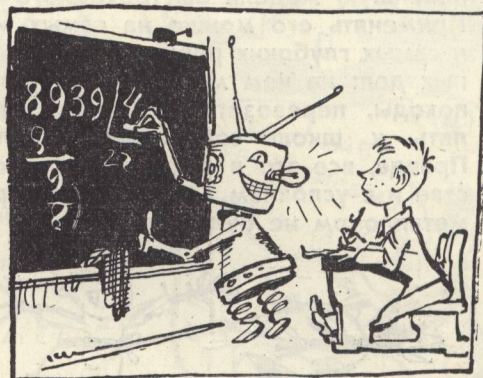
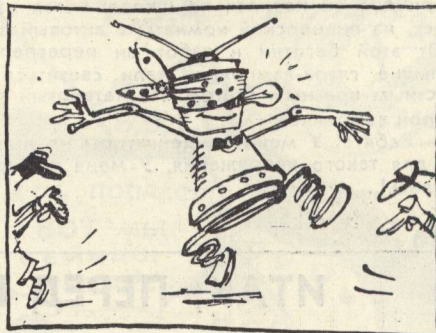
На следующий день Смехотрон приступил к своим обязанностям. Сначала сел за газету. Заголовок написал. Заметки придумал. Даже карикатуру сам нарисовал и сам посмеялся. Потом в шахматный кружок побежал и провел там сеанс одновременной игры на десяти досках. Все десять партий выиграл, потому что, как известно, сейчас машины играют в шахматы не хуже гроссмейстеров. Потом с малышами поиграл в жмурки, потом с отстающими решил несколько задач, потом для самодеятельности новый номер придумал.

— Молодец, Смехотроша! — сказали ребята. — Быстро со всеми нагрузками справился... Надо будет тебе еще что-нибудь придумать...

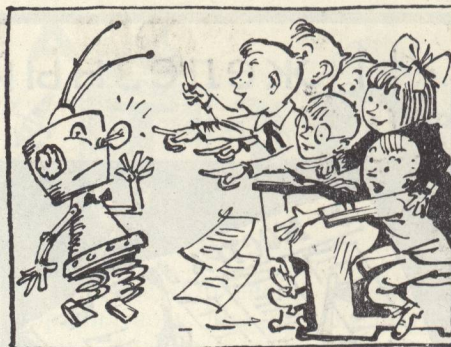
Подумали — придумали.

Решили Смехотрону поручить:

- а) цветы на окна поливать,
- б) металлолом собирать,
- в) бегунов тренировать,
- г) кукольный театр организовать,
- д) все музеи посещать и о них ребятам рассказывать. А также сделали его ответственным за проведение Дня птиц, Дня здоровья, Дня физкультурника, Международного дня защиты детей и Недели детской книги.

— Давай, Смехотроша! — говорили ребята, одоб- рительно похлопывая его по железной спине. — Ста- райся! Напрягись!..

Смехотрон загудел и принялся за работу.

Три дня он носился по школе, бегая из класса в класс, из пионерской комнаты в актовй зал.

От этой беготни и забот он перегрелся, и его большие глаза-лампочки стали светиться каким-то грустным красным светом. На четвертый день Сме- хотрон взмолился:

— Ребята! У меня конденсаторы не приспособле- ны для такого напряжения. У меня все нервы рас- паялись!..

А ребята удивлялись:

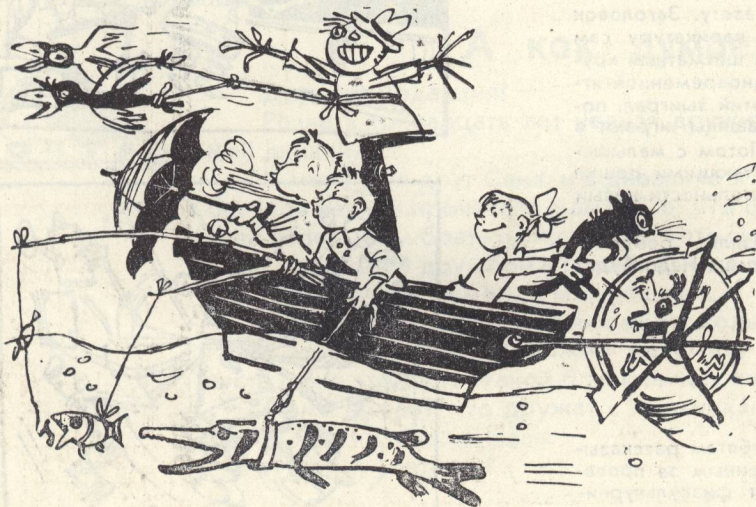
— Странный какой-то, этот Смехотрон! Получил нагрузки и, как угорелый, сразу же бросился их вы- полнять... Разве так можно! Да у нас за некоторыми ребятами вдвое больше всяких нагрузок числится — и ничего! Никто не перегревается! Ни у кого нервы не распаялись! Потому что никто эти самые нагруз- ки по-настоящему и не выполняет...

Умная машина — Смехотрон, а до такой простой вещи не смогла додуматься...

Нет, далеко ей еще до ребят из некоторых школ!

ИТАК, ПЕРЕД ВАМИ РЫБОПЕСОГУСЕХОД

Рыбопесогусеход представляет собой новейшую модель быстроходного судна. Применять его можно на самых мелких и самых глубоких речках, для самых раз- ных дел: на нем можно отправляться в походы, перевозить пассажиров, достав- лять к школе собранный металлолом. Правда, все это в ограниченном количе- стве и с условием, что ни пассажиры, ни металлолом не будут шевелиться.

Инструкция по эксплуатации

Рыбопесогусеход приводится в движение тремя двигателями: подводным, воздушным и кормовым.

I. Для отличной работы подводного двигателя необходимы два хороших магнита: большая жир- ная муха и пескарь, а также проголодавшаяся щука. Прекрасными заменителями вместо мухи и пескаря могут служить жучки и караси.

II. Работа воздушного двигателя имеет наивыс- ший КПД при двух условиях:

а) чем страшнее чучело; б) чем больше и от- кормленнее гуси.

Примечание: гусей можно заменить воронами или стаяй воробьев.

III. При запуске кормово- го двигателя нужно учиты- вать следующие правила:

а) собака должна быть как можно злей;

б) кошка ни в коем слу- чае не должна упасть в воду.

Дополнительно к инструк- ции: На Рыбопесогусехо- де имеется аварийный двигатель-парус. Наилучшей разновидностью паруса яв- ляется зонт. При безветрен- ной погоде парус работает при помощи всех членов экипажа, которые изо всех сил дуют в него.

Начальник ОТК клуба «ВО»
Валерий Одинец

СОН В РУКУ или ПИСЬМО из ЗООПАРКА

Такое письмо получил Вова Пуговкин из зоопарка. В нем зашифрована фраза, над которой стоит задуматься не только Вове, но и всем нашим читателям, мечтающим о космических полетах.

Приступая к решению головоломки, сначала выпиши названия всех изображенных на рисунке животных. И постарайся догадаться, для чего это нужно.

5 Кому: Вове Пуговкину

ЗАГАДКИ-ШУТКИ

1. Какой зверь бежит всегда под уклон?
2. Иногда вторник предшествует понедельнику. Когда это бывает?
3. В какую бочку не налить воды?
4. Какую вилку не возьмешь в руки?

ОТВЕТЫ на загадки, помещенные в № 1

СХВАТКА НА ХОККЕЙНОМ ПОЛЕ

1. Названия команд написаны на щите, указывающем счет в игре. В надписях русские буквы перемешаны с буквами нерусских алфавитов. Пропуская последние и читая только русские, вы прочитаете слева «Метеор», справа — «Заря».
2. Из названий предметов, нарисованных на щите рисунков, отберите по одной букве в середине каждого слова: щеТка, тетРадь, гриБы, веДро, кроВать, тАз. Из этих букв составляются слова: ТРИ—ДВА. Стало быть, счет в игре 3:2 в пользу «Метеора».
3. Опасность угрожает воротам, которые защищает вратарь с ребусным знаком на свитере. Расшифровав ребус (за «Р» — «Я»), вы узнаете, что опасный момент произошел у ворот «Зари».
4. Отберите последовательно каждую седьмую букву из букв, расположенных по окружности плаката, который держат болельщики, и вы прочитаете спортивный лозунг: «Пусть победит сильнейший!»
5. Вы уже выяснили, что «Метеор» атакует ворота «Зари», значит, у игроков «Метеора» на гетрах одна белая полоска, а у игроков «Зари» — две. На поле мы видим пятерых хоккеистов «Зари» — значит, на скамье оштрафованных сидит шестой игрок этой команды.

ЗАГАДОЧНЫЙ ПЛАКАТ

Ключ к решению головоломки находится внутри клеточной фигуры. Под каждым кружком с буквой угадывается продолжение сходящихся в одной точке линий. Эти невидимые линии и образуют шифровальный знак, заменяющий букву, под которой он находится. Последовательно заменяя шифровальные знаки соответствующими им буквами, прочитаете: «На шпартгалках, как на ходулях: подняться можешь высоко, а далеко уйти не сумеешь».

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ

1. Эребус — ребус (Эребус — действующий вулкан в Антарктиде).
2. Мыс Горн.

Содержание

Блестали сабли...	1
Жаворонок. — Рассказ С. Полетаева. Рисунки Е. Медведева	2
Двести метров. Казахи под Можайском. Кропотово. Оно. — Стихи Бориса Слуцкого. Рисунки П. Караченцова	8
Страница, которой нет в учебнике. — Л. Симонова	10
Письмо... рассказ... разговор...	17
Бабушка. — Рассказ Н. Никонова. Рисунок Е. Расторгуева	17
Февраль. — Геннадий Снегирев. Рисунок М. Митурича	21
Кругосветка	22
За высокими горами Гималаями. — С. Володина. Рисунки П. Кирличева	24
Веселый Тым. — Стихи и рисунки братьев Павловых	27
Волшебная кисть. — Римма Канделани	29
Муравьиный царь. — Научно-фантастический рассказ Александра Ломма. Рисунки Г. Филипповского	33
Объявление Смехотрона	36
В зимнем бассейне. — Стихи З. Александровой. Рисунок А. Брея	37
Зоопарк Тяни-Толкая	38
Та сторона, где ветер. — Повесть В. Крапивина. Окончание. Рисунки Ю. Коровина	40
Спорт	61
Откровенный разговор. — Анатолий Маркуша. Рисунки Л. Самойлова	66
Зима. — Стихи Сергея Артамонова	71
Отовсюду и обо всем. — Рисунки Д. Пивоварова, О. Зотова. Фото С. Карасева	72
Что нам читать?	74
Наша почта	76
Смехотрон	77
В часы досуга	79

На вклейке:

Гонец. Ведунья. Весна священная. Сторожевые огни. Гэсэр-Хан. Джомолунгма. — Картины Н. Рериха.
Взволнованные толпы наполнили улицы. — Рисунок Г. Филипповского к рассказу А. Ломма «Муравьиный царь».

На первой странице обложки:
Навстречу ветру. Рисунок Я. Титова.

На четвертой странице обложки:
Из истории кораблей. — Рисунок О. Зотова.

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор **П. И. Кузьмичев.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Техн. редактор **В. Пархоменко.**

А 02215.

Подписано к печати 20/1 1965 г.

Тираж 594 500 экз.

Изд. № 189.

Заказ № 3664.

Формат бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2.62. Печ. листов 8.61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

РЕБЯТА!

Без затрат времени и труда вы можете заказать себе нужную вещь и получить ее по почте.

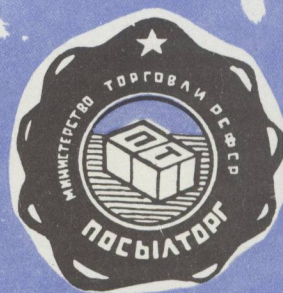
На базах Посылторга имеются коньки, принадлежности для лыжного спорта, спортивные ботинки, велосипеды, рюкзаки, покрышки и камеры для волейбольных и футбольных мячей, игры бадминтон и настольный теннис, мячи теннисные и хоккейные.

АДРЕСА ЭТИХ БАЗ: Московской центральной — Москва, Авиамоторная ул., 50; г. Иркутск, ул. Красного резерва, 62; г. Новосибирск, ул. Степана Разина, 52; г. Свердловск, ул. Учителей, 38; г. Ростов-на-Дону, Береговая ул., 62.

Юные моделлисты и техники могут заказать на Московской центральной базе также наборы заготовок для летающих и плавающих моделей, наборы для выпиливания по дереву, микродвигатели, конструкторы, электроприборы для выжигания. Любители рыбной ловли и подводной охоты — рыболовные снасти, ласты, маски и ружья. Туристы, спортсмены — палатки, спортивные сумки, эспандеры, малогабаритные радиоприемники.

Полный перечень товаров, высылаемых базами Посылторга, их стоимость и условия пересылки вы найдете в прейскуранте Посылторга, «Товары — почтой», который должен быть во всех почтовых отделениях.

Посылторг
Министерства торговли
РСФСР

«КТО ПРИДУМАЛ ПЕРВЫЙ КОРАБЛЬ?» — часто спрашивают ребята.

Указать в ответ имя, отчество и фамилию изобретателя, конечно, нельзя. Корабль «придумался» не сразу. Это — коллективное творчество многих тысяч поколений. Но можно узнать «родословную» корабля, проследить, как он рос, усложнялся, совершенствовался. Две науки — история и археология — помогают в этом.

Вот несколько портретов в длинной семейной галерее кораблей. На первом вы видите челнок из выдолбленного или выжженного древесного ствола. А может, первым кораблем надо считать упавшее в воду бревно, на котором кто-то из наших первобытных предков догадался переплыть реку? Нет. Это еще не творение рук человека. На бревне переправляются и животные. А два скрепленных вместе бревна и челнок-долбленку уже можно считать началом.

Большим скачком вперед был парус. Тысячелетиями совершенствовался корабль, движимый ветром или сочетанием ветра с веслами. На следующих портретах вы видите древнеегипетскую барку (2), галеру древних греков (3), корабль викингов (4), одну из каравелл Колумба (5) и венец парусного судостроения клиппер XIX века (6). Потом настало время пара. Один из первенцев парового флота — пароход Фультона (7). От этого суденышка, неуклюже шлепавшего по Гудзонову заливу плечами больших колес, шло развитие к огромным океанским судам с мощными паровыми турбинами и с дизелями.

На последнем рисунке — чемпион среди кораблей нашего времени атомный богатырь, ледокол «ЛЕНИН».